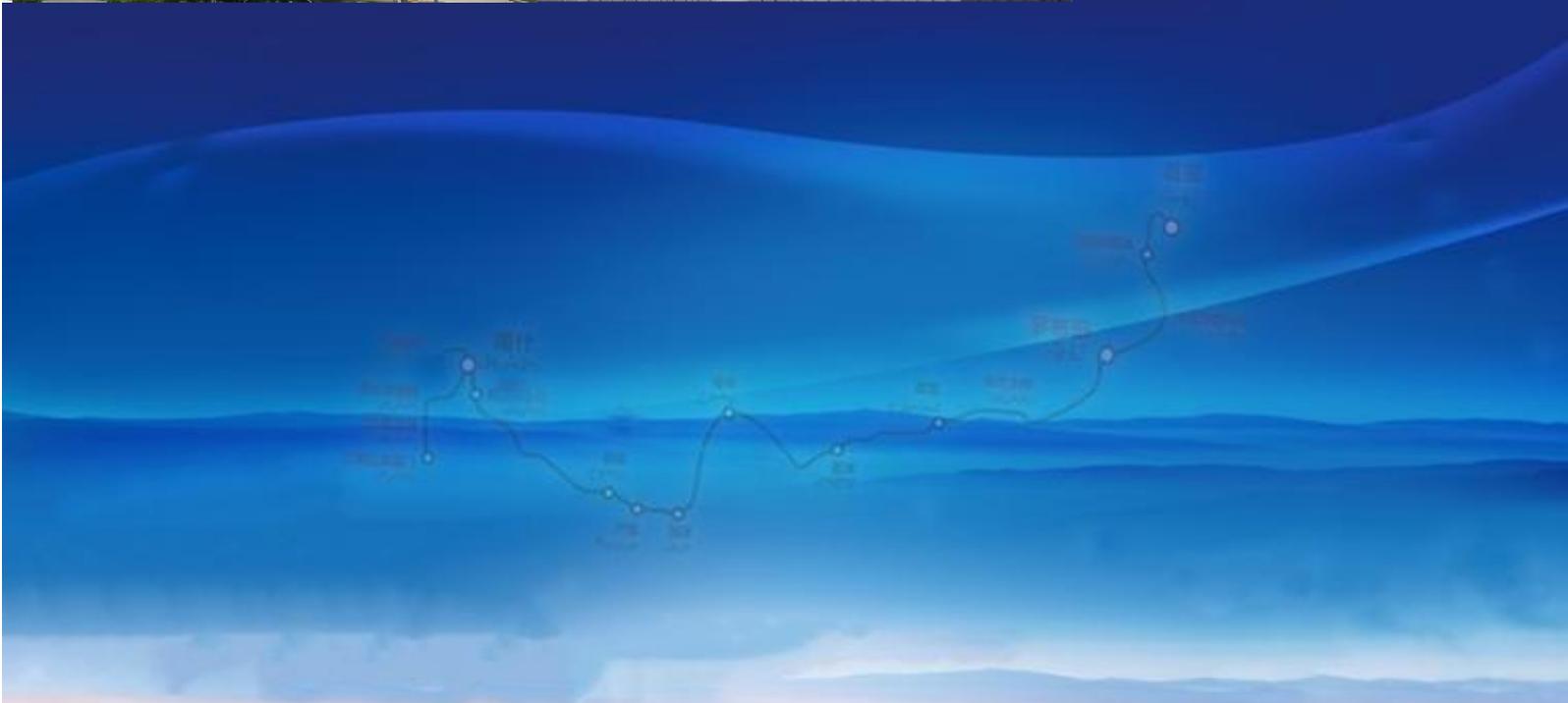
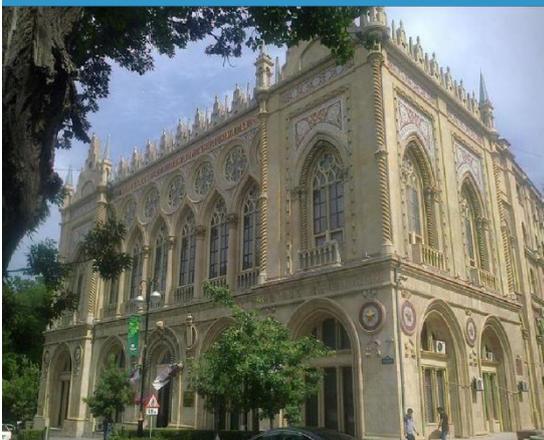

MULTICULTURAL RESEARCH
МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
跨文化研究

Scientific Journal / Научный журнал / 学术期刊

中国 湖州

2024 № 1 (18)

主办单位:

湖州师范学院

地址:

湖州师范学院跨文化
研究中心 (浙江省湖州
市二环东路 759 号)

邮箱:

02546@zjhu.edu.cn

电话:

0572-2321033

邮政编码:

313000

主编:

李姬花

教育学博士, 副教授

湖州师范学院

(中国)

副主编:

彼洛仁科·莉迪娅

教育学博士, 教授

湖州师范学院

(中国)

执行秘书(负责期刊发布):

沙利娅科娃-巴赞卡·伊丽娜

语言学博士, 副教授

湖州师范学院

(中国)

国际编委会成员

阿布拉扎德·古尔纳兹

哲学博士, 教授

巴库音乐学院

(阿塞拜疆)

扎哈林娜·尤利娅

艺术学博士, 教授

白俄罗斯国立师范大学

(白俄罗斯)

拉普提诺克·亚历山大

哲学博士, 教授

白俄罗斯国立大学

(白俄罗斯)

马蒂修克·帕维尔

文化学、哲学博士, 教授

俄罗斯经济大学明斯克分校

(白俄罗斯)

梅格雷利什维利·塔蒂亚娜

语言学博士, 教授

格鲁吉亚技术大学

(格鲁吉亚)

梅尔尼科娃·安吉拉

语言学博士, 教授

白俄罗斯戈梅利国立大学

(白俄罗斯)

米赛克·依丽娜

哲学博士, 教授

南乌克兰国立教育学院

(乌克兰)

纳吉耶娃·弗洛拉·苏丹·吉兹

语言学博士、教授

巴库斯拉夫大学

(阿塞拜疆)

巴利齐科·根纳迪

教育学博士, 教授

白俄罗斯国立大学

(白俄罗斯)

鲁塞茨基·瓦西里

教育学博士, 教授

教育学院

(白俄罗斯)

斯内普科夫斯卡娅·斯维特兰娜

教育学博士、历史学博士, 教授

白俄罗斯国立大学

(白俄罗斯)

宋珊珊

文化学博士

湖州师范学院

(中国)

陈陈林

语言学博士

湖州师范学院

(中国)

Editor-in-Chief:

Li Jihua,
PhD (Pedagogy),
Associate Professor
Huzhou University
(China)

Deputy Editor-in-Chief:

Pyrozhenko Lidiia,
Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor
Huzhou University
(China)

Executive Editor:

**Shauliakova-Barzenka
Iryna,**
PhD (Philology),
Associate Professor
Huzhou University
(China)

Главный редактор:

Ли Цзихуа,
кандидат педагогических
наук, доцент
Университет Хучжоу
(Китай)

**Заместитель главного
редактора:**

Пироженко Лидия,
доктор педагогических
наук, профессор
Университет Хучжоу
(Китай)

**Ответственный
секретарь
(выпускающий редактор):**

**Шевлякова-Борзенко
Ирина,** кандидат
филологических наук,
доцент
Университет Хучжоу
(Китай)

International Editorial Board

Abdullazade Gulnaz,
Doctor of Philosophy,
Professor
Baku Academy of Music
(Azerbaijan)

Zakharina Yulia,
Doctor of Arts, Professor
Belarusian Pedagogical
State University named
after Maxim Tank
(Belarus)

Laptenok Alexander,
Doctor of Philosophy,
Professor
Belarusian State University
(Belarus)

Martysiuk Pavel,
Doctor of Cultural
Studies, Doctor of
Philosophy, Professor
Minsk Branch of the
Plekhanov Russian
University of Economics
(Belarus)

Megrelishvili Tatiana,
Doctor of Philology,
Professor
Georgian Technical
University
(Georgia)

Melnikava Angela,
Doctor of Philology,
Professor
Francisk Skorina Gomel
State University
(Belarus)

Mysyk Irina,
Doctor of Philosophy,
Professor
South Ukrainian State
Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky
(Ukraine)

**Najieva Flora Sultan
gizi,**
Doctor of Philology,
Professor
Baku Slavic University
(Azerbaijan)

Международный редакционный совет

Абуллазаде Гульназ,
доктор философских наук,
профессор
Бакинская музыкальная
академия имени
Узеира Гаджибекова
(Азербайджан)

Захарина Юлия,
доктор искусствоведения,
профессор
Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка
(Беларусь)

Лаптёнок Александр,
доктор философских наук,
профессор
Белорусский государственный
университет
(Беларусь)

Мартысюк Павел,
доктор культурологии,
доктор философских наук,
профессор
Минский филиал Российского
экономического
университета имени
Г. В. Плеханова (Беларусь)

Мегрелишвили Татьяна,
доктор филологических
наук, профессор
Грузинский технический
университет
(Грузия)

Мельникова Анжела,
доктор филологических
наук, профессор
Гомельский государственный
университет имени
Франциска Скорины
(Беларусь)

Мысык Ирина,
доктор философских наук,
профессор
Южноукраинский
государственный
педагогический университет
имени К. Д. Ушинского
(Украина)

**Наджиева Флора Султан
гызы,**
доктор филологических
наук, профессор
Бакинский славянский
университет
(Азербайджан)

Palchyk Henadzi, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor	Belarusian State University (Belarus)	Пальчик Геннадий, доктор педагогических наук, профессор	Белорусский государственный университет (Беларусь)
Rusetsky Vasily, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor	Academy of Education (Belarus)	Русецкий Василий, доктор педагогических наук, профессор	Академия образования (Беларусь)
Snapkovskaya Svetlana, Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor	Belarusian State University (Belarus)	Снапковская Светлана, доктор педагогических наук, доктор исторических наук, профессор	Белорусский государственный университет (Беларусь)
Song Shanshan, PhD (Cultural studies)	Huzhou University (China)	Сун Шаншан, кандидат культурологии	Университет Хучжоу (Китай)
Chen Chenlin, PhD (Philology)	Huzhou University (China)	Чень Ченлинь, кандидат филологических наук	Университет Хучжоу (Китай)

CONTENT

■ <i>Cultural studies</i>	
Fu Shouxiang, Wei Lina	7
On pleasure experience and the transformation of aesthetic interest from classic art to mass culture in China	
Jabarova Shukufa, Abdiyeva Adalat	20
Cross-cultural education in Azerbaijan: the experience of the Azerbaijan university of languages	
Zeng Yanbiao	27
National singing traditions of China: socio-cultural and pedagogical contexts	
■ <i>Pedagogical science and education</i>	
Rusetsky Vasily, Zelanko Volha	35
Quality of general secondary education and its assessment in the Republic of Belarus	
Pominov Andrey, Fayzullina Liliya	48
Semiotic problems in the practice of reproducing pedagogical models	
Lozitsky Vyacheslav	57
Educational segment of the unified information and educational environment in the Republic of Belarus as a subject of systemic scientific analysis	
Kondratenko Polina	68
Musical accompaniment in classical dance classes: selection of musical texts in the context of modeling the training session	
Novik Svetlana	76
The motive of self-assertion in team interaction among adolescent students	
■ <i>Philology</i>	
Mysyk Irina	87
Features of the application of the communicative-pragmatic approach in the study of linguistic objects	
Lebedzeva Marina	96
Mediatization of literary text in the information society	
<i>Information about the authors</i>	105
<i>Information about the Multicultural Research Center of Huzhou University</i>	110

СОДЕРЖАНИЕ

■ Исследования культуры	
Фу Шоусян, Вэй Лина	7
Об опыте получения удовольствия и трансформации эстетического интереса от классического искусства к массовой культуре в Китае	
Джабарова Шукюфа Барат кызы, Абдиева Адалят Мурад кызы	20
Кросс-культурное образование в Азербайджане: опыт Азербайджанского университета языков	
Цзэн Яньбяо	27
Национальные певческие традиции Китая: социокультурный и педагогический контексты	
■ Педагогическая наука и образование	
Русецкий Василий, Зеленко Ольга	35
Качество общего среднего образования и его оценка в Республике Беларусь	
Поминов Андрей, Файзуллина Лилия	48
Семиотические проблемы в практике тиражирования педагогических моделей	
Лозицкий Вячеслав	57
Образовательный сегмент единой информационно-образовательной среды в Республике Беларусь как предмет системного научного анализа	
Кондратенко Полина	68
Музыкальное сопровождение на уроках классического танца: подбор музыкальных текстов в контексте моделирования учебного занятия	
Новик Светлана	76
Мотив самоутверждения в командном взаимодействии учащихся подросткового возраста	
■ Филология	
Мысык Ирина	87
Особенности применения коммуникативно-прагматического подхода в исследовании языковых объектов	
Лебедева Марина	96
Медиатизация литературного текста в информационном обществе	
Информация об авторах	105
Информация о Мультикультурном исследовательском центре Университета Хучэжоу	110

CULTURAL STUDIES
ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

UDC 130.2; 304.4

Fu Shouxiang,
PhD, Professor;
Huzhou University
(China)
fusx323@126.com

Wei Lina,
PhD, Professor;
Huzhou University
(China)
cerulean613@163.com

**ON PLEASURE EXPERIENCE AND THE TRANSFORMATION OF
AESTHETIC INTEREST FROM CLASSIC ART TO MASS
CULTURE IN CHINA**

The strong intervention of technology and market in the field of culture shows a noticeable trend of generalization that across culture and aesthetics in the present era, which is performed by the rise of popular culture and the transformation of daily life aestheticization. In the face of this profound wave of secularization and widespread democratization, the supremacy of high culture and the disciplinary vision of traditional studies are under strong attack, and the traditional methods of creation and aesthetic criticism of classical art no longer apply to the emerging mass culture or mass art. From the aesthetics of classical art to the aesthetics of pleasure that focus on bodily sensations and physiological desires, from the “human” voice of classical art to the popular experience of contemporary culture. From the literal imagery of classical art to the image reproduction of popular culture, from the conceptual illusion of classical art to the physical comedy of popular culture. Classic aesthetics has rapidly entered its own contemporary transformation and reality reconstruction, its cultural standpoint and theoretical horizon have made a comprehensive adjustment.

Keywords: pan-aesthetics; pleasure experience; classical art; mass culture; classical aesthetics; physical comedy.

Although people like Max Horkheimer and Theodor W. Adorno have written off mass culture as a worthless part of the cultural industry, it is an indisputable fact that the cultural industry has flourished in the developed countries for nearly a century. The cultural industry uses mass media to create physical fantasies, provide playful psychological experiences, overcome identity anxiety, and enrich the cultural life of the

public in a broader sense; it might be fashionable and kitsch, but it has been embraced by cultural consumers. Therefore, the development of mass culture in the consumer society is inevitable.

Supported by the ever-rising technological rationality, human society has made great strides in material civilization, which has led to an unprecedented burst of self-confidence. The progress of technology and pervasiveness of market logic have caused the earlier humble human beings to proclaim “the death of God,” “the death of man” and “the death of the author” one after another, and to constantly discuss “the end of religion,” “the end of philosophy” and “the end of art,” turning over every spiritual icon on high to the ground. In the face of this profound secularization and widespread democratization, the supremacy of high culture and the disciplinary perspective of traditional studies have been strongly impacted, the traditional methods of creation and aesthetic criticism of classical art no longer apply to the emerging mass culture or mass art. The strong intervention of technology and the market in the field of culture has led to a remarkable trend of generalization that across culture and aesthetics in the present era (*Fu: 2016:83*).

Aesthetic generalization: the modern variation of the aesthetic routinization

The aesthetic generalization firstly appears to be the enlargement of artistic scope. From the original poetry, painting and music to the nine Muses who perform respective duties, from the traditional types of art to the new types of art, such as film, television, advertising, performance art, culture has expanded its original, narrow and specific types of art, to all the spiritual and ideological realms of mankind, even the realm of pure desire; especially with the rise of popular culture, everyday life tends to be aestheticized, aesthetic modernity and aesthetic routinization—the former tension-filled pair of categories in classic aesthetics—have shifted from opposition to harmony. What is more interesting is that the material utility and physiological pleasure that classic aesthetics has always denied and suppressed, have become the representative and leader of beauty in the contemporary aesthetic context and aesthetic experience. In short, the extension and connotation of contemporary aesthetics have been significantly expanded and extended, beauty has become pervasive and ceaseless in people’s daily life. In the era of globalization, economy has shown evident trend of integration; the shallow material culture and industrial culture is showing the same tendency in the help of modern industrial high-tech and modern information high-tech, it is the undeniable reality.

As one of the cores of culture, the generalization of aesthetic culture is an irresistible trend. It not only driven by the external environment, for example, the “lifelike effect” under the intervention of high-tech makes the originally genius imagination became various alternatives of the desire abreaction and satisfaction of the real or virtual life.

Moreover, there is also a sense of crisis that the aesthetic culture itself, especially the traditional aesthetic standpoint and experience, if refuse adjustment and expansion, will withdraw from the criticism discourse field in the emerging art. Just as the 15th century Protestant Reformation that made daily mundane behaviors religious is an irresistible religion generalization, popular culture or aesthetic generalization is also a historical necessity which makes daily mundane behaviors aesthetically significant. In other words, similar to the Protestant Reformation which is essentially a movement of secularization and routinization of the sacred religion, which makes people's life more rational and spirit more free and liberated; this transformation of aesthetic generalization is in essence the routinization and popularization of elegant and specialized artistic aesthetics, it aims to get out of the narrow circle of classic aesthetic theories surrounds traditional elite art, and to better adapt to the news changes brought by the modern cultural life generalization, avoiding the invalidation of classic aesthetic discourse and the aphasia even absent of aesthetic criticism. In fact, this transformation of aesthetic generalization is a big wave in the tide of cultural generalization, and it is the aesthetic theoretical answer toward the increasingly culturalized daily life. The new aesthetics which adjusted its vision has based on the aestheticization of daily life to provide a reasonable statement and explanation for the cultural changes in the new era, and further refines the new aesthetic experience it contains, condensing it into the intrinsic driving force of human spiritual development, which is also the theoretical meeting point of humanities and arts and mass culture in the new era.

The current transformation of aesthetic generalization is comprehensive. From the perspective of the research object, although the classic aesthetics which focusing on high art also concerned about the beauty of nature, the nature, on the whole, is emotionalized and aestheticized by people, the "virtue comparison theory" of traditional Chinese aesthetics and the "Project Theory" of the modern Western aesthetics are the proof of that, hence classic aesthetics can also be referred as artistic aesthetics. Nonetheless, contemporary aesthetics focuses on a completely different point, it emphasizes attention to daily life or cultural phenomenon in daily life, that is, popular culture, especially popular fashion. Therefore, fashion and clothing, interior decoration, advertising design and even resort layout that have never shown in classic aesthetics have officially entered the research field of contemporary aesthetics. From the perspective of aesthetic form and aesthetic style, classic aesthetics regards tragedy in high art as high, comedy as low, and rejects burlesque, Its overall style is refined and elegant, tragic and solemn, it praises beauty and sublime, even if it involves comedy art, it is mostly tragic comedy or contains tragic elements, the so-called "tearful laugh." While contemporary aesthetics is dominated by informal and popular comedies, various sub-comedy arts and burlesques also have a broad cultural consumer market, their overall style is plane, standard, relaxing and vivid, it accolades pleasure and economy: it firstly lay eyes on physiological

pleasure experience instead of deep mental rejoicing and spiritual cleansing, the so-called “katharsis” effect, it no longer pursues the traditional artistic conception which is distant and intriguing, but focuses on the immediate cheerful response of the body and the save of time and effort in consumption. Thus current mass cultural products are mostly disposable, their cultural consumption is often oriented to leisure and entertainment, mental stress relief or desire release.

From the essence of aesthetics, classic aesthetics pays attention to aesthetic transcendence and the development of spiritual space, it regards tranquility, serenity and peace of desirelessness and selflessness as the highest state, there to have the ancient saying of “quietness goes far.” Contemporary aesthetics, on the other hand, focuses on shallow psychological pleasure and self-satisfaction, and the so-called “individual” choices that of emotionalization and the seemingly unconscious so-called “fits,” in short, it is based on the cheerful presentation of body comedy. If the culturally nourishing environment of classic aesthetic concepts is the metaphysical questioning of existence which runs through from classical to modern time, with obvious religious compassion, then the culturally nourishing environment of contemporary aesthetic ideas which represented by popular culture is the new religion of contemporary masses—pure consumerism philosophy supported by technolism and materialism. From the cultivation of the beauty of classical art to the pleasure aesthetics that pays attention to physical feelings and desires, from the endorsement of “human” in classical art to the popular experience of contemporary culture, from the literal imagery of classical art to the image reproduction of contemporary culture, from the conceptual fantasy of classical art to the body comedy of popular culture, classical aesthetics quickly entered its own contemporary transformation and reality reconstruction.

Based on the burgeoning modern high-tech, and controlled by strong capital that expands the market to earn greater profits, mass culture, permeated by a dramatic change in aesthetic interest, has completely reversed the metaphysical heaviness of human that have been inherited for thousands of years, and moved towards an attempt to individualize the experiential ease of the individual. The aesthetic generalization brought about by the rise of popular culture is both revolutionary at the level of preventing cultural fascism, which praised by Walter Benjamin, and reactionary in the sense of spiritual degradation that Herbert Marcuse has reviled. Facing the generalization of aesthetics, most people have to experience an unavoidable bewilderment and confusion: how much effect does classic aesthetic theory have in the transition from aesthetic culture to popular culture? And how to adjust it?

Reorientation of pleasure: the contemporary change of aesthetic interest

Artists and aestheticians initially disdained and confronted the impact of technology from which the modernism emerged in the late nineteenth century; the most fashionable fast-food art, decorative art and consumer art of contemporary people are worthless to modernists. In the face of the impact of market, the traditional attitudes of artists and aestheticians are antipathy and panic. Since the nineteenth century, when capitalism achieved the unification of the global market through colonial violence, the patronage system of traditional arts gradually disintegrated, artists are gradually professionalized, their works have to rely on the power of merchants, compradors and intermediaries to enter the market territory and obey its manipulation.

After more than a century of technological and market shocks, especially the high-tech and economic globalization since the 1970s, traditional art, high-tech and contemporary fashion have combined and derived, and many ideas of classical aesthetics have been radically shaken, arts and crafts, pop music, cartoon products, popular film and television dramas, various decorative fashion arts, body painting, performance arts, etc. are making a great clamor, the transmission and expression of physical desires, the pursuit and implementation of utilitarian ideas are extremely heated. These are in sharp contrast to the clear-boundaried traditional arts and the graceful, sublime classical aesthetic concepts. Contemporary art has an obvious sub-variety and cross-variety character, and contemporary aesthetic concepts have also shifted from ultra-utilitarian and spiritual sublimation (purification) to meet people's everyday release of desire and chase of pleasure; shortness, flatness and fashion have replaced infinite charm, distant mood and unique personality. The main theme of aesthetics throughout the era, changed from the noble and solemn tragedy art to the humorous comic art; heavy metaphysics and exquisite and elegant aesthetic taste have become exclusive to a few elite thinkers and artists, the superficial physical enjoyment and body pleasure have become the cultural interest of most people.

Frankfurt School thinks that the pleasure generated by popular culture is nothing but a sugar-coated ideology, our indulgence to the sensory joy induces us to unconsciously succumb to ideological cognition violence. Benefiting from Bakhtin's "carnivalization" theory, the "pleasure" theory that appeared in the 1980s gave "pleasure" a completely different meaning: it regards pleasure as an important resource of the resistance to hierarchical order and authoritative control. But more importantly, it benefits from French thinker Roland Barthes' exposition of physical pleasure. According to Barthes, the body is a product of nature rather than of culture and it is detached from ideology, therefore it constitutes the last stronghold against cultural control; presumably that the body is separated from the subject constructed by ideology, then ideology is not all-pervasive, and the body provides us with a limited free space to resist

ideology, physical pleasure then becomes the antithesis of ideology and has obvious positive significance. Based on this, Fiske, a well-known British culturalist scholar, concluded, “There have been many attempts to theorize the role of pleasure in culture; they vary immensely, but all share the desire to divide pleasure into two broad categories, one of which they applaud, and the other they deplore.” (*Fiske: 2011:16*) From Fisk’s point of view, this dichotomy is sometimes regarded as “aesthetic,” that is, it is opposed to vulgar pleasures with elegant and noble pleasure; sometimes it is “political,” that is, it is distinguished from revolutionary pleasure by rebellious pleasure; sometimes it is “discourse,” that is, the sense of creative pleasure is different from the pleasure of accepting the stale definition; sometimes it is “psychological,” that is, the mental pleasure and the physical pleasure; sometimes it is “rules,” it is the pleasure of exerting power and the pleasure of evading power. Fiske noted “I, too, wish to recognize that pleasures are multiple, and can take contradictory forms, but I wish to concentrate on popular pleasures as opposed to hegemonic ones, and thus to emphasize what is typically thought of as the more disreputable side of each antithesis.” (*Fiske: 2011:16*) Based on a careful analysis of “pleasure,” Fiske divides pleasure into two types: one is evasive pleasure, which surrounds the body, it tends to cause offenses and vilifications in a social sense; and one is the pleasure brought by the production of various meanings, they are about social identity and social relations, and they operate in a social sense by resisting hegemonic powers in a semiotic sense. Fiske thinks that this classification is beneficial. He opposed the Frankfurt school’s general view of mass culture as “mass culture is a standardized, formulaic, repetitive and superficial culture, one which celebrates trivial, sentimental, immediate and false pleasures at the expense of serious, intellectual, time-honored and authentic values.” (*Strinati: 2004:12*)

Undoubtedly, the focus of classic aesthetics is on the spiritual level and spiritual world of human beings, and the pursuit of a transcendent promotion of human nature and a continuous improvement of the existing situation with a compassionate and solemn attitude; it researches the origin of beauty as beauty, and discusses the aesthetic category of grace and sublime, by “Animism” and “Virtue Comparing theory” to bring everything—nature, pure art, human society and daily life—into the human aesthetic vision, and classify them into human moral purification or spiritual ascension; it opposes non-harmony, non-equilibrium, and non-delicacy except tragedy and magnificence, and rejects the pursuit of physical happiness and utilitarianism beyond spiritual grief and solemnity for it believes that those will degenerate humanity and alienate the spirit, therefore, comedies that promote humor are always at the bottom in the discourse field of classic aesthetics, those emerging subcomedy varieties—such as cross talks, sketches, comedies, New Year blockbuster, soap operas and etc.—are worthless, not to mention being researched as serious art.

The continuous improvement and rapid development of human production technology has continued to generalize the culture which exclusive to human beings, the achievements of human civilization have changed with each passing day. In the recent digital technology revolution, the high development of information technology and the full penetration of capitalism have promoted the complete generalization of human culture, and the main focus of human culture has also shifted from the ideological elite to the consumer mass, the material world is extremely rich yet unbalanced, the cultural influence is extremely broad yet superficial; industrial culture dominates the world with its oneness, many people are reduced to slaves of industrialization and marketization, and become spiritual vagrants with no thought, no opinion, and no personality driven by huge living pressure and fast fashion, immersed in alternative and virtual satisfaction all day long and unable to extricate themselves. Frankfurt School's ideas are not all sensational, while it is impractical to resist and oppose them blindly as in a Don Quixote-style behavior, aesthetics reclusion, shown in romanticism and aestheticism in the nineteenth century, is more of an illusory, wishful thinking aesthetic Utopian. Only through careful and thorough analysis and dissection, and with critical guidance, will it be possible at the appropriate time to promote the transformation of the current "cultural industry," which has been alienated by capital, into "folk culture" that represents the masses, which in the true meaning is the culture of "mass." Therefore, the aesthetic redemption theory advocated by Adorno, Marcuse and others has considerable value and reference significance. After all, the turning of aesthetic taste has become a reality, but the key question is: After the turning, the ideological elites have been completely marginalized, and they no longer have the right to control the direction of the development of aesthetic culture. So, who at the helm of popular culture now?—It is the so-called "cultural economic man" and "economic cultural man" who totally obey the capital and the market. In the final analysis, it is the capital and the market. Therefore, there is a pair of main contradictions in people's mind about the contemporary mainstream culture: the confrontation between aestheticism and consumerism.

Mass culture: confrontation between aestheticism and consumerism

The rise of popular culture has caused many new topics. Aestheticization of popular culture or aesthetic generalization is a revolution of daily aesthetics, it is in nature a process of secularizing the sacred aesthetics and popularizing elegant art. Its main appearance is the culturalization and aestheticization of daily life; this is also the ideal that the ideological elites of all ages have been eager to achieve since the Enlightenment. Now, this ideal has been realized on the surface, but many serious problems still root in the depths, especially the internal driving force of this change is derived from the control of market capital and technological civilization, rather than the top-down cultural awareness or aesthetics awareness of the masses which was expected by enlightenments

of all ages. It is because of this deep-rooted disagreement that contemporary marginalized ideological elites spare no efforts to speak out in spite of changes in their own status, attempting the impossible by insisting on criticizing the full-scale control of market capital and technological civilization on human society, expose the "accommodation" and "kitsch" conspiracy in the production and marketing of popular culture, and resist the consumerist principles hidden in the development of popular culture; in the era of writing or making "for the chest and the lower body," when chanting desires and expressing utility as frankly and nakedly as animals, the ideological elites still adhere to the standpoint of human sublimation and spiritual evolution by virtue of aestheticism, oppose all form of human alienation and attempts to impress those who are accustomed to change the status quo and prevent the emergence of cultural consequences.

There is a fundamental difference between classic art and popular culture, that is, whether it is the emotional expression of the producer or the desire catharsis of the consumer that is the focus. The cultural concept of aestheticism is based on artists' self-subjectivity, so it emphasizes the free appearance of individual life experiences; while the cultural concept of popular culture is based on the consumers' interest choices, hence it emphasizes the most common life experience, such as sexual fantasy, etc., only in this way can it obtain the best market prospects. It is also in this sense that Horkheimer, Adorno and others believe that mass culture is actually a way for the industrialized totalitarian society of capitalism to exert control over the mind of mass, and this control method eliminates doubts towards the rationality of capitalist industrial society by satisfying material desires in a remarkable degree. The classic art, especially modernist art, which surpassed the secular society in an imaginative way, was appreciated by the thinkers of the Frankfurt School in resisting the materialization and unilateralization of people in the consumer society.

Classical art is a discovery of meaning expressers when facing the world, while the meaning of popular culture is a kind of "endorsement" of expressers facing consumers. Therefore, the meaning of classic art arises from the relationship between the subject and the world, and has a strong referentiality, while the meaning of popular culture arises from the relationship between the author and the consumer, tending to be an experiential or gaming experience. Aestheticism often engages in artistic activities with the concept of aesthetic salvation, so art is essential and immortal to them, artistic activities are to reveal the original meaning of the world, and even formulate a generally effective way of understanding and value principle for all people. This urge to create classics has filled elegant art with words about the meaning of the world, no matter whether the meaning is absurd or harmonious, is of nothingness or primitive vitality, and no matter how this meaning makes the recipient feel obscure and unfamiliar, the words facing the earth always support the meaning production system of classic art. Mass culture does not care

much about national economy and people's livelihood; it refuses to assume the important task of speaking the earth; its meaning does not come from reference but from resonance, from the producer's endorsement for mass consumers. Mass culture does not need to explore the essence of cosmos and life, but only speculates on the trend of the cultural market, pondering the emotional desires of people in secular society; mass culture should build a real stage or virtual space for consumers to vent their emotions or realize dreams. Therefore, whether it is philosophical essence truth or real life truth, it does not make much sense for mass culture. For example, Camus' *Sisyphus Myth* uses the vain of the strong to inform people of his discovery of the world's meaning—absurdity, the Hollywood movie *Terminator* starring Schwarzenegger, weaves a false story for people to realize their desire of “the strong punish evil and promote good.” The meaning of *Sisyphus Myth* is of Camus' deep reflection on the world, while the meaning of *Terminator* is of the “collusion” of the film production team and the audience.

As an institutional existence of popular culture, mass media such as television, cinema, radio, newspapers, karaoke, dance halls, etc. have prepared material premises for the development of popular culture, and its ultimate role is to make mass culture produced on the scale of the cultural industry and spread globally, as a result, the field of cultural sharing has been significantly expanded, and the barriers of traditional regional culture with boundaries of regions or ethnic groups have been dismantled on a large scale, providing the possibility of forming a modern world culture. Mass culture clearly positions itself as a commodity, is guided by market principles, and has been used by the masses for consumption, and therefore, mass culture instinctively tracks the masses' cultural consumption psychology and caters to the masses' consumer tastes, it has a certain degree of innovation and helpfulness: it replaces empty doctrines with shallow principles of commodity equality, participates in the daily life of the public with the relaxed principle after intense work, relieves the social tension with the principle of repressive consciousness release, and updates cultural products constantly with the principle of natural selection, so it is said that popular culture has its irreplaceable functions in modern society. However, compared with elegant art or elite culture, the market characteristics and commodity principles of popular culture determine its flatness and short-sightedness, and the pursuit of instant pleasure or instinct satisfaction becomes its mainstream. Restricted by the market logic, there is indeed a driving force in the pursuit of stylization, patternization and mass production in order to obtain the maximum economic benefit in mass culture production; but when the consumer market becomes more sophisticated and the consumer psychology matures, there is also competitive creative driving force that is constrained by the law of natural elimination and focuses on maximizing consumer interest with innovation and uniqueness. This shows that the production of popular culture, in addition to being obviously restricted by the market

economy, is also potentially constrained by aesthetic laws and public interest at appropriate times.

Needless to say, the current mass culture production in mainland China is dominated by consumerism which controlled by the market logic, the inner spirits of its products are almost lost and only one appearance survived, its commerciality from production to sales even includes the so-called after-sale services are no different from other unstable goods. It can be said that the commodity attribute of current popular culture occupies an absolute dominant position, while the spiritual attribute is replaced by high-tech packaging and technological decoration. The level of mass culture in many regions is even more worrying, for that short, plain, quick and vulgar, suspected pornographic products are pervasive, making the Chinese cultural industry, which relies much on the leading role of popular cultural products, clearly at a disadvantage. The development of the market, driven by competition, shows that popular culture itself can also produce antidote and restrain consumerism from domination, because the creation of the cultural market requires the “appeal” under the support of “applause,” otherwise it will not last long. After the development of popular culture reached a certain extent, its internal changes just fit the aestheticians’ criticism of single-dimensional consumerism, the combination of internal and external forces promotes popular culture to increase spiritual capacity and reduce the possibility of humanity alienation. However, given the fact that the nature of market capital control has not been eliminated thoroughly, it is in vain to expect the market to purify itself, external impact and benign criticism still play a key role. So, from the standpoint of aestheticism, how should the aesthetic foundation of popular culture be established? What is the theoretical basis of the aestheticization of daily life?

Experience aesthetics: the cheerful show of body comedy

In fact, with the development of cultural industry, the production economy has made the intellectual class increasingly subject to producers of capitalism and bureaucracy; the consumer economy has conflicted the intellectual class with popular culture; the left-wing intellectual class holds a democratic vision of opening up culture to all people, but this vision is contradictory to the comic exaggeration of which popular culture presented; the tendency of intellectual class advocating elitism and nobility is contradictory to the popularization of culture. In a deeper sense, artists and intellectuals feel the defects of modern society and the shock from the world that is moving towards chaos.

The modern variation of daily aesthetics has prompted the conscious adjustment of the cultural standpoint and theoretical horizon of classic aesthetics, aesthetics has gradually broken through the narrow frame of “beauty for beauty’s” sake in the past, and penetrated into various living activities of human beings, in order to strengthen the power

of aesthetic intervention in reality and elevate the spirit in the interpretation of contemporary human survival activities. There is no doubt that the relationship between aesthetics and human existence has become the internal basis of the aesthetic transformation in the new period; aesthetics changes the previous abstract speculation that starts from a certain fixed point to confirm the existence of beauty, instead, it focuses on the living conditions of contemporary people in a unique way, asking the value of life and exploring the meaning of it. The transformation of the perspective of existentialism means that aesthetics participates in the construction of contemporary attitudes of existentialism in its own possible way, and also uses its affectionate pursuit of ideals to erect the transcendental coordinates for human existence, to better shoulder the mission of “worrying” for humanity.

Classical aesthetics has gone through the three major stages of ontology, epistemology and the theory of knowledge, starting from Gadamer to a new stage of the theory of experience of which has laid a solid theoretical foundation for contemporary aesthetic transformation. Nietzsche once said: Beauty is the root of man. Therefore, aesthetics is based on the sharing of civilizations. The so-called “do not do what you don't want to do to others” embodies an experience ethics that thinks for others. However, the factors of the theory of experience do not represent the theory itself, neither the related components necessarily originate from it. Leaving aside distant classical tradition, the connotation and tendency of experience in the near modern age contrast each other enormously. For example, in the modernism art of which Kafka represented, novelists turned man into a beetle, or a symbolic character K, making the audience experience a sharp heaviness and intelligence; while the famous Italian novelist Calvino makes people experience the flat lightness and sentimentality that uniquely belongs to the post-modernism. The rise of popular culture is supported by unprecedented high-tech synthesis and modern communication technology, based on a new encoding-decoding cultural information theory, and formed on the theory of experience aesthetics as well as daily aesthetics, which are core ideas of the pan-aesthetics age. Popular culture's new aesthetic point of view is the visual turn, and it takes high-quality, virtual image culture as its cultural form to eliminate “true” life with “true” technology; people use them to fight against the survival pressure, technological control and cultural hegemony in their real lives, and to achieve a new type of aesthetic liberation and meaning creation with a pan-cultural tendency. The popularity of leisureism and fashion aesthetics has made the philosophy of happiness or jovialism popular. It neither pursues deep search for ideas, nor seeks the development of spiritual space, instead, it points oneself to the individual's body, emphasizing the current pleasure experience and desire release.

Mass culture is not as obsessed with concepts and ideas as classic art, but is committed to creating a body fantasy, because its connotation needs to be a consumable

thing, something that can imaginatively satisfy desires. While human body is both an object of desire and a representative of emotional release; both a collection of social relations and a secular image of existence, therefore, in popular culture, cultural producers are committed to creating a variety of body fantasies. For instance, the storyline, world conditions and aesthetic style in Hollywood movies may be quickly forgotten, but the movie stars' elegant demeanor enjoys the vivid eternity. Audrey Hepburn's charms, Marilyn Monroe's sex appeal, Ingrid Bergman's elegance and Vivien Li's beauty, etc. are all body fantasies that intentionally created by Hollywood movies, they have now become a metaphorical "signifier" and symbol of people's dream. The mass culture of post-modern society also particularly highlights the sexual characteristics of movies stars' body fantasies, for sexiness is the object of general human desire, and it is also the expression of physical characteristics. Contemporary mass culture often regards sexiness as the content of body fantasies, and sexy stars also fill the space of various media; as the focus of the lively physical comedy, sex has become the biggest commodity in the cultural market, and the dream of all consumers, for it is both the core of life's desire and the selling point of the cultural industry.

Of course, it is impossible for contemporary aesthetics, which has experienced the impact of postmodernism, to return to the classical era intact; experiential aesthetics, which built on the philosophy of existentialism, can neither pander to the interests of the masses without principle, nor cling to the existing traditions, it should show a new post-humanistic position, that is, calling for the return of the divinity while preserving aesthetic "earthly" results. The medieval divine monism is completely different from the current pursuit of divinity, the previous divine monism led to the enslavement and bondage of man—the supremacy of God and man's divine servitude, while the current pursuit of divinity is to elevate man's spirit after material enrichment, so that man is truly on the path of full development; humanism first rebelled against divinity and broke free from its bondage, focused on the earthly nature or secularity, but when the earthly nature went downhill remarkably, there was an urgent need to rebuild the humanistic spirit, call for its uplift, and promote it in post-humanistic context. The great decline of humanism caused by secularization and consumerism ended the honeymoon between popular culture and humanities and arts, and the tension between emotion and reason, content and form, experience and thought loosened and even disappeared. Under such circumstances, the positive results of aesthetics dailyization and popularization should be preserved, the sensation and recollection of spiritual pleasure should be restored in a variety of pleasurable experiences, the "pursuit of divinity" that always asks about existential conditions by the modernism of which Kafka represented should be borrowed. Using spiritual divinity or transcendence to confront the falling material secularity and technological solidification, and feed this non-falling spirit into the popular mass culture again, while preserving its external beauty and diversity of interest,

and strive to improve its ideology and artistic taste, so that mass culture enters the track of a healthy development.

Popular culture witnesses rapidly daily production of works, just like a new cloud expels clouds from the previous day. People blame mass culture for being a degenerate culture; it might be true, but popular culture has its own repertoire. Besides, there is no less mediocrity in elegant culture than there is in popular culture in proportion. Moreover, university professors should not only see the bottom of the vulgar culture but neglect the top, which is the university campus culture. It is true that television programs popularize science culture and provide superficial explanation towards literature, and in the case of scientific shows, there are indeed excellent scientists from various fields participated in the production. The real problem is the consumption patterns of this culture. It is a culture that does not allow for introspection, not just because one show will repel the previous one and one cloud will replace another, but also because the show is watched at leisure in the way of consumption, people watch it while dining, and before going to bed. It is the same as listening to music as a background sound and going to a concert hall. As a result, popular culture offers fewer possibilities for reflection because of its lack of consumption patterns and structures. After all, the tragic syndrome of modern culture is a tragedy of reflection. Originally, knowledge is for thinking, discussion, consideration, to be incorporated into the experience of life. Thinking is degenerating everywhere, and even in humanistic culture the mill is idling; it is no longer possible to take material from scientific culture for thinking; communication has become very rare, even between philosophy and science. Because of the difficulty of acquiring specialized scientific knowledge, humanistic culture is no longer able to reflect on human knowledge in the world. And in a scientific culture, where knowledge accumulates in nameless databases and computers are used more and more frequently, there is also the possibility of depriving people of knowledge, raising fears of new ignorance in its accumulation. The mass culture that gives up its obsession with ideas and thoughts and focuses only on the creation of a physical illusion will ultimately deprive human culture of its possibilities for introspection.

References¹

Fiske, J. *Understanding Popular Culture*. London: Routledge, 2011:16.

Fu, Shouxiang. *Joyful Poetry—Pleasure Experience and Cultural Transformation in this Pan-Aesthetic Era*. Hangzhou: Zhejiang Gongshang University Press, 2016:83.

Strinati, D. *An introduction to theories of popular culture*, 2nd edition. London: Routledge, 2004:12.

¹ References are published in the author's edition. / Списки использованных источников публикуются в авторской редакции. – *Ed. / Ped.*

UDC 37.01; 378

Shukufa Jabarova,
PhD, Associate Professor;
Azerbaijan University of Languages
(Azerbaijan)
cshb@mail.ru

Adalat Abdiyeva,
PhD, Associate Professor;
Azerbaijan University of Languages
(Azerbaijan)
adelya_abdiyeva@mail.ru

CROSS-CULTURAL EDUCATION IN AZERBAIJAN: THE EXPERIENCE OF THE AZERBAIJAN UNIVERSITY OF LANGUAGES

The article examines important aspects of cross-cultural education, including goals, methods, problems and effectiveness. The authors conduct a detailed analysis of cross-cultural education in Azerbaijan on the example of the experience of the Azerbaijan University of Languages; the article contains an overview of strategies, methods and results achieved in the field of cross-cultural education, special attention is focused on the risks and prospects for the development of the corresponding segment of the Azerbaijani educational space.

Keywords: multiculturalism; Azerbaijan; Azerbaijan University of Languages; tolerance; cross-cultural educational environment.

Шукюфа Барат кызы Джабарова,
кандидат философских наук, доцент;
Азербайджанский университет языков
(Азербайджан)
cshb@mail.ru

Адалят Мурад кызы Абдиева,
кандидат философских наук, доцент;
Азербайджанский университет языков
(Азербайджан)
adelya_abdiyeva@mail.ru

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ: ОПЫТ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются важные аспекты кросс-культурного образования, включая цели, методы, проблемы и эффективность. Авторы проводят подробный анализ кросс-культурного

образования в Азербайджане на примере опыта Азербайджанского университета языков; статья содержит обзор стратегий, методов и результатов, достигнутых в области кросс-культурного образования, особое внимание акцентируется на рисках и перспективах развития соответствующего сегмента азербайджанского образовательного пространства.

Ключевые слова: мультикультурализм; Азербайджан; Азербайджанский университет языков; толерантность; кросс-культурная образовательная среда.

Современный мир характеризуется глобализацией и усилением межкультурных взаимодействий. В этом контексте кросс-культурное образование становится неотъемлемой частью подготовки студентов к жизни и карьере в глобальном обществе.

Кросс-культурное образование охватывает обширный спектр дискурсов и теорий. Одним из основополагающих элементов является развитие культурной компетенции у студентов. Это включает в себя понимание и оценку культурного разнообразия, эффективное взаимодействие с представителями различных культур и развитие глобального мышления. Одной из главных целей кросс-культурного образования является подготовка студентов к жизни в многонациональной и многокультурной среде, к взаимодействию с разнообразными культурными средами и мировоззрениями. Это включает в себя развитие навыков межкультурного общения, адаптацию к новым культурным контекстам и способность работать в многонациональных коллективах. Данный подход позволяет формировать у студентов не только профессиональные навыки, но и культурную компетенцию, необходимую в глобальном обществе [3]. Иначе говоря, кросс-культурное образование способствует развитию межкультурного взаимопонимания, готовит студентов к эффективному взаимодействию в многонациональных командах, развивает глобальное мышление и открытость новым идеям.

Существуют различные методы и подходы к реализации кросс-культурного образования. Эффективные образовательные программы должны предоставлять студентам возможность реального взаимодействия с представителями различных культур. Одной из основных проблем является наличие культурных стереотипов, которые влияют на образовательный процесс. Кроме того, трудности для студентов и преподавателей могут создавать языковые барьеры и различия между национальными системами образования. Важным аспектом является оценка результатов кросс-культурного обучения. Исследования показывают, что студенты, прошедшие обучение, включавшее компоненты межкультурной коммуникации, более культурно компетентны, лучше справляются с межкультурными заданиями и зачастую лучше интегрируются в мировое сообщество.

Кросс-культурное образование включает в себя целый ряд теорий и концепций, которые отражают сложность культурного взаимодействия в образовательных контекстах. Среди них можно выделить несколько ключевых позиций. Так, теория интеркультурного обучения (*Intercultural Learning Theory*) предполагает, что процесс обучения должен включать не только передачу знаний, но и развитие культурной компетентности. Студенты учатся не только тому, что преподавать, но и тому, как эффективно взаимодействовать с представителями различных культур. Модель межкультурной компетенции (*Intercultural Competence Model*) развивает идею о том, что межкультурная компетенция включает в себя знания, мотивацию и навыки. Знания относятся к пониманию культурных различий, мотивация – к открытости и уважению, а навыки – к эффективному межкультурному взаимодействию. Теория критического мультикультурализма (*Critical Multiculturalism*) подчеркивает необходимость критического осмысления культурных различий и социального неравенства. Критический мультикультурализм не только признает разнообразие, но и пытается проанализировать структуры власти и контроля, которые могут присутствовать в системе образования. В свою очередь, теория межкультурного контакта (*Intergroup Contact Theory*) основана на идее, что взаимодействие между представителями разных культур способствует уменьшению стереотипов и предрассудков. Эффективное обучение требует активного межгруппового контакта, который достигается за счет совместных проектов, обменов и совместной деятельности [5]. Теория критического диалога (*Critical Dialogue Theory*) утверждает, что обучение должно способствовать живому и критическому обмену идеями и мнениями между студентами, принадлежащими к разным культурам. Критический диалог способствует разрешению конфликтов, пониманию различий и поиску решений.

Таким образом, кросс-культурное образование направлено не только на передачу знаний, но и на развитие навыков и осведомленности, необходимых для успешной адаптации в разнообразной культурной среде. Кросс-культурное образование тесно связано с концепцией мультикультурализма, направленного на уважение, сохранение и интеграцию культурных различий в обществе. В контексте образования мультикультурализм подчеркивает важность признания и оценки разнообразия в учебной среде. Интеграция культурных элементов в образовательный процесс в сочетании с поликультурной средой может обогатить обучение.

Как известно, Азербайджанская Республика сделала мультикультурализм своей национальной политикой. В своем выступлении Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев неоднократно подчеркивал, что «мультикультурализм стал образом жизни нашего народа. Опыт Азербайджана в

этой области заслуживает одобрения и является хорошим примером. Достижения мультикультурализма мы наблюдаем в нашей повседневной жизни. Стабильность, гражданское и национальное согласие, которые сегодня существуют в Азербайджане, основаны, в том числе, и на этих ценностях» [1]. Превращение мультикультурализма в образ жизни гражданского общества является высшей стадией и национального самосознания. На этом этапе особое значение в общественном сознании приобретает утверждение таких общечеловеческих ценностей, как толерантность, добродетель, справедливость, равенство, щедрость и эмпатия.

Одним из ключевых аспектов мультикультурализма в Азербайджане является развитие кросс-культурного образования. Кросс-культурное образование становится всё более актуальным в условиях глобализации, миграции и культурного разнообразия. Эта концепция отражает усилия по созданию образовательной среды, в которой учитывается и ценится культурное, языковое, религиозное и традиционное разнообразие.

Азербайджан достиг определенных успехов в реализации программ и задач в области кросс-культурного образования. Во всех высших учебных заведениях страны читаются курсы «Введение в мультикультурализм» на уровне бакалавриата и «Азербайджанский мультикультурализм» на уровне магистратуры. Азербайджанский опыт изучается во многих странах, а предмет «Азербайджанский мультикультурализм» преподается более чем в 24 вузах мира, включая: Пекинский университет иностранных языков (Китай), Федеральный университет Парайба (Бразилия), Софийский Университет имени Святого Климента Охридского (Болгария), Тбилисский государственный университет имени Ивана Джавахишвили (Грузия), Уральский федеральный университет (Российская Федерация), Литовский педагогический университет (Литва), Карлов Университет в Праге (Чехия), Университет Сапиенза в Риме (Италия), Белорусский государственный университет (Беларусь), Лиссабонский университет (Португалия), Аугсбургский университет (Германия), Фрайбургский университет (Швейцария), Университет Сакарья (Турция), Варшавский университет (Польша), университете Гаджа Мада (Индонезия) и др. [4]. В этих университетах предмет «Азербайджанский мультикультурализм» преподается как азербайджанскими, так и зарубежными преподавателями.

Как отмечает академик К. Абдуллаев, «азербайджанский мультикультурализм, являющийся новой мировой моделью сосуществования в мирных и дружественных условиях, был представлен не только в университетах, но и различных организациях зарубежных стран в формате коллоквиумов, семинаров, круглых столов. Эти презентации охватили обширную географию от штаба ВВС в Лондоне до Университета Ахмада Дахлана в Джакарте

(Индонезия)» [2]. Изучение богатого мультикультурного наследия Азербайджана знакомит подрастающее поколение с разнообразными, отличными друг от друга культурными традициями, тем самым способствует формированию и развитию у них толерантности, уважения ко всем формам культурного разнообразия в обществе.

Большой вклад в создание кросс-культурного образовательного пространства и развитие межкультурного диалога вносит Азербайджанский университет языков, где кросс-культурное образование становится ключевым элементом, способствующим развитию межкультурного понимания и подготовке высококвалифицированных специалистов с мировым взглядом. Для этого в университете сделан акцент на интеграции международных образовательных компонентов в учебные планы. Программы предусматривают обучение студентов навыкам эффективного межкультурного взаимодействия через организацию международных стажировок и обменов. Активное взаимодействие студентов с представителями различных культур способствует развитию у них межкультурной компетентности. Организация мероприятий, посвященных культурному обмену, способствует обмену опытом и формированию толерантности.

Активное участие преподавателей в международных проектах и обменах опытом способствует созданию стимулирующей образовательной среды. Разработаны эффективные методы преподавания различных языков, которые направлены на поддержание высоких языковых стандартов и поощрение студенческой активности в использовании языков в различных контекстах. Осуществляется активное взаимодействие с зарубежными университетами, обмен опытом и ресурсами, что способствует обогащению образовательного опыта студентов и преподавателей. Использование студентами виртуальных платформ, онлайн-курсов и современных коммуникационных технологий позволяет расширить границы кросс-культурного образования и сделать его более доступным.

Азербайджанский университет языков является уникальным кросс-культурным образовательным пространством. Тут преподаются более 20 языков. Среди них как западные (английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, скандинавские языки и др.), так и восточные (китайский, турецкий, арабский, иврит, японский, индийский, корейский, санскрит и др.) языки. Открыты центры и специальности регионоведения: Центр исследований Турции, Центр исследования Израиля и Ближнего Востока, Центр сербского языка и культуры, Американский центр, Центр испанского языка и культуры, Центр венгерского языка и культуры, Австрийский центр, Индонезийский исследовательский центр, Корейский культурный центр, Центр французского

языка и культуры, Центр исследования Японии, Скандинавский центр, Центр итальянского языка и др. В университете функционируют Институт Конфуция, Институт германистики, Университетский центр франкофонии. Студенты активно изучают язык, культуру, обычаи, традиции, фольклор, историю, экономику, СМИ, географию, литературу, этнографию, право, философию, социально-политические институты всех этих стран.

В университете получают образование студенты и магистры из различных стран. Проводятся дни языка и культуры разных стран с участием представителей посольства и общественности этих стран. Студенты имеют возможность повышать свои языковые и культурные компетенции в летних школах, которые организуют университеты стран, с которыми сотрудничает университет. Все это служит основой для создания широкого мультикультурного образовательного пространства, которое способствует воспитанию у студентов, магистров и у преподавателей толерантности, уважения и понимания различных культур, принятию различных форм проявления индивидуальности, различия и инаковости в социуме.

Таким образом, кросс-культурное образование и мультикультурализм играют ключевую роль в формировании граждан с открытым мышлением и способностью эффективно взаимодействовать в глобальном обществе. Спектр исследований в области кросс-культурного образования в Азербайджанском университете чрезвычайно широк; многовекторное движение, нацеленное на комплексное исследование мультикультурализма и способов его реализации в контексте кросс-культурного образования призвано содействовать более глубокому пониманию процессов, определяющих специфику и перспективу человеческой цивилизации.

Список использованных источников

1. Алиев И. Г. Речь на официальной церемонии открытия VI Международного гуманитарного форума в Баку. URL: <https://ru.president.az/articles/30454>.

2. Абдуллаев К. Азербайджанский мультикультурализм сегодня: от Португалии до Индонезии. URL: https://azertag.az/ru/xeber/azerbaidzhanskii_multikulturalizm_segodnya_ot_portugali_i_do_indonezii_-916303.

3. Андриенко Е. В. Особенности кросс-культурных исследований образования в контексте меняющихся социокультурных факторов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kross-kulturnyh-issledovaniy-obrazovaniya-v-kontekste-menyayuschih-sotsiokulturnyh-faktorov>.

4. Предмет «Азербайджанский мультикультурализм» преподается в 24 университетах мира. URL: https://azertag.az/ru/xeber/predmet_azerbaidzhanskii-multikulturalizm_prepoda-etsya_v_24_universitetah_mira-2434928.

5. Bhawuk, D. P. S., Brislin, R. W. Cross-cultural training: A review // *Applied psychology: An international review*. 2000. Vol. 49.

6. Douglas N. W. *Dialog Theory for Critical Argumentation*. URL: <https://benjamins.com/catalog>.

References

1. Aliev I. G. Rech' na ofitsial'noi tseremonii otkrytiya VI Mezhdunarodnogo gumanitarnogo foruma v Baku. URL: <https://ru.president.az/articles/30454>.

2. Abdullaev K. Azerbaidzhanskii mul'tikul'turalizm segodnya: ot Portugalii do Indonezii. URL: https://azertag.az/ru/xeber/azerbaidzhanskii_multikulturalizm_segodnya__ot_portugalii_do_indonezii_-916303.

3. Andrienko E. V. Osobennosti kross-kul'turnykh issledovaniy obrazovaniya v kontekste menyayushchikhsya sotsiokul'turnykh faktorov. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kross-kulturnyh-issledovaniy-obrazovaniya-v-kontekste-menyayushchikhsya-sotsiokulturnyh-faktorov>.

4. Predmet «Azerbaidzhanskii mul'tikul'turalizm» prepodaetsya v 24 universitetakh mira. URL: https://azertag.az/ru/xeber/predmet_azerbaidzhanskii_multikulturalizm_prepodaetsya_v_24_universitetah_mira-2434928.

5. Bhawuk, D. P. S., Brislin, R. W. Cross-cultural training: A review // *Applied psychology: An international review*. 2000. Vol. 49.

6. Douglas N. W. *Dialog Theory for Critical Argumentation*. URL: <https://benjamins.com/catalog>.

UDC 382.87

Zeng Yanbiao,
*Belarusian State Pedagogical University
named after M. Tank
(Belarus)*
2376870871@qq.com

NATIONAL SINGING TRADITIONS OF CHINA: SOCIO-CULTURAL AND PEDAGOGICAL CONTEXTS

The article explores the concept of ‘national singing traditions’ in relation to the culture of the People’s Republic of China. The main factors (socio-cultural, natural-climatic, linguistic-cultural, religious-ethnic) determining the content of this concept are analyzed; the definition and forms of its representation (musical and poetic works) are proposed. The features of national singing traditions in the socio-cultural aspect within the framework of Chinese culture (authenticity, anonymity, oral transmission, etc.) are considered. The pedagogical possibilities of national singing traditions in the context of modern state educational policy are traced in detail on the supporting examples of state documents of the People’s Republic of China in the field of education.

Keywords: national singing traditions; factor of tradition development; Chinese folk music; Chinese folk song; state educational policy; socio-cultural and educational potential of Chinese folk song.

Цзэн Яньбяо,
*Белорусский государственный
педагогический университет
имени М. Танка
(Беларусь)*
2376870871@qq.com

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕВЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ КИТАЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ

В статье исследуется концепт «национальные певческие традиции» применительно к культуре Китая. Анализируются основные факторы (социокультурный, природно-климатический, лингвокультурологический, религиозно-этнический), определяющие содержание данного концепта; предлагается определение национальных певческих традиций и формы его репрезентации (музыкально-поэтические произведения). Рассматриваются особенности национальных певческих традиций в социокультурном контексте (аутентичность, анонимность, устная передача и др.). Детально прослеживаются педагогические возможности национальных певческих традиций в рамках современной государственной образовательной политики на примере государственных документов КНР в области образования.

Ключевые слова: национальные певческие традиции; фактор развития традиции; китайская народная музыка; китайская народная песня; государственная образовательная политика; социокультурный и воспитательный потенциал китайской народной песни.

Национальные певческие традиции являются важной составляющей музыкального искусства, призванной отражать культурно-историческое и музыкально-поэтическое наследие народа. Изучение и сохранение данного вида традиций является задачей не только отдельных исследователей, но и общества в целом, поскольку певческие традиции являются ценным источником информации о музыкальных формах и стилях, жанрово-тематическом своеобразии, культурной и повседневной жизни отдельного народа. Это имеет важное значение для понимания культуры определенного региона с целью передачи всего богатства информации о нем будущим поколениям.

На становление и последующее развитие национальных певческих традиций в любой стране существенное влияние оказывает ряд факторов:

1) *Социокультурный*. История страны, традиции, обычаи, общественные нормы и ценности, темп жизни и образ мышления жителей влияют на выбор тем и сюжетов песен, интонационный ряд, мелодику, стилистику и технику исполнения, а также на выбор используемых музыкальных инструментов и способов исполнения музыкального произведения.

2) *Природно-климатический*. Национальные певческие традиции часто воплощают в себе отношение к природе, уважение к ней. В результате звуки, ритмы и лирические образы в целом отражают влияние ландшафта, погоды и природных явлений на образ жизни и культурные устремления общества, формируя таким образом отношение Человека к природе и миру, которое воплощается через музыку, поэзию и традиционные обряды [1].

3) *Лингвокультурологический*. Языки, диалекты, местные лингвистические особенности влияют, в первую очередь, на специфику музыкальной интонации, произношения, мелодики и текстового материала, способствуя созданию уникального звучащего образа песен и вокальных композиций.

4) *Религиозно-этнический*. Религиозная и этническая принадлежность певческого материала отражает особенности верований, обычаев и социокультурных аспектов конкретной общности. Через музыку, песни, ритуалы и обряды наиболее эффективно передаются ценности, идеалы и духовные убеждения народа, что благоприятно сказывается в процессе сохранения и передачи культурного наследия от младшего поколения к старшему [2].

Весь комплекс перечисленных факторов придает певческим традициям различных регионов и народов их уникальный и неповторимый колорит. Стремление к пониманию специфики этого колорита является важнейшим

стимулом для изучения национальных певческих традиций в разных странах, в том числе и в Китайской Народной Республике.

Китайская музыкальная традиция богата и разнообразна. Она включает в себя множество форм и стилей от народных песен и мелодий до музыкальных драм и танцевальной музыки (более 17 тысяч типов народной музыки). Это наследие отражает богатую историю и культуру Китая, а также его глубокие корни в жизни и опыте народа.

Понятие «национальные певческие традиции» применительно к китайской культуре охватывает *широкий спектр музыкально-поэтических произведений, которые являются результатом творчества (сочинительского и исполнительского) различных социальных слоев*. Эта форма художественного творчества соединяет в себе музыкальные и словесные элементы, создавая целостное произведение искусства. Данная форма может включать в себя как вокальную лирику, так и более современные экспериментальные формы, в которых музыкальная композиция и поэтический текст взаимодействуют друг с другом для создания особой эстетической атмосферы. Каждый музыкально-поэтический текст в той или иной степени отражает жизнь и быт конкретного народа, его традиции, обычаи и ценности. В свою очередь, эти произведения также могут иметь различные формы и жанровые характеристики [3].

Более всего национальные певческие традиции в культуре Китая выражены в народных песнях. По мнению исследователей китайской народной музыки, именно песни являются оптимальной формой выражения духовной составляющей народа, поскольку в них в доступной эмоционально-поэтической форме отражены его настроение и чувства, исторические события, особенности взаимоотношений с миром и собой [4]. Песни, таким образом, служат своеобразным каналом передачи народной мудрости и опыта, а также являются важной частью культурного наследия Китая.

Для уточнения и описания национальных певческих традиций Китая рассмотрим их особенности *в социокультурном контексте*, учитывая ранее обозначенные факторы развития данных традиций, а также культурное своеобразие китайской музыкальной культуры [5].

1. Основными особенностями национальных певческих традиций являются *уникальность* и *аутентичность*. Музыкально-поэтические произведения передаются из поколения в поколение без изменений, в них сохраняется оригинальность, коллективная память народа, его история и национальная идентичность.

2. Важным аспектом народных певческих традиций является их *социальный контекст*, что наиболее явно проявляется в народной самодеятельности и коллективном творчестве. Народные песни выполняют не только

развлекательную функцию, но и функцию социальную, отвечающую за качество передачи общественных ценностей, норм и традиций, а также социально-политических идей.

3. Высокая степень *анонимности*, характерной для данной формы искусства, связана с исторически закрепленным отсутствием фиксации авторства. В настоящее время это создает определенные трудности в определении как авторства художественного текста, так и его географической принадлежности.

4. Песни часто распространялись путем *устной передачи*, особенно в среде языка или диалекта, принадлежащего к национальному меньшинству. Это привело к множеству вариантов исполнения и содержания песен. Устная традиция внесла в музыку Китая элемент импровизации, формально закрепив тем самым возможность разнообразных вариантов развития музыкальных произведений.

5. Китайские певческие традиции в полной мере отражают *регионально-географические (локальные) и климатические особенности*. Как было отмечено ранее, обширная территория Китая с разнообразными ландшафтами и различные климатические зоны оказывают значительное влияние на формирование народной музыки. С учетом наличия множества национальностей и в этой связи культурного многообразия, Китай демонстрирует территориальное деление на регионы (север, юг, запад, восток) и провинции, где каждая область имеет уникальные черты жизнедеятельности и музыкальные традиции.

Климатические особенности различных регионов особое влияние оказывают на процесс интонирования. Например, в жарких регионах время для активной музыкальной деятельности сокращается, в то время как в холодных местностях людям требуется больше усилий для музицирования и интонирования. Умеренный климат и плодородные почвы создают более благоприятные условия для развития песенного творчества, нежели сухой климат. Всё это отражается на мелодике, ритмике, ладовых особенностях, доминировании вокального либо инструментального музицирования и др.

В китайской музыкальной культуре различаются северная и южная музыкальные традиции. Северные традиции предпочитают использование 7-ступенных ладов, что придает мелодиям определенную широту и более угловатое движение. В мелодической практике южных регионов преобладает пентатоника, характеризующаяся более ограниченными интервалами и более плавным движением мелодии. В смысле выразительности северная музыка обычно ассоциируется с повествовательным стилем исполнения, в то время как южная традиция способствует более лирическим выражениям. Кроме того, использование деревянных духовых инструментов преобладает в южной музыкальной культуре, в то время как для северной характерно более разнообразное использование музыкальных инструментов.

6. Анализируя музыкально-поэтическое наследие Китая, следует отметить *лингвистическую специфику*, включающую использование различных диалектов. Это приводит к разнообразию музыкальных традиций в различных регионах, поскольку языковые особенности сказываются на музыкальной практике, влияя на ее формы и стилистику.

Благодаря широким художественно-музыкальным возможностям национальные певческие традиции имеют ярко выраженный *педагогический потенциал*, в связи с чем широко используются в системе воспитания подрастающего поколения. Отдельно отметим, что в рамках научно определенных целей и задач государственной политики особое внимание в КНР уделяется воспитанию патриотизма, гражданственности и национальной идентичности [6]. Так, с 1949 года в Китайской Народной Республике воспитание патриотизма стало основой развития «социализма с китайскими особенностями». С 1994 года Коммунистическая партия Китая стала активно интересоваться национальным воспитанием и развитием патриотизма. В настоящее время укрепление национального духа рассматривается как неотъемлемое условие сохранения единства и солидарности китайской нации, так как это способствует реализации «китайской мечты», которая, как отмечал Си Цзиньпин, должна осуществиться к 2049 году. При этом он призвал к формированию патриотизма и гражданственности у молодежи с целью достижения великого возрождения китайской нации.

Воспитание в КНР является объектом пристального внимания государства. В октябре 2017 года вступили в силу новые законы, в том числе Закон о патриотическом воспитании. Согласно этому закону, ученики начальных и средних классов обязаны не только знать текст гимна страны и исполнять его, но и понимать его историю и правила исполнения. Эти меры направлены на поддержание любви к родине и повышение знаний о патриотизме. Важная роль в формировании патриотизма обучающихся закреплена и законодательством: в статье 24 Конституции КНР говорится о защите ценностей, таких как любовь к Родине, народу, труду, науке. Государство направляет свои усилия на формирование у подрастающего поколения коллективистских и интернационалистических ценностей в борьбе против идеологий, противоречащих прогрессивным ценностям Китая.

Патриотическое обучение составляет основу китайской педагогической системы и направлено на формирование национальной идентичности, уважения к традициям и культуре Китая. С самого детства китайцы приобщаются к понятию патриотизма, ценя свою родину, а также место своего рождения.

В настоящее время в Законе об образовании КНР (ст. 18) (включающем Закон о школе, Закон об образовательных экзаменах, Закон об инвестициях в

образование и Закон об обучении на протяжении всей жизни), Законе об обязательном девятилетнем образовании, документе «О реформе структуры образования», предложенном в 2010 году Национальном долгосрочном плане реформы и развития образования, Государственном образовательном стандарте школьного общего образования расширены национальные стратегии, задачи и системные реформы, отражающие отношение государства к проблемам воспитания подрастающего поколения. Значимым средством воспитания обучающихся признано музыкальное образование. В качестве важнейшего средства воспитания в этом направлении государством утверждена народная песня, поскольку, воздействуя на внутренний мир человека, она влияет на уровень и качество эмоционально-эстетических переживаний и способствует развитию нравственно-этических качеств личности.

В Стандарте общего образования Китайской Народной Республики в главе 1 «Цели образования» одной из задач выступает воспитание идеалов, основанных на положительном отношении к национальной культуре; в главе 2 «Основные принципы образования» в рамках базовой грамотности выделяется художественно-эстетическое начало; в главе 3 «Учебный план» основные компоненты общего среднего образования изложены для национального, местного, школьного уровней и в обязательном порядке включают организацию трудовых, культурных и спортивных мероприятий. В главе 4 «Подготовка образовательных стандартов и учебных материалов» указанного документа акцентируется внимание на сохранении безопасности жизни человека и его здоровья; в главе 5 «Реализация учебной программы» задан алгоритм воспитания и вариативные возможности местных органов власти и школы.

Общепризнанной становится образовательная область «Искусство». В рамках данной области в научно-методической литературе специалистами рассматриваются следующие аспекты воспитания личности средствами народной песни [7]:

Создание развивающей музыкальной среды с включением национального сегмента культуры: формирование для обучающихся особого образовательного пространства, охватывающего не только художественный и интонационно-образный ряды песенной культуры, но и музыкальные представления, события, традиции, отдельные практики, которые окружают человека в его профессиональной и повседневной жизни. Музыкальная среда делает мир учреждения образования более разнообразным, подключая его субъектов к различным аспектам культуры и национальных традиций, оказывая влияние на эмоциональное состояние, культурное развитие и обогащение жизненного опыта обучающихся, способствуя сохранению национальной и этнической идентичности (Ван Хуайцзянь, Юй Чжэнминь и др.).

Организация музыкального образования на основе национальных певческих традиций, включающая возможности учреждений образования для изучения и передачи характерных музыкальных особенностей китайской национальной культуры. Обучающиеся погружаются в богатство звуков и мелодий, типичных для своего этноса, что способствует укреплению их культурной идентичности (Яо Вэй, Чжан Сюн, Чжан Хао, Юй Циньху и др.).

Использование методики музыкального воспитания на материале национальных певческих традиций, предполагающей максимальное использование народного песенного наследия для формирования культурной идентичности обучающихся, музыкального кругозора, музыкального мышления. Использование подобных методик позволит расширить понимание китайской народной культуры в целом, позволяя обучающимся погрузиться в традиционные музыкальные формы, мелодии и стили определенного региона своей страны (Хуан Зи, Дай Динчэн, Лю Пэй и др.).

Применение педагогических инструментов семейного воспитания средствами музыкального фольклора, направленных на развитие эмоциональных связей между поколениями, укрепление семейных ценностей, формирование семейной идентичности, принадлежности к определенной социальной группе путем непосредственной передачи этико-эстетического содержания культуры средствами фольклора (Чжан Чэнь, Ван Дунхуа, Ван Яньян и др.).

Изучение специфики национальных певческих традиций Китая, анализ изменений, обновлений и направлений развития народной музыки в целом способствует решению вопросов, возникающих в контексте научных дискуссий в современном Китае. Осмысление воспитательных возможностей национальных певческих традиций на основе анализа социокультурных факторов становления и развития китайских народных песен обеспечивает более комплексное и глубокое понимание механизмов их использования в системе образования. Не случайно Министерство культуры и образования КНР, рассматривая народную музыку как важное средство воспитания, обозначило процесс воспитания средствами народной музыки в качестве цели «номер один». Такой подход созвучен древним китайским традициям и конфуцианской концепции «человека образованного», приобретшей в начале XXI века статус государственной задачи.

Список использованных источников

1. Юдина, В. И. Проблема локальности музыкального фольклора в культурологическом ракурсе / В. И. Юдина // Самарский вестник. – № 4 (9). – 2014. – С. 149–150.

2. Шамина, Л. В. Народное пение – компонент традиционной культуры. Теория и практика народного пения / Л. В. Шамина. – М.: Изд-во Росс. академии музыки, 2001. – Вып. 1. – 36 с.

3. Ли Ян. Национальные традиции в вокальной музыке современных композиторов Китая / Ли Ян // Вестник АГУ. – № 1 (252). – 2020. – С. 174–175.

4. Чжан Цзюнь. Китайская народная музыка в профессиональной подготовке студентов музыкальных факультетов: автореф. дис. ...канд. пед. наук: 13.00.02 / Чжан Цзюнь. – М., 2009. – 22 с.

5. Линь Чжефу. Популярная музыка Китая в контексте социокультурных процессов современности / Линь Чжефу // Культурная жизнь Юга России. – № 2(85). – 2022. – С. 35–43.

6. Бессарабова, И. С. Педагогический потенциал вокальных произведений в патриотическом воспитании обучающихся в КНР / И. С. Бессарабова, Дзэ Лю // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – № 4 (25). – 2018. – С. 41–44.

7. Сум Бэр. Китайская народная музыка как фактор воспитания (традиции и современность) / Сум Бэр // Наука. Искусство. Культура. – № 1 (25). – 2020. – С. 51–64.

References

1. Yudina, V. I. Problema lokal'nosti muzykal'nogo fol'klora v kul'turologicheskom rakurse / V. I. Yudina // Samarskii vestnik. – № 4 (9). – 2014. – S. 149–150.

2. Shamina, L. V. Narodnoe penie – komponent traditsionnoi kul'tury. Teoriya i praktika narodnogo peniya / L. V. Shamina. – М.: Izd-vo Ross. akademii muzyki, 2001. – Вып. 1. – 36 s.

3. Li Yan. Natsional'nye traditsii v vokal'noi muzyke sovremennykh kompozitorov Kitaya / Li Yan // Vestnik AGU. – № 1 (252). – 2020. – S. 174–175.

4. Chzhan Tszyun'. Kitaiskaya narodnaya muzyka v professional'noi podgotovke studentov muzykal'nykh fakul'tetov: avtoref. dis. ...kand. ped. nauk: 13.00.02 / Chzhan Tszyun'. – М., 2009. – 22 s.

5. Lin' Chzhefu. Populyarnaya muzyka Kitaya v kontekste sotsiokul'turnykh protsessov sovremennosti / Lin' Chzhefu // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. – № 2 (85). – 2022. – S. 35–43.

6. Bessarabova, I. S. Pedagogicheskii potentsial vokal'nykh proizvedenii v patrioticheskom vospitanii obuchayushchikhsya v KNR / I. S. Bessarabova, Dze Lyu // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – № 4 (25). – 2018. – S. 41-44.

7. Sum Ber. Kitaiskaya narodnaya muzyka kak faktor vospitaniya (traditsii i sovremennost') / Sum Ber // Наука. Искусство. Kul'tura. – № 1 (25). – 2020. – S. 51-64.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ
PEDAGOGICAL SCIENCE AND EDUCATION

UDC 373.1; 371

Vasily Rusetsky,
Doctor of Sciences, Professor;
Academy of Education
(Belarus)
[rusetsky@rambler.ru](mailto:rusetky@rambler.ru)

Volha Zelanko,
Doctor of Sciences, Associate Professor;
Academy of Education
(Belarus)
zelenko7373@mail.ru

QUALITY OF GENERAL SECONDARY EDUCATION
AND ITS ASSESSMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The quality of education is characterized as one of the priorities of the state educational policy of the Republic of Belarus; the most important results that ensure the quality of general secondary education and the system of its assessment in the country are described; a general description of the system for assessing the quality of general secondary education (education quality assessment) is given, as well as key activities and the most important steps to improve the education quality assessment system are identified as a perspective.

Keywords: national system of general secondary education of the Republic of Belarus; sustainable development goals; human capital (potential); education quality assessment; procedures and activities; scientific and methodological support.

Василий Русецкий,
доктор педагогических наук, профессор;
Академия образования
(Беларусь)
[rusetsky@rambler.ru](mailto:rusetky@rambler.ru)

Ольга Зеленко,
доктор педагогических наук, доцент;
Академия образования
(Беларусь)
zelenko7373@mail.ru

КАЧЕСТВО ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕГО ОЦЕНКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Охарактеризовано качество образования как один из приоритетов государственной образовательной политики Республики Беларусь; дана общая характеристика системы оценки качества общего среднего образования и описаны важнейшие результаты, обеспечивающие качество общего среднего образования и систему его оценки в стране; в качестве перспективы определены ключевые мероприятия и важнейшие шаги по совершенствованию системы оценки качества образования.

Ключевые слова: национальная система общего среднего образования Республики Беларусь; цели устойчивого развития; человеческий капитал (потенциал); оценка качества образования; процедуры и мероприятия; научно-методическое обеспечение.

В современных условиях оценка качества образования оформилась в самостоятельное многоаспектное направление педагогических исследований и важнейшую составляющую образовательной практики. Оценка качества образования (ОКО) преследует комплекс целей, осуществляется на разных уровнях образовательной системы различными субъектами образовательного процесса в целях получения разноплановой информации, которая используется не только для выявления образовательных достижений учащихся, но и для выяснения особенностей функционирования системы образования, что позволяет определять задачи ее дальнейшего развития. Общество заинтересовано в таком качестве образования, которое обеспечивает формирование требуемого социокультурными и экономическими условиями уровня развития человеческого капитала, а отдельный человек заинтересован в том, чтобы предлагаемые ему образовательные услуги обеспечивали востребованный в обществе уровень подготовки, позволяющий быть конкурентоспособным на рынке труда, успешным в повседневной жизни.

В 2015 году государства – члены Организации Объединенных Наций приняли итоговый документ «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Он содержит 17 глобальных целей и 169 соответствующих задач, достижение которых запланировано на период с 2015 по 2030 годы. Данные цели продолжают и развивают комплекс целей развития тысячелетия, работа по достижению которых велась с 2000 по 2015 годы. Все цели представляют собой комплексное единство. При этом каждая страна разрабатывает свои стратегии, планы и программы по устойчивому развитию, составной частью которых являются национальные показатели, выработанные в соответствии с глобальными целями и соответствующими им показателями.

В Республике Беларусь национальный перечень показателей достижения Целей устойчивого развития разработан Национальным статистическим

комитетом Республики Беларусь [1]. Важность образования в устойчивом развитии подчеркивает цель № 4 – обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех.

При оценке развития системы образования в современной науке и практике используется понятие качества образования, отражающее результативность всех этапов становления личности, условий образовательного процесса, эффективность деятельности учреждения образования и системы управления образованием.

За последние несколько десятилетий существенно изменились представления о качестве образования, в том числе такой важной его составляющей, как качество обучения; стали актуальными новые подходы в образовании (прежде всего компетентностный); получило развитие научное осмысление феномена качества обучения, в образовательный процесс внедрены новые методики и соответствующий им инструментарий оценки качества обучения; развиваются международные системы оценки качества образования.

Совершенствование качества образования и его научно-методического обеспечения с учетом современных социокультурных условий и международного опыта является комплексной проблемой, решить которую невозможно без соответствующих научных разработок. Анализ научной литературы на русском языке по проблемам оценки качества образования показывает разработанность как теоретических [2], так и прикладных [3; 4; 5; 6] аспектов оценки качества образования на разных уровнях (преимущественно общего среднего и высшего образования). В Российской Федерации разрабатываются также научные основы целостной национальной системы ОКО [7; 8].

Показатель качества образования – это прежде всего успешность жизненной самореализации человека, его мировоззренческий стержень и активная гражданская позиция. Поэтому при оценке образовательных достижений учащихся принимается во внимание не только уровень предметных знаний, но и такие показатели, как сформированность личностных качеств, ключевых компетенций, необходимых человеку XXI века (умение критически мыслить, способность к взаимодействию и коммуникации, творческий подход к делу), мотивация к дальнейшему образованию и т. д. В связи с этим для многих стран, в число которых входит и Республика Беларусь, возрастает актуальность всех аспектов, связанных с оценкой качества образования, включая разработку научных оснований построения национальной системы оценки качества образования и подготовку соответствующего научно-методического обеспечения.

Качество образования как один из приоритетов государственной политики Республики Беларусь

Республика Беларусь успешно обеспечивает всеобщность и непрерывность образования для всего населения страны без социальных, экономических, возрастных, гендерных и иных ограничений. Особую значимость в реализации цели устойчивого развития № 4 для страны имеет дальнейшее совершенствование образовательной практики, включая систему оценивания образовательных результатов обучающихся, и подготовка соответствующего научно-методического обеспечения, которое бы позволило учителю эффективно обучать ребенка, содействовать его развитию и приобретению жизненно важных навыков.

В Республике Беларусь на государственном уровне предпринимаются необходимые шаги для того, чтобы национальная система образования учитывала как потребности отдельной личности и общества в качественном образовании, так и задачи перспективного развития отраслей экономики и социальной сферы, а также чутко реагировала на вызовы мирового образовательного пространства. Важное место в системе общегосударственных мероприятий по постоянному совершенствованию сферы образования занимают научные исследования, предваряющие практические шаги (принятие организационно-управленческих решений, разработку методического обеспечения, подготовку специалистов).

С точки зрения формирования человеческого капитала образование является не личным делом отдельного человека, а связано с рынком труда и предъявляемыми обществом требованиями к образовательному, профессиональному, культурному уровню личности. Качество образования выступает как интегративный показатель, который должен учитывать потребности личности, общества и государства, требования рынка труда, интересы всех субъектов образовательного процесса.

С учетом современных интеграционных процессов качество образования в отдельно взятой стране не может определяться изолированно от международных и зарубежных требований в данной области. Любая национальная система образования обязана отвечать на вызовы современного общества и учитывать мировые тенденции в развитии образования. Зарубежные исследователи указывают на такую явно выраженную общемировую тенденцию, как «формирование политики в области образования на наднациональном уровне и, как следствие, развитие международного рынка обязательного школьного образования» [9, с. 107].

Как отмечается в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, человеческий потенциал стал важнейшим фактором социально-экономического развития [10]. В числе основных национальных интересов в социальной сфере – развитие интеллектуального и духовно-нравственного

потенциала общества, сохранение и приумножение его культурного наследия, а одной из потенциальных угроз национальной безопасности является снижение научно-технологического и образовательного потенциала до уровня, не способного обеспечить инновационное развитие [10]. К внутренним источникам угроз национальной безопасности в социальной сфере, в соответствии с Концепцией национальной безопасности, отнесено отставание качества образования по ряду перспективных направлений от уровня лучших мировых образовательных центров.

По данным исследования *PISA-2018*, белорусские учащиеся продемонстрировали более высокие результаты по сравнению с учащимися из стран с аналогичным уровнем социально-экономического развития и выше средних показателей – из стран Европы и Центральной Азии. При этом показатели грамотности белорусских учащихся немного отстают от средних показателей по странам Организации экономического сотрудничества и развития и Европейского союза. Относительно хорошие результаты белорусских учащихся можно объяснить правильно выбранными образовательными ориентирами и высоким качеством образовательного процесса и научно-методического обеспечения, которое достигается благодаря комплексной реализации с 2015 года компетентностного подхода в содержании, методах и средствах дошкольного и общего среднего образования.

Это стало возможным в том числе благодаря фундаментальным научным исследованиям и прикладным разработкам в области оценки качества образования, проводимым в Республике Беларусь. Результаты таких исследований отражены в коллективных монографиях, описывающих развитие систем оценки качества дошкольного и общего среднего образования в Республике Беларусь [11; 12]. Монографии подготовлены на основе выполненного в Национальном институте образования научного исследования, раскрывающего специфику современных требований к системе оценки качества образования, особенности функционирования и перспективные направления развития оценки качества образования в стране. В частности, рассмотрены подсистемы оценки качества общего среднего образования на уровне учреждений образования, местных и республиканских органов управления образованием; республиканского мониторинга качества образования, в том числе оценки качества услуг в сфере образования, учебных пособий, финансового обеспечения образования и др.

Таким образом, система оценки качества образования в Республике Беларусь базируется на национальных потребностях, учитывает мировые тенденции в формировании человеческого капитала, международные практики оценки качества образования, ориентируется на обеспечение различных оценочных процедур как основу развития системы образования.

Общая характеристика системы оценки качества общего среднего образования в Республике Беларусь и важнейшие научные результаты, обеспечивающие ОКО

В Республике Беларусь на национальном уровне сформирована комплексная внутренняя система ОКО, включающая:

- оценивание в классе,
- выпускные экзамены по завершении обучения и воспитания на II и III ступенях общего среднего образования;
- вступительные испытания при приеме учащихся в лицеи, учреждения среднего специального и высшего образования;
- системные исследования качества общего среднего образования (включая республиканские контрольные работы по учебным предметам, изучение функциональной грамотности, качества организации образовательного процесса, личностного развития учащихся, психологических аспектов обучения и воспитания);
- научную экспертизу и опытную проверку учебных изданий;
- аттестационные экспертные процедуры (лицензирование, аккредитацию и аттестацию учреждений образования);
- самоанализ и самооценку деятельности учреждений общего среднего образования;
- профессиональную аттестацию педагогических работников.

Оценивание в классе осуществляется учителями и включает текущую аттестацию на учебных занятиях в процессе изучения учебного материала; промежуточную аттестацию, которая выражается в выставлении отметок за четверть (полугодие) с учетом результатов текущей аттестации; итоговую аттестацию по завершении учебного года с учетом результатов промежуточной аттестации. Республика Беларусь имеет целостную национальную систему оценивания в классе, которая обеспечивается наличием единых требований, сформулированных в образовательных стандартах, учебных программах, правилах проведения аттестации учащихся при освоении содержания образовательных программ, нормах оценки результатов учебной деятельности по учебным предметам.

В соответствии с пунктом 25 Указа Президента Республики Беларусь от 16.10.2009 № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 16.10.2017 № 376) контроль за обеспечением качества образования возложен на местные исполнительные и распорядительные органы: облисполкомы и Минский

горисполком, структурные подразделения областных, городских (кроме городов районного подчинения), районных исполнительных комитетов, местные администрации. Вопросы контроля (надзора) за обеспечением качества образования (соответствие образования требованиям образовательных стандартов, учебно-программной документации соответствующей образовательной программы, иным требованиям, предусмотренным актами законодательства) включаются в планы работы структурных подразделений областных, городских, районных исполнительных комитетов, местных администраций на соответствующий учебный год. Для осуществления контроля по изучению деятельности учреждений образования структурными подразделениями областных, городских, районных исполнительных комитетов, местных администраций создаются комиссии, определяются их полномочия, осуществляется руководство их работой. Итоги контроля (надзора) по изучению деятельности учреждений образования рассматриваются на заседаниях коллегий, совещаниях с руководителями управлений по образованию, учреждений общего среднего образования, принимаются необходимые меры для повышения качества образования.

Республиканские мониторинговые исследования в Республике Беларусь комплексно проводятся с 2003 года. Разработанная программа мониторинговых исследований на 2021–2025 годы предусматривает изучение функциональной грамотности (читательской, математической, финансовой и др.), качества организации образовательного процесса, личностного развития учащихся, психологических аспектов обучения и воспитания. Регулярно по результатам мониторинга разрабатываются рекомендации для разных категорий педагогических работников. С 2016 года в стране проводятся республиканские контрольные работы по учебным предметам. Результаты выполнения учащимися контрольных работ и сопровождающего их анкетирования разных категорий участников образовательного процесса используются, в частности, для разработки рекомендаций авторам учебных пособий с целью учета при их переиздании. Реализована идея организации независимой итоговой аттестации выпускников учреждений общего среднего образования. В 2023 году впервые прошли централизованные экзамены, результаты которых будут учитываться при выставлении в аттестат об общем среднем образовании итоговой отметки по учебному предмету, а также засчитываться при поступлении в учреждения среднего специального и высшего образования.

На национальном уровне значительное внимание уделяется разработке научно-методического обеспечения ОКО. Проведена корректировка норм оценки результатов учебной деятельности учащихся учреждений общего среднего образования: конкретизированы и уточнены по уровням усвоения учебного

материала показатели оценки предметных результатов. Определены показатели оценки метапредметных образовательных результатов, относящихся к работе с информацией. После республиканского эксперимента по апробации и дополнительной экспертной оценки нормы внедрены в массовую образовательную практику учреждений общего среднего образования.

Для оценки образовательных достижений учащихся Национальным институтом образования подготовлены контрольно-измерительные материалы по всем учебным предметам для I–XI классов в соответствии с требованиями образовательных стандартов и учебных программ (проверочные и контрольные работы, тексты диктантов и изложений, тестовые задания и др.). Разработано на системной основе научно-методическое обеспечение формирования и оценки предметных, метапредметных и личностных компетенций учащихся учреждений общего среднего образования. Издана серия пособий «Компетентностный подход» для I–XI классов по всем учебным предметам. Пособия содержат материалы для формирования и диагностики у обучающихся предметных компетенций. Осуществляется издание серий пособий «Учимся учиться», «Учимся мыслить и действовать» для организации образовательного процесса, направленного на достижение учащимися личностных и метапредметных образовательных результатов.

В рамках научно-исследовательских работ осуществляется системная разработка научно-методического обеспечения образовательного процесса, направленного на формирование функциональной грамотности обучающихся (включая разработку образовательных стандартов, учебных программ, комплектов ситуационных задач для учащихся, методических рекомендаций для учителей, рекомендаций для авторов учебных пособий по всем учебным предметам и др.)

Разработан инструментарий для оценки качества учебных пособий (матрица для комплексной оценки учебных пособий (для 6 групп респондентов: авторов (авторская самооценка), специалистов-экспертов, учителей, учащихся, их законных представителей, общественности); инструментарий для психологической экспертизы учебных пособий.

Внешняя оценка системы ОКО осуществляется в ряде процедур. По итогам проведенного в 2015 году исследования с использованием стандартизированных инструментов, разработанных в рамках программы Всемирного банка «Системный подход к улучшению результатов образования» (*SABER – Systems Approach for Better Education Results*), система оценки качества образования Республики Беларусь характеризуется как сложившаяся по таким ключевым стратегическим направлениям, как оценивание в классе, экзамены и национальная крупномасштабная оценка. Благодаря реализуемой в Российской Федерации

программе содействия образованию в целях развития (*READ*) белорусские исследователи смогли принять участие в ряде международных проектов по оценке отдельных аспектов качества образования (информационно-коммуникационной компетенции учащихся IX класса, математической грамотности выпускников начальной школы).

Ключевые мероприятия по совершенствованию системы оценки качества образования

В Республике Беларусь координирующим научным и организационным центром системы ОКО является Национальный институт образования, который проводит научные исследования в области ОКО, обеспечивает разработку инструментария и методик различных оценочных процедур, координирует деятельность по проведению оценочных мероприятий, вырабатывает на основе их результатов рекомендации для всех участников образовательного процесса.

В числе важнейших мероприятий, направленных на дальнейшее развитие ОКО, можно назвать следующие.

1. Организация национального исследования качества образования (НИКО) – оценки функциональной (читательской, математической, естественнонаучной, финансовой) грамотности обучающихся, имеющих общее базовое образование, а также изучение контекстной информации, связанной с уровнем сформированности функциональной грамотности. Первый цикл исследования начался в 2023 году, планируется его проведение на регулярной основе. Расширение тематики НИКО в перспективе может быть обеспечено включением в него еще одного актуального направления – оценки качества образовательной среды и степени удовлетворенности ею участников образовательного процесса.

2. Разработка концепции, инструментария и организация национального мониторинга сформированности универсальных компетенций (устойчивого личностного развития, мышления, эмоциональной регуляции, коммуникации, кооперации, гражданственности). В настоящее время в сотрудничестве с международными консультантами и при поддержке ЮНИСЕФ осуществляется разработка инструментария для проведения такого мониторинга.

3. Проведение процедур ОКО с учетом реализации принципа инклюзии в образовании лиц с особенностями психофизического развития. В Национальном институте образования разработана стратегия развития инклюзивного образования и план по ее реализации, который содержит специальный раздел, связанный с оценкой качества образования и направленный на обеспечение реализации равных прав для всех обучающихся.

4. Перевод формата мониторинговых исследований на цифровую основу (в том числе на этапе обработки первичных данных), что обеспечит повышение

общей мобильности системы ОКО. В настоящее время мониторинговые исследования лишь частично осуществляются в цифровом формате, что усложняет процедуры их организации и обработки полученной информации. В качестве перспективы по этому направлению обозначено создание единой цифровой платформы для проведения мониторинговых исследований.

5. Совершенствование системы независимой итоговой аттестации учащихся учреждений общего среднего образования (централизованный экзамен). Впервые такой экзамен был проведен в мае 2023 года по двум учебным предметам – одному из государственных языков (белорусскому или русскому) и учебному предмету на выбор учащихся. Учитывая полученный опыт, необходимо дальнейшее совершенствование инструментария, методик, организации централизованного экзамена.

6. Совершенствование системы контроля за обеспечением качества образования местными исполнительными и распорядительными органами. Запланирована разработка инструментария и методик оценки деятельности учреждений общего среднего образования, которые обеспечат единые научные и организационные основы при осуществлении контроля деятельности учреждений органами управления, а также самоконтроля в учреждениях общего среднего образования.

7. Проработка вопроса об участии в международных исследованиях по ОКО, что обеспечивает, во-первых, получение внешней независимой оценки качества национальной системы образования, во-вторых, сопоставление полученных результатов с другими странами (прежде всего со сходным уровнем социально-экономического развития), в-третьих, возможность выявить внутренние и внешние противоречия и потенциалы развития системы образования на основе анализа контекстной информации. Данные, полученные по результатам участия страны в исследовании *PISA-2018*, стали основой для целого ряда научных, образовательных, организационных мероприятий по совершенствованию качества образования и системы его оценки.

8. Совершенствование научно-методического обеспечения системы ОКО (разработка на регулярной основе постоянно обновляемого инструментария НИКО, инструментария и методических рекомендаций для оценки уровня сформированности у обучающихся универсальных компетенций (в рамках совместного проекта Национального института образования и ЮНИСЕФ), для проведения процедур ОКО местными органами самоуправления).

9. Совершенствование внутриклассного оценивания (разработка обновленных образовательных стандартов, учебных программ по учебным предметам, норм оценки результатов учебной деятельности по учебным предметам, контрольно-измерительных материалов). В настоящее время такая

работа осуществляется в Национальном институте образования на системной научной основе. В дальнейшем планируется апробация и внедрение разработанных материалов в образовательный процесс.

10. Совершенствование национального экспертного потенциала ОКО (подготовка экспертов национального уровня; формирование экспертного сообщества из числа педагогов для осуществления процедур независимой ОКО; подготовка учителей к осуществлению внутриклассной оценки универсальных компетенций). Это направление деятельности является одним из наиболее актуальных и одновременно сложных, поскольку требует обучения всех педагогов, работающих в учреждениях общего среднего образования страны.

11. Обеспечение открытости национальной системы ОКО, организация партнерского взаимодействия всех заинтересованных сторон при обсуждении результатов исследования качества образования, активное участие педагогического сообщества в формировании общественного мнения по проблемам образования. В настоящее время не всегда система образования работает на опережение с общественным мнением и средствами массовой информации. Важным является также создание в обществе положительного образа системы образования и консолидация белорусского общества по отношению к совершенствованию национальной системы образования как к ответственной общенациональной задаче.

Таким образом, национальная система оценки качества общего среднего образования в Республике Беларусь развивается в русле основных мировых образовательных трендов и актуальных потребностей образовательной практики страны. Рассмотренные в рамках настоящей статьи ключевые мероприятия и важнейшие шаги по совершенствованию системы ОКО позволят обеспечить ее эффективность.

Список использованных источников

1. Национальный перечень показателей Целей устойчивого развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/SDG/Naz_perechen_pokas_SDG/. – Дата доступа: 03.05.2023.

2. Новиков, А. М. Как оценивать качество образования? / А. М. Новиков, Д. А. Новиков // Сайт академика РАО А. М. Новикова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.anovikov.ru/artikle/kacth_obr.htm.16.04.18. – Дата доступа: 03.05.2023.

3. Ермолович, М. М. Критерии оценки качества среднего образования / М. М. Ермолович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bsu.by/Cache/pdf/173223.pdf>. – Дата доступа: 03.04.2023.

4. Заграй, Н. П. Критерии и показатели качества образования / Н. П. Заграй, В. Н. Пуховский, И. А. Синявская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ac-raee.ru/files/io/m3/art_6.pdf. – Дата доступа: 16.04.2023.

5. Ильенкова, С. Д. Показатели качества образования / С. Д. Ильенкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.elitarium.ru/kachestvoobrazovaniya-pokazatel-vypuschnik-rynok-rabota-sistema-znanie-prepodavatelobuchayushchisya-uchebnaya-programma/>. – Дата доступа: 16.04.2023.

6. Станкевич, Е. Ю. К вопросу оценки качества образования / Е. Ю. Станкевич // Гуманитарные научные исследования [Электронный ресурс]. – 2013. – № 1. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2013/01/2215>. – Дата доступа: 16.04.2023.

7. Болотов, В. А. О построении общероссийской системы качества образования / В. А. Болотов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-postroenii-obscherossiyskoy-sistemyotsenki-kachestva-obrazovaniya>. – Дата доступа: 31.05.2023.

8. Концепция общероссийской системы оценки качества образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/36432990-Концепция-обshcherossiyskoy-sistemy-ocenki-kachestva-obrazovaniya.html>. – Дата доступа: 31.05.2023.

9. Тагунова, И. А. Мировые тенденции развития школьного образования / И. А. Тагунова // Педагогика. – 2019. – № 6. – С. 109.

10. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (Утверждено Указом Президента Республики Беларусь 9 ноября 2010 г. № 575) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/koncept/. – Дата доступа: 27.10.2022.

11. Развитие системы оценки качества образования в Республике Беларусь. Общее среднее образование: монография / М. Б. Горбунова [и др.]; под науч. ред. В. Ф. Русецкого. – Минск: Национальный институт образования, 2022. – 392 с.

12. Развитие системы оценки качества образования в Республике Беларусь. Дошкольное образование: монография / А. Л. Давидович [и др.]; под науч. ред. В. Ф. Русецкого. – Минск: Национальный институт образования, 2022. – 248 с.

References

1. Natsional'nyi perechen' pokazatelei Tselei ustoichivogo razvitiya [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/SDG/Naz_perechen_pokas_SDG/. – Data dostupa: 03.05.2023.

2. Novikov, A. M. Kak otsenivat' kachestvo obrazovaniya? / A. M. Novikov, D. A. Novikov // Sait akademika RAO A. M. Novikova [Elektronnyi resurs]. – Rezhim

dostupa: http://www.anovikov.ru/artikle/kacth_obr.htm.16.04.18. – Data dostupa: 03.05.2023.

3. Ermolovich, M. M. Kriterii otsenki kachestva srednego obrazovaniya / M. M. Ermolovich [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.bsu.by/Cache/pdf/173223.pdf>. – Data dostupa: 03.04.2023.

4. Zagrai, N. P. Kriterii i pokazateli kachestva obrazovaniya / N. P. Zagrai, V. N. Pukhovskii, I. A. Sinyavskaya [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: www.ac-raee.ru/files/io/m3/art_6.pdf. – Data dostupa: 16.04.2023.

5. Il'enkova, S. D. Pokazateli kachestva obrazovaniya / S. D. Il'enkova [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.elitarium.ru/kachestvo-obrazovaniya-pokazatel-vypusknik-rynok-rabota-sistema-znanie-prepodavatelobuchayushchij-sya-uchebnaya-programma/>. – Data dostupa: 16.04.2023.

6. Stankevich, E. Yu. K voprosu otsenki kachestva obrazovaniya / E. Yu. Stankevich // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya [Elektronnyi resurs]. – 2013. – № 1. – Rezhim dostupa: <http://human.snauka.ru/2013/01/2215>. – Data dostupa: 16.04.2023.

7. Bolotov, V. A. O postroenii obshcherossiiskoi sistemy kachestva obrazovaniya / V. A. Bolotov [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-postroenii-obshcherossiyskoy-sistemyotsenki-kachestva-obrazovaniya>. – Data dostupa: 31.05.2023.

8. Kontsepsiya obshcherossiiskoi sistemy otsenki kachestva obrazovaniya [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://docplayer.ru/36432990-Koncepciya-obshcherossiyskoy-sistemy-ocenki-kachestva-obrazovaniya.html>. – Data dostupa: 31.05.2023.

9. Tagunova, I. A. Mirovye tendentsii razvitiya shkol'nogo obrazovaniya / I. A. Tagunova // Pedagogika. – 2019. – № 6. – S. 109.

10. Kontsepsiya natsional'noi bezopasnosti Respubliki Belarus' (Utverzhdeno Ukazom Prezidenta Respubliki Belarus' 9 noyabrya 2010 g. № 575) [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa : https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/koncept/. – Data dostupa: 27.10.2022.

11. Razvitie sistemy otsenki kachestva obrazovaniya v Respublike Belarus'. Obshchee srednee obrazovanie: monografiya / M. B. Gorbunova [i dr.] ; pod nauch. red. V. F. Rusetskogo. – Minsk: Natsional'nyi institut obrazovaniya, 2022. – 392 s.

12. Razvitie sistemy otsenki kachestva obrazovaniya v Respublike Belarus'. Doshkol'noe obrazovanie: monografiya / A. L. Davidovich [i dr.]; pod nauch. red. V. F. Rusetskogo. – Minsk: Natsional'nyi institut obrazovaniya, 2022. – 248 s.

UDC 37.022

Andrey Pominov,
PhD; Sibay Institute (branch)
of the Ufa University of Science and Technology
(Russia)
pminoffan@yandex.ru

Liliya Fayzullina,
PhD, Associate Professor;
Sibay Institute (branch)
of the Ufa University of Science and Technology
(Russia)
sibsu.dep_pimno@mail.ru

SEMIOTIC PROBLEMS IN THE PRACTICE OF REPRODUCING PEDAGOGICAL MODELS

One of the key problems of modern pedagogical science is the problem of the dissemination of pedagogical technologies. The technologies themselves, formed in the course of scientific and pedagogical research, presented in dissertation research and articles, cannot be applied in practice as a result of direct copying or require significant systemic changes. The analysis of articles describing modern pedagogical technologies shows that they do not present the conditions for their application, deployment in real practice, the conditions that are required to activate technologies in real pedagogical practice. The article considers the possibility of using a universal modeling language and adapting a language from another branch of knowledge when replicating pedagogical models. The processes of creating replicated models are revealed.

Keywords: pedagogical model; franchising; metamatrix; semiotics, mathematical modeling, complex sociotechnical systems, reactivation, replication.

Андрей Поминов,
кандидат педагогических наук;
Сибайский институт (филиал)
Уфимского университета науки и технологий
(Россия)
pminoffan@yandex.ru

Лилия Файзуллина,
кандидат педагогических наук, доцент;
Сибайский институт (филиал)
Уфимского университета науки и технологий
(Россия)
sibsu.dep_pimno@mail.ru

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПРАКТИКЕ ТИРАЖИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Одной из ключевых проблем современной педагогической науки выступает проблема распространения педагогических технологий. Сами технологии, формируемые в ходе научно-педагогических изысканий, представленные в диссертационных исследованиях и статьях, не могут быть применены на практике в результате прямого копирования либо требуют значительных системных изменений. Анализ статей, содержащих описание современных педагогических технологий, показывает, что в них не представлены условия их применения, развертывания в реальной практике, условия, которые требуются для активации технологий в реальной педагогической практике. В статье рассматривается возможность использования универсального языка моделирования и адаптация языка из другой отрасли знаний при тиражировании педагогических моделей. Раскрываются процессы создания тиражируемых моделей.

Ключевые слова: педагогическая модель; франчайзинг; метаматрица; семиотика, математическое моделирование; сложные социотехнические системы; реактивация, тиражирование.

Введение

Основная задача получения нового знания – повышение эффективности решения проблемы, которая лежит в основе исследования. Педагогические исследования на современном этапе подошли к точке осознания проблемности своего существования как площадки развития научной мысли. Количество исследований в области педагогики растет, как и растет количество новых или квазиновых путей решения проблем обучения, воспитания, развития и формирования личности. При наличии реальных идей, направленных на решение проблем образования, продукты продолжают предъявляться профессиональному сообществу в форме моделей, проектов, технологий, средств и иных компонентов, обеспечивающих функционирование системы. Проблема предъявления продуктов научного педагогического мышления выходит на первый план, как напрямую связанная с качеством предъявления научной мысли.

Одним из продуктов научного педагогического исследования может являться педагогическая модель решения той или иной педагогической проблемы.

Педагогическая общественность, потребляя продукт научной педагогической мысли, ожидает разрешения той или иной педагогической задачи с наименьшим количеством затрат или более высоким качеством, иным индикативом. Таким образом, в диалоге науки и практики мы должны опираться на базовый принцип, когда одними из ключевых признаков научности являются эмпирическая проверяемость полученных теоретических результатов и воспроизводимость эмпирических материалов [1]. Рост количества научных исследований в области педагогики накопил критическую массу моделей, которые невоспроизводимы [2]. Жизнь и эффективность этих моделей ограничиваются экспериментальными площадками. Репрезентативность продуктов научного педагогического исследования встает с особой остротой не только в вопросах внедрения наукоемких технологий, но и в плане сохранения самой педагогической прикладной науки. Вторым важнейшим звеном в этой логике является представление педагогической общественности того знания, которое было получено, а также возможность использования этого знания для совершенствования реальных образовательных процессов. Но язык, который описывает продукт научной мысли, должен быть настолько четким, чтобы был способен учесть каждый сегмент знания, каждую операцию и связность одной операции с другой.

Нам видится два пути разрешения поставленной проблемы: проблема единого языка и экстраполяция знаний из области, в практической сфере которой проблема воспроизводства организационных моделей решена. Обозначим проблему единого языка как проблему педагогической семиотики, а проблему экстраполяции языка как проблему адаптации языка в междисциплинарных диалогах.

Проблема единства языка восходит к поиску универсальных дефиниций, которые бы описывали многообразие практики. Ведь не секрет, что часто социальные модели (к каковым относятся и педагогические модели) имеют специфику: национальную, природно-ландшафтную, социально-историческую, валеологическую, культурно-историческую и др. Но описать специфику, не проводя сравнительных исследований, крайне проблематично. И в этом случае на помощь приходит идея описания научных моделей средствами универсального языка. Например, пойти декартовским путем и увидеть в педагогической модели следующие математические блоки: наличие искомой единицы (функции, действия, состояния и т. д.), наличие индикативов (отличительных признаков, позволяющих при обнаружении идентифицировать единицу) и наличие в проблеме известного (данного нам и связанного с неизвестным). И тогда дедуктивным методом мы сможем воспроизвести эту модель, но с учетом специфики известного.

Педагогическая семиотика:

поиск универсального моделирующего языка

В начале XX века наиболее интересным решением семиотических проблем стали работы Г. Н. Серикова и его научной школы, которая вышла на построение педагогической семиотики [3; 4] средствами схемотехники. Интересным видится выход в исследованиях этой школы на метаметодологический уровень, что позволяет вести речь об образовании не только в пространстве самого образования, но и в пространстве образования как ресурса управления человеческими ресурсами [5].

Интересным является решение семиотической проблемы, которое предлагают белорусские ученые А. Г. Давыдовский и Н. В. Лапицкая [6]. Если в начале работы авторами используется схематехнический язык описания образовательных систем, то это абсолютно оправдано, так как в изначальном определяется образовательная система как сложная система, «где люди, технологии, организационные и средовые компоненты тесно взаимосвязаны и интегрированы друг в друга» [6, с. 10]. Именно сложные социотехнические системы требуют схематехнического описания. Но в языке схемотехники есть такие же изъяны, что и в обычном языке, семантика языковых конструктов субъективна, и мы обязаны это учитывать при исследовании проблемы тиражирования. Именно субъективный фактор оказывает значительное влияние на искажение содержания моделей при их тиражировании. А. Г. Давыдовский и Н. В. Лапицкая для минимизации проблемы искажения при тиражировании предлагают использование универсального языка, языка математики. В своей работе «Риски в социотехнических системах» [6] они вводят понятия рисков, случайностей и нештатных ситуаций. Но разве может человеческий опыт одного предвидеть и описать все риски и внештатные ситуации, выявить и описать все случайности? Мало вероятно и с организационной, и с психологической точки зрения. Так определить в социотехнической системе, что является случайностью, а что программированной единицей порой невозможно. Для минимизации субъективно-психологического фактора белорусские исследователи предложили рассмотреть проблему управления сложными социотехническими системами в парадигме теории информации. Дальше требуется осуществить переход на математическое моделирование случайностей и рисков, что требует иного описания моделей, видения не только их развития, но и отклонения, угасания, выделения и описания факторов. Достаточно ли в этом языке схематехнического, языка информации? Мы полагаем, нет. Требуется еще более универсальный моделирующий язык – язык математического моделирования.

Проблемы адаптации языка

Кризис воспроизводимости, порожденный большим количеством невоспроизводимых научных моделей, подталкивает нас к выработке новых требований к качеству педагогических, образовательных, методических, информационных, организационно-управленческих моделей. Вторым важным моментом становятся требования к оформлению продуктов научной деятельности, связанных с процессами педагогического моделирования. Они содержат как качественные, так и количественные показатели. Но качественные показатели (полнота, целостность, системность) не имеют технологических границ, что отражено, например, в следующих фрагментах документа: «...либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие *существенное* значение для развития страны» и «диссертация должна быть написана автором самостоятельно, обладать *внутренним единством*» [7]. Такие формулировки не предполагают измерений, а имеют характер экспертного мнения. В педагогических исследованиях мы увлекаемся оценкой количественных показателей, они ясны и понятны, но формальны и не содержательны. Потому что они указывают на эффективность и имеют своей целью доказать, что полученные результаты действительно решают проблему. Но для воспроизводства педагогической модели данные показатели не имеют значения. Это не означает, что количественные показатели абсолютно бесцельны. Количественные показатели мы можем использовать на стадии отбора искомых моделей. Это как оценивать товар исходя из всей линейки данной продукции, когда потребитель обращается к количественным показателям.

Вторая проблема, которую следует выделить и обозначить в рамках настоящего исследования: в педагогических исследованиях сохраняется тенденция, когда в качестве индикаторов берутся не репрезентативные, достоверные и надежные компоненты, а субъективно-оцениваемые инструменты оценки результативности педагогической модели. Для сохранения педагогики как науки главная задача заключается в выработке таких требований к прикладным продуктам педагогической научной мысли, которые позволят представить репрезентативную технологическую модель.

Ключевой проблемой при внедрении результатов опытно-экспериментальной работы в области образования является соотношение между заявляемым эффектом и эффектом, который мы получаем по итогу реактивации описанной в исследовании модели. Данная проблема не является исключительно российской – критика педагогических исследований разворачивается и в Европе, и в странах американского континента. В частности, можно указать на известную и весьма дискуссионную работу Дж. Хетти «Видимое обучение», где предпринята попытка оценки эффективности педагогических и образовательных моделей на

основе анализа *metadata* и на основе *meta-analysis* анализа *metadata*. Можно упомянуть и опыт европейских коллег, которые провели значительное методологически выверенное исследование по выделению факторов, влияющих на освоение содержания математического образования. В частности они указывают, что размер эффекта, зависящего больше от контекста условия, отличается от размера эффекта, зависящего от более общей информации, что привело к повышению роли контекстно-ориентированных данных, которые стали более точными: «Полученные результаты демонстрируют, что информация о значимости эффекта, зависящая от контекста, часто может отличаться от более общей информации о значимости эффекта в плане эффективности преподавания и соблюдения стандартов качества, варьирующейся в выборочных метаанализах. Таким образом, хотя за последние несколько лет метааналитические исследования получили ощутимое развитие, предоставление специфичных для контекста и высококачественных фактических данных по-прежнему должно быть в центре внимания в области преподавания математики и естественных наук в средней школе и за ее пределами» [8, с. 1]. То есть произведенные модели зависят не от ключевых переменных, а от периферийных, мало значимых при описании моделей. Мы понимаем, что большая часть построенных педагогических моделей является результатом теоретического осмысления практической реальности. Но в этом случае перед педагогическим сообществом встает задача оформления культуры педагогического осмысления практики образования, культуры рефлексивной деятельности новатора и мыслителя.

При всей изящности метода анализа *metadata*, его современности и инновационности на данном этапе развития педагогической мысли, он обладает серьезными изъянами: имеются в виду, в частности, низкий уровень оцифровки множественных принципов, механизмов и параметров в педагогических исследованиях, а также расплывчатость понятия эффекта в образовательной практике. Автору, который на настоящее время использует методологию анализа *metadata*, требуется самому вводить индикативы эффективности и строить *metamatrix*, что делает ее эксклюзивной, но обладающей тем же изъяном, что и анализируемая база данных. Нельзя помыслить яйцо, находясь внутри яйца. Требуется рефлексия, а она предполагает пространство для мышления, некоторую точку зрения, место, откуда мы будем смотреть на педагогическое исследование. Построение этой точки мысли и есть задача современной методологии прикладных педагогических исследований.

На данном этапе развития проблемы тиражирования можем заимствовать, а затем и экстраполировать в педагогическую действительность практику *franchising* и практику продажи в современной торговле. Почему практика *продажи*? Сама по себе задача продажи – не только сбыть товар, но и добиться от

покупателя сохранения лояльности и к продукту, и к структуре, которая данный продукт произвела. При этом нас интересует не вообще торговля, а торговля особым товаром – организационными моделями. На рынке это представлено продажей бизнес-моделей, то есть *franchising*. В русском языке нет прямого аналога данного понятия, следовательно, мы имеем право на использование оригинального термина. *Franchising* – процесс оформления реального действующего бизнеса, включая сферу услуг, в том числе и образовательных; он включает в себя весь комплекс мероприятий, с учетом социального портрета целевой группы, направленных на запуск, рост и стабильное функционирование, предъявляет конкретные требования к управлению включая технологии и компетентность персонала, рассчитывается с учетом этапов, затрат и проявленного результата.

Когда мы на рынке покупаем товар, особенно сложный товар, то мы покупаем некий процесс, который нам необходим для более эффективной организации жизни. Раз нами обозначена проблема внедрения результатов исследования другими, независимыми от проектировщика, субъектами, то это проблема тиражированности, проблема *replication*. То есть одним из требований к продукту педагогического мышления должна стать его технологическая упаковка, которая гарантировала бы то, что при развертывании другими процесс будет достигать заявленные цели.

Franchising как процесс представляет собой закономерности, механизмы, операции и технологии упаковки модели. Поэтому от соблюдения процедур *franchising* будет зависеть качество развертывания модели в другом месте. В частности, М. С. Шахова в статье «Организация франчайзинговой системы: этапы создания франшизы» [9] выделяет несколько процессов создания тиражируемой модели:

1. Концептуализация модели, которая включает процессы производства услуги; процессы проверены практикой и показали свою эффективность.
2. Определение стратегии пилотной модели, которая включает функционирование, менеджмент и маркетинг.
3. Подготовка франчайзингового пакета, включающего руководство по функционированию, руководство по обучению персонала (*self-skills, hard skills* и *soft skills*) и руководство по оперативному управлению.

Мы должны понимать, что не всякая педагогическая модель, которая разрабатывается в теории и практике, может обладать признаками *replication*. Могут существовать модели, которые при тиражированности изменяются и приобретают черты и формы нового образовательного пространства. Но мы в своих исследованиях ставим задачу выявить требования и описать процессы производства педагогической модели, пригодных для тиражирования.

Список использованных источников

1. Губанов Н. И., Губанов Н. Н., Волков А. Э. Критерии истинности и научности знания // *Философия и общество*. 2016. № 3 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-istinnosti-i-nauchnosti-znaniya>. (Дата обращения: 29.10.2022).
2. Донской А. Г., Борченко И. Д., Ларюшкин С. А., Дударев О. Б. Применение метода метаанализа в гуманитарных и педагогических исследованиях // *Вестник ТГПУ*. 2021. № 5 (217). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metoda-metaanaliza-v-gumanitarnyh-i-pedagogicheskikh-issledovaniyah>. (Дата обращения: 29.10.2022).
3. Сериков С. Г. Проектирование программы развития вуза физической культуры на основе системного подхода // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки*. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 19–29.
4. Сериков Г. Н., Сериков С. Г. Ориентиры измерения качества образования // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки»*. – 2010. – № 3 (179). – С. 19–31.
5. Котлярова И. О., Сериков Г. Н. Ресурсный подход к образованию для устойчивого развития // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки*. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 6–20.
6. Давыдовский А. Г., Лапицкая Н. В. Риски в социотехнических системах: монография. – Минск: Бестпринт, 2022. – 168 с.
7. Постановление Правительства РФ от 21.04.2016 N 335 (ред. от 26.09.2022) «О внесении изменений в Положение о присуждении ученых степеней». URL: <https://base.garant.ru/71385680/>. (Дата обращения: 29.10.2023).
8. Knogler M., Hetmanek A. and Seidel T. (2022) Determining an Evidence Base for Particular Fields of Educational Practice: A Systematic Review of Meta-Analyses on Effective Mathematics and Science Teaching. *Front. Psychol.* 13:873-995.
9. Шахова М. С. Организация франчайзинговой системы: этапы создания франшизы // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2015. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-franchayzingovoy-sistemy-etapy-sozdaniya-franshizy>. (Дата обращения: 02.11.2022).

References

1. Gubanov N. I., Gubanov N. N., Volkov A. E. Kriterii istinnosti i nauchnosti znaniya // *Filosofiya i obshchestvo*. 2016. № 3 (80). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-istinnosti-i-nauchnosti-znaniya>. (Data obrashcheniya: 29.10.2022).

2 Donskoi A. G., Borchenko I. D., Laryushkin S. A., Dudareva O. B. *Primenenie metoda metaanaliza v gumanitarnykh i pedagogicheskikh issledovaniyakh* // Vestnik TGPU. 2021. № 5 (217). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenienie-metoda-metaanaliza-v-gumanitarnyh-i-pedagogicheskikh-issledovaniyah> (data obrashcheniya: 29.10.2022).

3. Serikov S. G. *Proektirovanie programmy razvitiya vuza fizicheskoi kul'tury na osnove sistemnogo podkhoda* // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki. – 2020. – T. 12, № 2. – S. 19-29.

4. Serikov G. N., Serikov S. G. *Orientiry izmereniya kachestva obrazovaniya* // Vestnik YuUrGU. Seriya «Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki». – 2010. – № 3 (179). – S. 19–31.

5. Kotlyarova I. O., Serikov G. N. *Resursnyi podkhod k obrazovaniyu dlya ustoichivogo razvitiya* // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki. – 2022. – T. 14, № 2. – S. 6–20.

6. Davydovskii A. G., Lapitskaya N. V. *Riski v sotsiotekhnicheskikh sistemakh: monografiya*. – Minsk: Bestprint, 2022. – 168 s.

7. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21.04.2016 N 335 (red. ot 26.09.2022) «O vnesenii izmenenii v Polozhenie o prisuzhdenii uchenykh stepenei»*. URL: <https://base.garant.ru/71385680/>. (Data obrashcheniya: 29.10.2023).

8. Knogler M., Hetmanek A. and Seidel T. (2022) *Determining an Evidence Base for Particular Fields of Educational Practice: A Systematic Review of Meta-Analyses on Effective Mathematics and Science Teaching*. *Front. Psychol.* 13:873-995.

9. Shakhova M. S. *Organizatsiya franchaizingovoi sistemy: etapy sozdaniya franshizy* // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika. 2015. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-franchayzingovoy-sistemy-etapy-sozdaniya-franshizy> (data obrashcheniya: 02.11.2022).

UDC 37:004:303.732.4(476)

Vyacheslav Lozitsky,
PhD, Associate Professor;
Polessky State University
(Belarus)
bakalaur@yandex.ru

EDUCATIONAL SEGMENT OF THE UNIFIED INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS AS A SUBJECT OF SYSTEMIC SCIENTIFIC ANALYSIS

The article discusses the problems of theoretical and methodological justification of the analytical study of the educational segment of the Republican information and educational environment in Belarus. Taking into account the trends associated with the processes of digital transformation of the educational sphere, the author proposed a model for analyzing a specifically organized subsystem of the environment through understanding its phenomenological essence and updating the problem field of scientific search.

Keywords: information society; information and communication technologies; digital transformation of education; republican information and educational environment; system-environment potential; continuing education.

Вячеслав Лозицкий,
кандидат педагогических наук, доцент;
Полесский государственный университет
(Беларусь)
bakalaur@yandex.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СЕГМЕНТ ЕДИНОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ КАК ПРЕДМЕТ СИСТЕМНОГО НАУЧНОГО АНАЛИЗА

В статье рассмотрена проблематика теоретико-методологического обоснования исследования образовательного сегмента Республиканской информационно-образовательной среды в Беларуси. С учетом тенденций, связанных с процессами цифровой трансформации образовательной сферы, автором предложена модель анализа специфически организуемой подсистемы среды через понимание ее феноменологической сущности и актуализацию проблемного поля научного поиска.

Ключевые слова: информационное общество; информационно-коммуникационные технологии; цифровая трансформация образования; республиканская информационно-образовательная среда; системно-средовой потенциал; непрерывное образование.

Интеграция инновационных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовательный процесс и широкая практика применения механизмов и инструментария специфически организованных информационно-образовательных сред (ИОС) учреждений образования не могли не привлечь внимания научной общественности к проблематике цифровой трансформации и разработкам эффективных моделей организации образования и процессов обучения (исследования Н. В. Аксенчик, О. М. Белоцкой, В. А. Богуша, Е. Н. Шнейдерова, Е. А. Бутиной, И. П. Гладилиной и И. Г. Ермаковой, И. В. Зубричиной, В. Л. Лозицкого, О. А. Минич, И. Б. Стрелковой, И. Л. Шевляковой-Борзенко [1–11], а также коллективов авторов под руководством Ю. И. Воротницкого, Д. А. Качана, А. Н. Курбацкого [12–14]). Эффективность предлагаемых моделей в своей целевой реализации призвана обеспечивать существенное повышение качества предоставляемых образовательных услуг и их широкую доступность в условиях системы непрерывного образования. Одним из решений данной задачи в ее комплексности является обеспечение преемственности уровней общего среднего и высшего образования с опорой на лучшие наработки педагогической классики и потенциал инновационных ИКТ. Программные положения Концепции цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019-2025 годы [15] и решения правительства [16] ориентируют на перспективу применения в системно организуемой и осуществляемой образовательной и учебной деятельности ее субъектов образовательного сегмента единой Республиканской информационно-образовательной среды (РИОС). Кодекс Республики Беларусь об образовании определяет РИОС как «совокупность государственных автоматизированных информационных систем (ресурсов) в сфере образования, обеспечивающих взаимодействие государственных органов и организаций, учреждений образования и иных субъектов образовательных отношений и удовлетворение их информационных потребностей» [17, с. 7]. Образовательный сегмент (ОС) РИОС в своем структурном и содержательном наполнении представляет собой интегративно организуемую подсистему – платформу, совокупно объединяющую высокотехнологичные механизмы и инструментарий, позволяющие в сочетании с наличествующими информационными ресурсами и качественным дидактическим обеспечением эффективно решать необходимые для организации и осуществления образовательного процесса те или иные актуальные задачи в их конкретизации и

практической значимости. Учитывая, что в соответствии с программными документами [15; 16] создание РИОС должно быть завершено к 2025 году, изучение проблем функционирования ее образовательного сегмента, потенциала компонентов представляется перспективным направлением научного поиска.

Моделирование процесса исследования как один из общенаучных методов научного поиска предполагает создание общего конструкта, представляющего уровневое последовательное продвижение операциональных действий в логике процессуального решения задач, стоящих перед исследователем. Важным детерминантом успешности при этом является методологическая грамотность субъекта научной исследовательской деятельности, под которой мы понимаем:

- одну из целей в становлении и профессиональном развитии начинающего исследователя;
- одно из условий эффективного осуществления процесса научного поиска;
- достигнутую субъектом исследовательской деятельности способность эффективно разрабатывать методологию исследования, применять методы, приемы и средства теоретического и эмпирического познания.

В представляемом триединстве понимания (качественная уровневая характеристика достигнутого – достигаемая цель – условие эффективного профессионального роста) само достижение методологической грамотности исследователем является одним из факторов его совершенствования.

Предлагаемое нами моделирование научного исследования (рисунок 1) образовательного сегмента РИОС определяется нами как уровневый поэтапно осуществляемый процесс, сочетающий дескриптивный и прескриптивный подходы в осуществлении анализа. Если дескриптивное моделирование базируется на описательном инструментарии анализа, то прескриптивный анализ предполагает учет данных для построения оптимального курса развития процесса исследования. Выделенный аспект представляется чрезвычайно важным в оценивании перспектив реализации потенциала образовательной подсистемы РИОС и процессов ее совершенствования с учетом обеспечения преемственности в условиях развития «непрерывного, гибкого, модульного, самостоятельного, опережающего, распределенного образования» [13, с. 48].

В соответствии с представляемой структурно-содержательной моделью научное исследование является последовательно осуществляемым процессом продвижения от базового теоретико-методологического к эмпирическому и прогностическому уровням, которые имеют содержательные компоненты, как:

- операционально-деятельностный (включает в себя конкретизированное содержание этапно выполняемой деятельности теоретико-методологической, опытно-экспериментальной и прогностической направленности);

– результирующий (включает в себя возможные в своей реализуемости и достигаемости результаты осуществляемого исследования на уровнях теоретико-методологических обобщений, экспериментальной деятельности и прогнозирования процессуального развития).

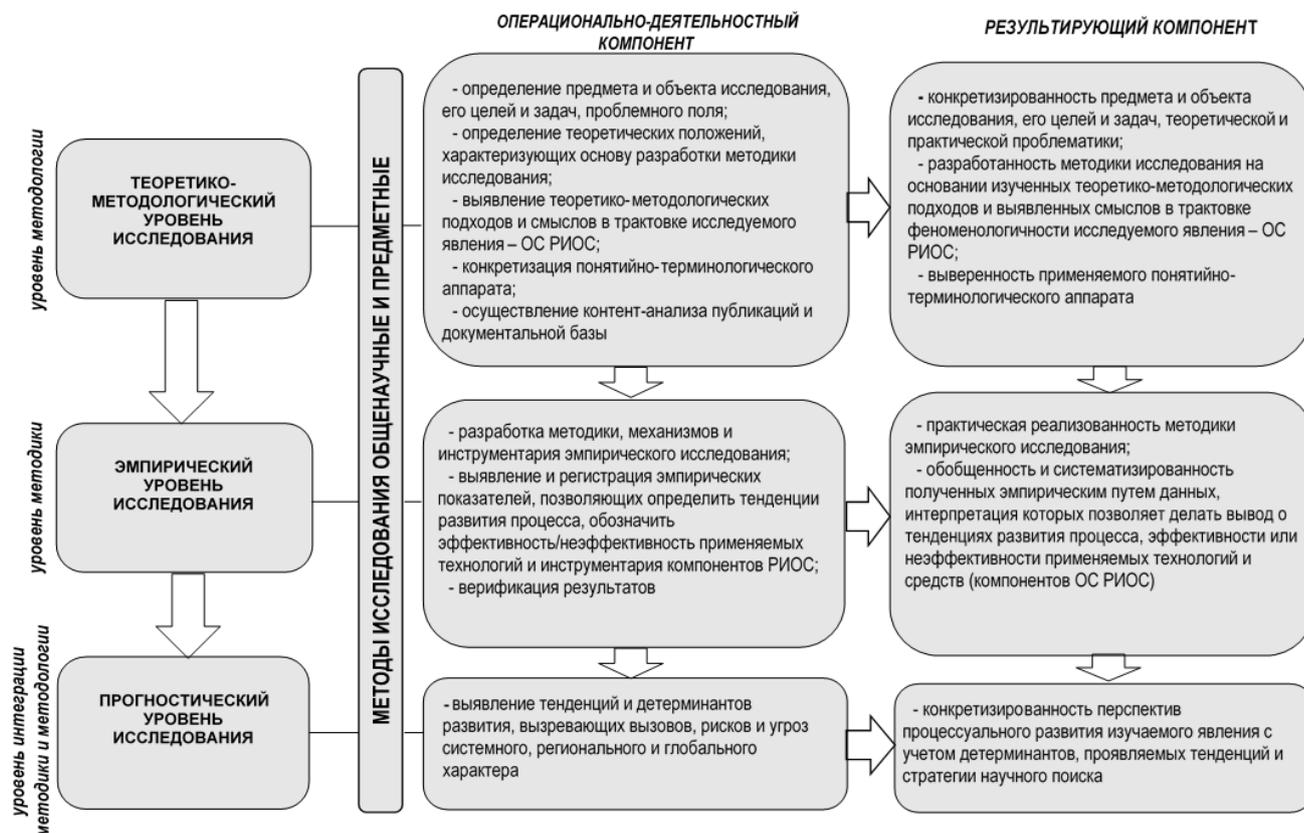

Рис. 1. Структурно-содержательная функциональная модель исследования образовательного сегмента РИОС

На базовом теоретико-методологическом уровне одним из его оснований является выявление научных подходов в определении феноменологической сущности образовательного сегмента РИОС. Нами учтено, что в основе общенаучной методологии изучения вопросов применения потенциала компонентов исследуемой подсистемы РИОС находятся концептуальные положения социально-исторического, системно-средового, деятельностного, компетентностного, личностно-ориентированного подходов. На данном этапе учет существующих теоретико-методологических подходов позволяет определять социально-философские и социокультурные, системно-средовые, личностные, функционально-деятельностные, технико-технологические смыслы в многоаспектном понимании подвергаемого анализу предмета. Вычленение таких ценностно-смысловых оснований выводит на определение предназначения и направленности, а также системообразующих качеств и содержательных

характеристик образовательного сегмента РИОС и его компонентов. Этот аспект нами акцентировался в исследовании феноменологических черт цифровизации образования [7].

Одним из важных результатов анализа на данном уровне является определение феноменологической сущности подсистемы среды, выражаемой в диалектическом триединстве процессуальной и результирующих составляющих, а также условий функционирования и развития при качественных изменениях информационно-коммуникационного пространства.

Целесообразно отметить, что на данном этапе исследования чрезвычайно важным аспектом анализа представляется конкретизация применяемого понятийно-терминологического аппарата, что позволяет повысить уровень научной рефлексии (например, в разграничении понимания терминов «технико-технологический потенциал» и «дидактический потенциал», «организационно-педагогическая роль компонентов среды» и «дидактическая роль компонентов среды»).

В качестве предмета научного исследования потенциал образовательного сегмента РИОС определяется нами как совокупность возможностей системных компонентов среды, которые позволяют при учете необходимых организационно-педагогических условий и эффективном применении технических решений и дидактического инструментария решать актуальные педагогические задачи. В таком понимании разграничение определения технико-технологического и дидактического потенциала осуществляется через выявление целевого предназначения и функциональной направленности, а также характеристик механизмов и инструментария образовательного сегмента системно-средовой организации.

Анализ источниковедческой базы исследования является важной основой для выхода на эмпирические методы изучения. В качестве групп источников могут быть рассмотрены: законодательные и нормативно-административные акты Республики Беларусь, относимые к сфере информационного права в образовании; отчеты научных коллективов по разработке концептуальных положений, относимых к процессу создания и функционирования РИОС; публикации исследователей по научной проблеме разработки и развития системно-средовой организации ИОС учреждений образования и РИОС.

Эмпирический уровень исследования предполагает выявление совокупности эмпирических показателей, при регистрации, обобщении и систематизации которых определяются тенденции развития процесса, а также диагностируется эффективность или неэффективность применяемых технологий (в нашем случае – ИКТ) и инструментария. На данном уровне чрезвычайно важен учет находок-инсайтов, которые в своей инновационности в условиях технологизации

образования и динамичной интеграции инновационных ИКТ и высокотехнологичных решений позволяют улучшить характеристики компонентов системы (например, через интеграцию инструментальных функций платформ искусственного интеллекта, инструментария дополненной реальности).

Не вызывает сомнений важность прогностического уровня научного анализа в изучении перспективы развития РИОС и ее образовательного сегмента, что предполагает четкое понимание детерминантов, определяющих качественные приращения и учитывающих процессуальную специфику. Так, в качестве условий, детерминирующих становление, развитие и эффективное функционирование образовательного сегмента РИОС в Республике Беларусь целесообразно выделить следующие:

- теоретико-методологическая проработанность комплекса вопросов, определяющих применение технико-технологического и дидактического потенциала инструментария среды;

- формирование и развитие информационной культуры, высокий уровень сформированности которой у субъектов педагогического взаимодействия позволяет формировать в социуме важный мировоззренческий базис ноосферного мышления человека;

- функционирование развивающейся системы непрерывного образования, эффективно реализующей свою целе-задачную направленность развития и совершенствования личности и общества;

- создание эффективно функционирующей системно-средовой инфраструктуры;

- разработанность нормативно-правовой базы, ее постоянное совершенствование;

- развитие педагогической практики и распространение опыта осуществления эффективной учебной и образовательной деятельности субъектов взаимодействия в предоставляемых системно-средовых условиях;

- преодоление противоречий, функционально-компетентностного разрыва в адаптированности субъектов образовательной деятельности и педагогического взаимодействия по отношению к качественным изменениям системно организуемой информационно-образовательной среды и информационно-коммуникационного пространства.

Резюмируя, отметим, что важным признаком методологического знания является его перевод в практический инструментарий специалиста. Предлагаемая структурно-содержательная модель изучения образовательного сегмента РИОС представляется рабочим инструментарием педагога-исследователя при корреляции каждого из выделяемых уровней с планируемым содержанием и прогнозируемыми результатами, через применение трехкомпонентного основания

методологического анализа: избираемый уровень исследования – содержание и направленность исследовательской деятельности – прогнозируемый результат на избранном уровне исследования. Такой подход позволяет формировать логику познания изучаемого предмета, в качестве которого в своей феноменологической сущности выступает подсистема РИОС – ее образовательный сегмент. Важную роль при этом выполняет научная позиция субъекта-исследователя, выполняющего практическую исследовательскую деятельность.

Список использованных источников

1. Аксенчик, Н. В. Категория качества функционирования информационно-образовательной среды учреждения высшего образования / Н. В. Аксенчик // Научные труды Республиканского института высшей школы. – Минск: РИВШ, 2018. – Ч. 4. – С. 3–8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elib.bsuy.by/bitstream/123456789/291883/1/Аксенчик_НТ-22_Пед_Ч.%204-003-008.pdf. – Дата доступа: 18.11.2023.

2. Белоцкая, О. М. Развитие республиканской информационно-образовательной среды / О. М. Белоцкая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bsac.by/sites/default/files/content/basic/2022/2368/files/10-10/10-belockaamino-br.pdf>. – Дата доступа: 18.11.2023.

3. Богущ, В. А. Цифровизация образования: проблемы, вызовы и перспективы / В. А. Богущ, Е. Н. Шнейдеров // Адукацыя і выхаванне. – 2021. – № 1. – С. 14–21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://libelidoc.bsuir.by/bitstream/123456789/45897/1/Bogush_Tsifrovizatsiya.pdf. – Дата доступа: 18.11.2023.

4. Бутина, Е. А. Цифровизация образовательного пространства: риски и перспективы / Е. А. Бутина // Профессиональное образование в современном мире. – 2020. – № 10 (2). – С. 3695–3701 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.profed.nsau.edu.ru/jour/article/download/685/658>. – Дата доступа: 18.11.2023.

5. Гладилина, И. П. Цифровая трансформация образования: зарубежный и отечественный опыт / И. П. Гладилина, И. Г. Ермакова // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 3. – С. 8–12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-obrazovaniya-zarubezhnyu-i-otechestvennyu-opyt>. – Дата доступа: 18.11.2023.

6. Зубрилина, И. В. Цифровизация образования в контексте приоритетов Дорожной карты по реализации ЦУР в Республике Беларусь / И. В. Зубрилина // Адукацыя і выхаванне. – 2023. – № 8. – С. 11–19 [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <https://elcat.bntu.by/index.php?url=/notices/index/IdNotice:688798/Source:default>. – Дата доступа: 18.11.2023.

7. Лозицкий, В. Л. Феноменологические черты цифровизации образования / В. Л. Лозицкий // *Multi-cultural Research / Мультикультурные исследования / 跨文化研究*. – 2023. – № 3 (16). – С. 38–49 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rep.polessu.by/handle/123456789/29353>. – Дата доступа: 18.11.2023.

8. Минич, О. А. Цифровая среда как неотъемлемый компонент педагогической подготовки в области методик электронного обучения / О. А. Минич // *Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. Серія грамадзянскіх і гуманітарных навук*. – 2023. – № 1 (61). – С. 86–93 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bspu.by/handle/doc/59394>. – Дата доступа: 18.11.2023.

9. Стрелкова, И. Б. Управление персональными информационными потоками в условиях цифровой образовательной среды / И. Б. Стрелкова. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 192 с.

10. Шевлякова-Борзенко, И. Л. От «ламповой» школы к «цифровой»: опыт совершенствования образовательной среды в разных странах мира / И. Л. Шевлякова-Борзенко // *Веснік адукацыі*. – 2022. – № 3. – С. 7–18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://catalog.belstu.by/catalog/articles/doc/611161/info>. – Дата доступа: 18.11.2023.

11. Шевлякова-Борзенко, И. Л. От «ламповой» школы к «цифровой»: опыт совершенствования образовательной среды в разных странах мира / И. Л. Шевлякова-Борзенко // *Веснік адукацыі*. – 2022. – № 4. – С. 9–14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://catalog.belstu.by/catalog/articles/doc/616277/info>. – Дата доступа: 18.11.2023.

12. Разработка программно-методического обеспечения республиканской информационно-образовательной среды: отчет о научно-исследовательской работе (заключительный) / БГУ; научный руководитель Ю. И. Воротницкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/236401>. – Дата доступа: 18.11.2023.

13. Качан, Д. А. Развитие Республиканской информационно-образовательной среды / Д. А. Качан, П. А. Лис, М. В. Мирончик // *Цифровая трансформация*. 2018. – № 2 (3). – С. 46–52 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dt.bsuir.by/jour/article/view/96/73>. – Дата доступа: 18.09.2023.

14. Курбацкий, А. Н. О концепции создания и развития Республиканской информационно-образовательной среды / А. Н. Курбацкий [и др.] // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации: РИНТИ – 2019 : XVIII Международная конференция, 21 ноября 2019 года, Минск: доклады / [научные редакторы: А. В. Тузиков, Р. Б. Григянец, В. Н. Венгеров]. –

Минск, 2019. – С. 19–23 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-catalog.nlb.by/Record/BY-NLB-br0001648984/Details>. – Дата доступа: 18.11.2023.

15. Концепция цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 гг. / Государственное учреждение образования «Минский городской институт развития образования» // Центр информационных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iso.minsk.edu.by/main.aspx?guid=34963>. – Дата доступа: 18.11.2023.

16. О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 30 нояб. 2021 г., № 683 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100683>. – Дата доступа: 18.11.2023.

17. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. – 512 с.

References

1. Aksenich, N. V. Kategoriya kachestva funktsionirovaniya informatsionno-obrazovatel'noi sredy uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya / N. V. Aksenich // Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. – Minsk: RIVSh, 2018. – Ch. 4. – S. 3–8 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/291883/1/Aksenich_NT-22_Ped_Ch.%204-003-008.pdf. – Data dostupa: 18.11.2023.

2. Belotskaya, O. M. Razvitie respublikanskoi informatsionno-obrazovatel'noi sredy / O. M. Belotskaya [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://bsac.by/sites/default/files/content/basic/2022/2368/files/10-10/10-belockaamin obr.pdf>. – Data dostupa: 18.11.2023.

3. Bogush, V. A. Tsifrovizatsiya obrazovaniya: problemy, vyzovy i perspektivy / V. A. Bogush, E. N. Shneiderov // Adukatsyya i vykhavanne. – 2021. – № 1. – S. 14–21 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/45897/1/Bogush_Tsifrovizatsiya.pdf. – Data dostupa: 18.11.2023.

4. Butina, E. A. Tsifrovizatsiya obrazovatel'nogo prostranstva: riski i perspektivy / E. A. Butina // Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire. – 2020. – № 10 (2). – S. 3695–3701 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.profed.nsau.edu.ru/jour/article/download/685/658>. – Data dostupa: 18.11.2023.

5. Gladilina, I. P. Tsifrovaya transformatsiya obrazovaniya: zarubezhnyi i otechestvennyi opyt / I. P. Gladilina, I. G. Ermakova // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. – 2021. – № 3. – S. 8–12 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-obrazovaniya-zarubezhnyy-i-otchestvennyy-opyt>. – Data dostupa: 18.11.2023.

6. Zubrilina, I. V. Tsifrovizatsiya obrazovaniya v kontekste prioritetov Dorozhnoi karty po realizatsii TsUR v Respublike Belarus' / I. V. Zubrilina // *Adukatsyya i vykhavanne*. – 2023. – № 8. – S. 11–19 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://elcat.bntu.by/index.php?url=/notices/index/IdNotice:688798/Source:default>. – Data dostupa: 18.11.2023.

7. Lozitskii, V. L. Fenomenologicheskie cherty tsifrovizatsii obrazovaniya / V. L. Lozitskii // *Multi-cultural Research / Mul'tikul'turnye issledovaniya / 跨文化研究*. – 2023. – № 3 (16). – S. 38–49 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rep.polesu.by/handle/123456789/29353>. – Data dostupa: 18.11.2023.

8. Minich, O. A. Tsifrovaya sreda kak neot'emlemyi komponent pedagogicheskoi podgotovki v oblasti metodik elektronnoho obucheniya / O. A. Minich // *Vesnik MDPU imya I. P. Shamyakina. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk*. – 2023. – № 1 (61). – S. 86–93 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://elib.bspu.by/handle/doc/59394>. – Data dostupa: 18.11.2023.

9. Strelkova, I. B. Upravlenie personal'nymi informatsionnymi potokami v usloviyakh tsifrovoi obrazovatel'noi sredy / I. B. Strelkova. – M.: INFRA-M, 2023. – 192 s.

10. ShevlyakovaBorzenko, I. L. Ot «lampovoi» shkoly k «tsifrovoi»: opyt sovershenstvovaniya obrazovatel'noi sredy v raznykh stranakh mira / I. L. ShevlyakovaBorzenko // *Vesnik adukatsyi*. – 2022. – № 3. – S. 7–18 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://catalog.belstu.by/catalog/articles/doc/611161/info>. – Data dostupa: 18.11.2023.

11. ShevlyakovaBorzenko, I. L. Ot «lampovoi» shkoly k «tsifrovoi»: opyt sovershenstvovaniya obrazovatel'noi sredy v raznykh stranakh mira / I. L. ShevlyakovaBorzenko // *Vesnik adukatsyi*. – 2022. – № 4. – S. 9–14 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://catalog.belstu.by/catalog/articles/doc/616277/info>. – Data dostupa: 18.11.2023.

12. Razrabotka programmno-metodicheskogo obespecheniya respublikanskoi informatsionno-obrazovatel'noi sredy: otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote (zaklyuchitel'nyi) / BGU; nauchnyi rukovoditel' Yu. I. Vorotnitskii [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/236401>. – Data dostupa: 18.11.2023.

13. Kachan, D. A. Razvitie Respublikanskoi informatsionno-obrazovatel'noi sredy / D. A. Kachan, P. A. Lis, M. V. Mironchik // *Tsifrovaya transformatsiya*. 2018. – № 2 (3). – S. 46–52 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://dt.bsuir.by/jour/article/view/96/73>. – Data dostupa: 18.09.2023.

14. Kurbatskii, A. N. O kontseptsii sozdaniya i razvitiya Respublikanskoi informatsionno-obrazovatel'noi sredy / A. N. Kurbatskii [i dr.] // *Razvitie informatizatsii i gosudarstvennoi sistemy nauchno-tekhnicheskoi informatsii: RINTI – 2019* :

XVIII Mezhdunarodnaya konferentsiya, 21 noyabrya 2019 goda, Minsk: doklady / [nauchnye redaktory: A. V. Tuzikov, R. B. Grigyanets, V. N. Vengerov]. – Minsk, 2019. – S. 19–23 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://e-catalog.nlb.by/Record/BY-NLB-br0001648984/Details>. – Data dostupa: 18.11.2023.

15. Kontsepsiya tsifrovoy transformatsii protsessov v sisteme obrazovaniya Respubliki Belarus' na 2019–2025 gg. / Gosudarstvennoe uchrezhdenie obrazovaniya «Minskii gorodskoi institut razvitiya obrazovaniya» // Tsentr informatsionnykh tekhnologii [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://iso.minsk-edu.by/main.aspx?guid=34963>. – Data dostupa: 18.11.2023.

16. O Kontsepsii razvitiya sistemy obrazovaniya Respubliki Belarus' do 2030 goda [Elektronnyi resurs]: postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Belarus', 30 noyab. 2021 g., № 683 // Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100683>. – Data dostupa: 18.11.2023.

17. Kodeks Respubliki Belarus' ob obrazovanii. – Minsk: Natsional'nyi tsentr pravovoi informatsii Respubliki Belarus', 2022. – 512 s.

UDC 372.87

Polina Kondratenko,
senior lecturer;
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
(Belarus)
[*polinakondra513@gmail.com*](mailto:polinakondra513@gmail.com)

MUSICAL ACCOMPANIMENT IN CLASSICAL DANCE CLASSES: SELECTION OF MUSICAL TEXTS IN THE CONTEXT OF MODELING THE TRAINING SESSION

The article reveals the phased work on the selection of musical material in classical dance lessons. The stages of the teachers work on the selection of musical accompaniment for choreographic combinations are distinguished, taking into account the nature, tempo, rhythm and form of the musical and choreographic composition. The multicomponent of the process of forming a musical accompaniment in classical dance lessons is emphasized.

Keywords: musical material; accompaniment; rhythmic pattern; tempo; classical dance lesson.

Полина Кондратенко,
старший преподаватель;
Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка
(Беларусь)
[*polinakondra513@gmail.com*](mailto:polinakondra513@gmail.com)

МУЗЫКАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ НА УРОКАХ КЛАССИЧЕСКОГО ТАНЦА: ПОДБОР МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ УЧЕБНОГО ЗАНЯТИЯ

В статье раскрывается поэтапная работа над подбором музыкального материала на уроках классического танца. Выделяются этапы работы преподавателя над подбором музыкального сопровождения к хореографическим комбинациям с учетом характера, темпа, ритма и формы музыкально-хореографической композиции. Акцентируется многокомпонентность процесса формирования музыкального аккомпанемента на уроках классического танца.

Ключевые слова: музыкальный материал; аккомпанемент; ритмический рисунок; темп; урок классического танца.

Музыкальное сопровождение является неотъемлемым компонентом организации учебных занятий по классической хореографии. От качества музыкального материала, который используется на уроках, и его исполнения зависит не только развитие музыкальных способностей, но и становление художественного вкуса учащихся. Музыкальное оформление должно прививать учащимся эстетические навыки, осознанное отношение к музыкальному произведению:

- умение слышать музыкальную фразу (знать, где ее начало, середина и конец);
- ориентироваться в характере музыки (распознавать характер, жанр и народность музыкального произведения);
- ориентироваться в ритмическом рисунке и динамике;
- различать музыкальные темпы: *adagio* (адажио) – медленно, *andante* (анданте) – не спеша, *allegro* (аллегро) – быстро, *moderato* (модерато) – умеренно, *largo* (ларго) – протяжно, *grave* (граве) – тяжеловесно, *accelerando* (ачелерандо) – ускоряя и др.

По мнению Т. Барышниковой, в процессе создания хореографической композиции темп, так же как и в музыке, является одной из формообразующих категорий танцевального материала, который предполагает прямую зависимость пластических мотивов от элементов музыкальной структуры [1].

Урок классической хореографии всегда строится на музыкальном материале. Начиная с поклона, партерного тренажа до экзерсиса у станка, экзерсиса на середине зала, прыжков (*allegro*), пальцевой техники у девушек и заканчивая поклоном, движения должны быть музыкально оформлены. Во взаимосвязи танца и музыки на учебном занятии у обучающихся вырабатывается привычка организовывать свои движения согласованно с музыкальным текстом. Содержательная, эстетически привлекательная музыка, танцевальная в своей основе, способна оказать помощь в освоении сложной системы выразительных средств танца, прежде всего, техники исполнения и артистизма.

Для уроков (учебных занятий) классического танца музыкальное сопровождение подбирается согласно требованиям специфики предмета. Его сопровождение определено выразительными качествами лексики учебных форм классического танца и особенностями методики обучения по этой учебной дисциплине / предмету. На уроках обучающиеся приобщаются к лучшим образцам классической, современной, народной музыки. Таким образом формируется их музыкальная культура, развивается музыкальный слух и образное мышление, которые помогают воспринимать музыку и хореографию в единстве. Танцевальные движения должны раскрывать содержание музыки,

соответствовать ей по композиции, характеру, динамике, темпу, метроритму. Музыка вызывает двигательные реакции и углубляет их, не просто сопровождает движения, а определяет их сущность. Результативная работа в хореографических классах возможна только в коллаборации педагога-хореографа и концертмейстера.

Музыку для сопровождения танцевальных упражнений необходимо постоянно пополнять и делать ее более разнообразной, руководствуясь нормами эстетики, чувством художественной меры, замыслам преподавателя-балетмейстера. Постоянное звучание на уроках одного и того же материала ведет к механическому, а не эмоциональному исполнению упражнений обучающимися. Но есть и другая «опасность»: слишком частая смена сопровождений рассеивает внимание обучающихся.

Для развития музыкальности исполнения танцевального движения применяются следующие методы работы:

– наглядно-слуховой (слушание музыки во время показа движений педагогом);

– словесный (педагог помогает понять содержание музыкального произведения, побуждает воображение, способствует проявлению творческой активности; может напевать ритм);

– практический (конкретная деятельность в виде систематических упражнений).

К подбору музыкального материала предъявляются требования по следующим критериям: характер, темп, ритм, форма музыкального произведения.

Главная музыкальная мысль, заложенная в произведении, – *мелодия*, – выражает основу музыкального текста. Важнейший элемент музыки – *ритм* – организует движения в соответствии с замыслом, характером хореографического произведения. Также характерной особенностью методических основ моделирования занятия классической хореографией является чередование тяжелых звуков с более легкими, выражаемое понятием *метра* в музыке. *Темп* как критерий подбора музыкального текста к занятиям хореографией имеет единые показатели в музыке и танце, основанные на скорости развития темы (во времени и пространстве). Все эти критерии подбора музыкального сопровождения к движениям на занятиях классическим танцем являются основополагающими и во многом определяют успех подготовки хореографов-исполнителей, хореографов-балетмейстеров, педагогов-хореографов (в условиях высшей школы).

Ознакомление обучающихся с музыкальным сопровождением можно организовать в три этапа:

- 1) Знакомство с музыкальным произведением.

Задачи: знакомство обучающихся с музыкальными фрагментами (научить обучающихся слышать и эмоционально откликаться на услышанное пластикой тела, уметь точно исполнять *Préparation* во время вступления. Педагог-хореограф показывает движения под музыкальное сопровождение).

2) Формирование умений в области музыкального исполнения движений, восприятия музыкального сопровождения в единстве с движениями.

Задачи: выработка умения исполнять движения в соответствии с характером музыки, восприятие и передача настроения музыки в движении, координация слуха и характера движений. На данном этапе осуществляется тщательный отбор музыкального материала для каждого движения в соответствии с предъявляемыми требованиями (квадратность, ритмический рисунок, характер мелодий, наличие затакта, метроритмические особенности, темп, размер).

3) Выработка и закрепление навыков. Выполнение заданий в точном соответствии с характером, темпом, ритмическим рисунком музыкального фрагмента. Обучающиеся сознательно решают поставленные перед ними задачи, опираясь на приобретенные навыки «слушания» танца. Они проникаются содержанием произведения, красотой формы, образов. Через музыкальные образы обучающиеся познают прекрасное в окружающей действительности – вымышленной или реальной.

Главными дисциплинами в хореографии являются классический и народно-сценический танец. Подбор музыкального материала для урока ведется концертмейстером в соответствии с программными требованиями хореографа. Музыкальное сопровождение уроков должно быть корректным, разнообразным как по мелодике, так и ритму. Музыкальные фрагменты для классического экзерсиса должны обладать следующими свойствами (качествами):

1. **«Квадратность».** На начальном этапе произведение можно разбить на квадраты. Квадрат состоит из тактов в размере 2/4 или 4/4. В дальнейшем, по мере обретения танцевальной техники, темп ускоряется, но «квадратность» сохраняется. Создаваемые комбинации со временем становятся сложнее, и в них движения могут изменяться в рисунке не по квадрату. Модификация построения композиционного рисунка может варьироваться и усложняться до размеров 3/4, 6/8, и т. д. в таком случае используется более быстрый темп. Как правильно подметила В. И. Уральская: «В начале даются основные элементы танцев в раскладке на точный музыкальный размер и в расчёте на одного исполнителя» [6, с. 7].

2. **Ритмический рисунок и темп.** Для исполнения таких движений, как *adagio*, *rond de jambe par terre* ритмический рисунок особого значения не имеет, но имеет значения темп. Он должен быть медленным, а мелодия – лирической, так как движения исполняются плавно и размеренно. Для исполнения *battement tendu*

необходим четкий ритмический рисунок, а также присутствие синкопированного ритма. Исполнение этих движений идет в быстром темпе восьмыми нотами, а в музыкальных фрагментах должны присутствовать шестнадцатые и восьмые длительности (размер 2/4 или 4/4 при медленном исполнении).

3. Наличие затактов. Любой затакт имеет важное значение в исполнении движения. Кроме того, он определяет тени всего упражнения. На начальном этапе, когда движение разучивается и исполняется на сильную долю, затакт не играет решающей роли, т. к. движения на этом этапе исполняются в медленном темпе по квадратам на сильную долю (*battement tendu, battement tendu jeté, battement frappé*). В дальнейшем это качество играет существенную роль. Любой затакт, кроме того, что определяет темп упражнения, делает музыкальный фрагмент более четким, активизирует упражнения, акцентируя слабую долю. Затакт может быть использован во всех упражнениях, т. к. с него легче начать исполнять движения.

4. Темповые и метрические особенности. Размер 2/4 может использоваться в музыкальном сопровождении для различных упражнений. Однако темп исполнения и сама техника всегда различны. *Battement tendu, battement tendu jeté, battement frappé* могут исполняться в размере 2/4 в темпах *allegro, moderato*. А упражнения *battement fondu* и *plié* в размере 2/4 в темпах *adagio, lento*. *Rond de jambe par terre* может исполняться в размере 3/4 (одно движение на один такт). Таким образом, темп замедляется до *adagio* (или одного движение – полный круг на 4 такта). То же самое происходит и в размере 4/4. Темп в этом размере может на различных движениях варьироваться от *lento* до *andantino*.

5. Метро-ритмические особенности. На начальном этапе обучения классической хореографии мелкие длительности могут исполняться в два раза дольше, но при этом характер мелодии не должен искажаться. По мере разучивания движений темп ускоряется. В исследовании мастерства балетмейстерской работы белорусский искусствовед О. П. Беляева справедливо утверждает, что «занимаясь в коллективе, учащиеся не просто выучат определенное количество движений и танцев, но на каждом занятии будут познавать своеобразный выразительный язык хореографического искусства, получат представление о хореографии как о синтетическом виде искусства, где тесно переплетаются музыка и пластика» [2, с. 30].

6. Работа преподавателя в хореографическом классе. Первоначальной учебной задачей является освоение точной, детально отработанной техники танца, которая способна чутко, правдиво и ярко отзываться на эмоционально-смысловое содержание музыки. Поэтому музыку на уроках классического танца нужно рассматривать и воспринимать как учебный материал, как средство воспитания обучающегося. Нужно добиваться того, чтобы обучающиеся вникали в характер темы, тональность и живое «ритмическое дыхание» музыки, стремление «пропеть

музыку» пластикой танца, т. е. движением всего своего тела. Вот почему очень важно, чтобы хореография и музыка каждого учебного примера соответствовали друг другу. Вместе с тем, одно лишь творческое проникновение в характер музыки не может заменить собой исполнительскую технику танца. *Техника танца* есть выучка, воспитание всего организма – мышц, нервной системы, что невозможно без технической, систематически повторяющейся нагрузки и приобретения необходимых двигательных навыков. «Та же постепенность и в усвоении всей науки танца – от первых шагов до танца на сцене» [3, с. 14], как рекомендовала А. Я. Ваганова.

7. *Необходимо развивать у обучающегося не только физическую, но и музыкально-пластическую гибкость тела.* Гибкость в классическом танце – средство музыкально-актерской выразительности, именно она дает необходимые нюансы и окраску движения.

Отрабатывая гибкость плечевого пояса, предплечья и кисти нужно строго придерживаться пластической нормы их сгибания и выпрямления. Выпрямление и закругление рук от плеча до кончиков пальцев рук должно происходить свободно. Перевод рук из одной позиции в другую производится свободно, без лишних вытягиваний запястья и закручивания всей кисти. Отрабатывая гибкость шейных, грудных, поясничных, крестцовых, поясничных позвонков в учебной работе стоит стремиться к тому, чтобы обучающиеся перегибали корпус назад, вперед и в стороны по возможности во всех позвонках. Отрабатывая гибкость коленного, и голеностопного суставов нужно придерживаться свободного, но в тоже время достаточного сильного вытягивания и сгибания ног, соблюдая должную выворотность. Работая над танцевальной гибкостью нужно уделять внимание всему, что относится к ее палитре, пластичности и интонационной музыкальности движения головы, корпуса, ног, устремленности взгляда в сочетании с действиями рук и корпуса.

Отрабатывая *танцевальный шаг*, необходимо учитывать, что величина его не должна идти за счет уменьшения выворотности бедра. Шаг и выворотность в классическом танце являются одним целым. Развивать шаг нужно не с «задиранья ног», а опираясь на те природные возможности, которыми располагают обучающиеся, т. е. поднимать выворотную ногу на доступную высоту, которая увеличивается постепенно, со временем. Развитие шага необходимо начинать с укрепления выворотности, а не с высоты поднятия ноги.

Что касается *апломба*, то это необходимое условие точности исполнения хореографических композиций. Под апломбом понимают способность танцора двигаться на сценической площадке уверенно и четко, не теряя равновесия. Устойчивость отрабатывается на всех хореографических дисциплинах (предметах). На уроках по классической хореографии соответствующая работа

начинается с изучения позиций ног; здесь учащимся впервые прививают умение твердо и правильно стоять на выворотных ногах. В сохранении устойчивости участвует также голеностопный сустав ноги (щиколотка), которая способна корректировать равновесие упругими движениями в сторону смещения правильной точки опоры. Не менее существенна в развитии устойчивости работа колена и бедра, которое следует удерживать выворотно с эластичным взаимодействием стопы. Умение исполнителя удерживать корпус подтянуто также содействует развитию устойчивости. Правильное положение и движение рук, также как и ног, корпуса и головы активно участвует в удержании равновесия тела. Осваивая позиции рук, обучающиеся начинают приобретать исполнительский апломб, т. е. умение твердо фиксировать определенные пространственные положения. От того, как ведется работа над развитием координации движения, также зависит степень развития устойчивости. Ежедневное исполнение и последовательность танцевальных движений должны быть строго сохранены, но не должны превращаться в бесконечно-однотонное повторение учениками однотипных комбинированных заданий месяцами.

Классическая хореография обладает чрезвычайно строгой и четко разработанной системой движений. Диапазон ее исполнительской техники очень велик. Эта особенность дает преподавателю-хореографу возможность создавать самые разнообразные хореографические композиции, подобно тому, как в музыке на основе принятого звукоряда композитор строит самые разнообразные звуковысотные связи.

Музыка в сочетании с классической хореографией неразрывно связаны. Танец без музыки остается набором движений. Музыка отражает смысл танца, передает идею, создает нужное настроение. Танцевальность, образность, ясная мелодия, четкий ритмический рисунок – вот необходимые качества танцевальной музыки для обучающихся. Содержание и форма музыки должны отвечать содержанию и формы танца. От качества используемого в работе музыкального материала и его исполнения зависит музыкальное развитие и становление художественного вкуса обучающихся.

Танец и музыка неделимы, они переплетаются в одно целое. Танец приобщает обучающихся к музыкальной культуре в частности и к художественной культуре в целом. Эту мысль в своих научных трудах подчеркивал советский критик, музыковед В. В. Ванслов [4]. Современный белорусский хореограф С. В. Гутковская также акцентирует, что «очень важным является интонационное совпадение музыки и лексики» [5, с. 14]. В процессе обучения классическому танцу происходит формирование познавательных процессов не только в хореографии, но и в музыке. В итоге у обучающихся появляется умение

определять форму музыкального произведения, структуру, жанр, интонацию и метроритмический рисунок музыкального материала.

Таким образом, подбирая музыкальные тексты к урокам классического танца, следует:

- руководствоваться стилистическим подбором музыкального текста;
- учитывать критерии по характеру, темпу, ритму, форме музыкального произведения;
- учитывать наличие затактов;
- предполагать обязательную «квадратность» танцевальных композиций.

Список использованных источников

1. Барышникова, Т. Азбука хореографии / Т. Барышникова. – М.: Рольф, 2001. – 272 с.
2. Беляева, О. П. Искусство балетмейстера: учеб. пособие / О. П. Беляева. – Минск: РИВШ, 2009. – 100 с.
3. Ваганова, А. Я. Основы классического танца / А. Я. Ваганова. – СПб.: Лань, 2000. – 192 с.
4. Ванслов, В. В. О музыке и о балете / В. В. Ванслов. – М.: Памятники исторической мысли, 2007. – 329 с.
5. Гутковская, С. В. Основы сочинения хореографической композиции: учеб.-метод. пособие / С. В. Гутковская. – Минск: Белорус. гос. ун-т культуры и искусств, 2011. – Ч.1. – 136 с.
6. Уральская, В. И. В ритме вальса: метод. пособие для рук. кол. бального танца / В. И. Уральская, Г. С. Гороховников. – М.: ВНМЦ НТ и КПП, 1987. – 66 с.

References

1. Baryshnikova, T. Azbuka khoreografii / T. Baryshnikova. – M.: Rol'f, 2001. – 272 s.
2. Belyaeva, O. P. Iskusstvo baletmeistera: ucheb. posobie / O. P. Belyaeva. – Minsk: RIVSh, 2009. – 100 s.
3. Vaganova, A. Ya. Osnovy klassicheskogo tantsa / A. Ya. Vaganova. – SPb.: Lan', 2000. – 192 s.
4. Vanslov, V. V. O muzyke i o balete / V. V. Vanslov. – M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2007. – 329 s.
5. Gutkovskaya, S. V. Osnovy sochineniya khoreograficheskoi kompozitsii: ucheb.-metod. posobie / S. V. Gutkovskaya. – Minsk: Belarus. gos. un-t kul'tury i iskusstv, 2011. – Ch.1. – 136 s.
6. Ural'skaya, V. I. V ritme val'sa: metod. posobie dlya ruk. kol. bal'nogo tantsa / V. I. Ural'skaya, G. S. Gorokhovnikov. – M.: VNMTs NT i KPR, 1987. – 66 s.

UDC 371

Svetlana Novik,
Master of Pedagogical Sciences;
Academy of Education
(Belarus)
svetamuz2010@rambler.ru

THE MOTIVE OF SELF-ASSERTION IN TEAM INTERACTION AMONG ADOLESCENT STUDENTS

The subject of this article is the content of the self-assertion motive in the teamwork of adolescent students. The self-assertion motive is part of the motivational component of teamwork competence in the personality of an adolescent. The author discusses the main functions of the self-assertion motive in a team and factors determining the value of self-assertion in teamwork; based on the identified factors and functions of the self-assertion motive, the prerequisites for its formation among adolescent students in teamwork are determined. The self-assertion motive role in a team in implementing effective joint activities of adolescents in the educational process is revealed.

Keywords: motivation; self-assertion motive in a team; factors determining the value of self-assertion in a team; functions of the self-assertion motive in teamwork among adolescents; prerequisites for the formation of the self-assertion motive in teamwork among adolescent students.

Светлана Новик,
магистр педагогических наук;
Академия образования
(Беларусь)
svetamuz2010@rambler.ru

МОТИВ САМОУТВЕРЖДЕНИЯ В КОМАНДНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ УЧАЩИХСЯ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Статья рассматривает содержание мотива самоутверждения в командном взаимодействии учащихся подросткового возраста. Мотив самоутверждения входит в состав мотивационного компонента компетенции командного взаимодействия личности подростка. Автор рассматривает основные функции мотива самоутверждения в команде, факторы, обуславливающие ценность самоутверждения в командной деятельности; на основе отмеченных факторов и функций мотива самоутверждения определены предпосылки его формирования у учащихся подросткового возраста в командном взаимодействии. Выявляется роль мотива самоутверждения в команде в реализации эффективной совместной деятельности подростков в условиях образовательного процесса.

Ключевые слова: мотивация; мотив самоутверждения в команде; факторы, обуславливающие ценность самоутверждения в команде; функции мотива самоутверждения в командном взаимодействии подростков; предпосылки формирования мотива самоутверждения в командном взаимодействии у учащихся подросткового возраста.

В условиях развития современного общества формирование личности, ее потенциала обусловлено влиянием экономических, социальных, культурных и других факторов. В связи с этим в педагогической науке отмечается возросший интерес к формированию навыков, позволяющих личности критически оценивать свою деятельность, лидерских навыков и навыков межличностного взаимодействия, умений конструктивной коммуникации, командного решения возникающих проблем; к развитию у подростков мобильности, инициативности, динамизма; необходимости в постоянном саморазвитии, самоутверждении, самообразовании, самоактуализации, самореализации, отвечающим требованиям времени.

Динамично изменяющаяся социальная среда оказывает воздействие на становление личности подростка, в связи с чем возникает необходимость в совершенствовании подходов к реализации образовательного процесса, предполагающих акцентирование внимания на активном, конструктивном взаимодействии субъектов образования, эффективных способах построения межличностной коммуникации, создании условий развития личности, готовой осуществлять нравственный выбор и нести за него ответственность перед собой и другими, раскрытия личностного потенциала учащихся, в том числе лидерского, формировании умений и навыков командной деятельности, реализуемой на основе сотрудничества, партнерства, сотворчества в непосредственной и опосредованной (виртуальной) формах, компетенции командного взаимодействия.

Компетенция командного взаимодействия является интегративной характеристикой личности, отражающей ее способность и готовность к эффективному взаимодействию в различных сферах жизнедеятельности в условиях командной работы на основе сотрудничества. Структура компетенции командного взаимодействия личности включает следующие компоненты: мотивационный (совокупность потребностей и мотивов совместной деятельности и степень личной значимости ее для каждого учащегося), когнитивный (система знаний об особенностях командного взаимодействия, этикете командных взаимоотношений, способах работы в команде), деятельностный (совокупность умений и навыков, способов совместной деятельности в команде, способствующих выполнению командных ролей), эмоционально-волевой (умения и навыки контроля, поддержания, регулирования эмоционально-волевого

состояния учащегося в совместной работе в команде), оценочно-рефлексивный (умения и навыки рефлексии, оценки и самооценки способов, результатов совместной командной деятельности с целью коррекции работы в команде).

Командное взаимодействие никогда не происходит само по себе, стихийно. Для его осуществления в сознании подростка должно возникнуть достаточно устойчивое побуждение к активности, той либо другой деятельности. Действие начинается с возникновения потребности, в данном случае, это потребность подростков в общении в условиях командного взаимодействия, которая может быть вызвана необходимостью получения определенной информации, поддержания эмоционального контакта либо осуществления социального взаимодействия. Потребность актуализирует определенные мотивы, которые вызывают интерес у подростка. Развитие интереса приводит к появлению цели, осознания ситуации и определения возможностей развития субъективной активности.

Эффективная деятельность человека в любой сфере предполагает, прежде всего, достаточно высокую степень мотивации. Исследование закономерностей развития мотивации личности делает возможными прогнозы по ее поведению в той или иной ситуации. Мотивационный компонент компетенции командного взаимодействия имеет особое значение для успешной реализации работы учащихся в команде, предполагает общность мотивов участников команды, их заинтересованное отношение к совместной деятельности. В связи с этим важно, чтобы цель и содержание командного взаимодействия были внутренне приняты каждой личностью, вызвали положительные переживания, стремления к эффективным действиям по достижению общей командной цели.

Мотивационный компонент компетенции командного взаимодействия личности подростка отличается интегративным свойством и включает в себя ряд внутренних мотивов личности: мотив личностной значимости совместной деятельности в команде, мотив общения, мотив лидерства в команде, мотив самоутверждения личности учащегося в командном взаимодействии.

Мотив самоутверждения в команде связан с актуализацией деятельности учащегося, направленной на осуществление конструктивного проявления способностей и возможностей, признания значимости собственной личности, достижение и поддержание положительного командного статуса и создания (формирования) соответствующей репутации в команде. Данный мотив проявляется в виде помощи другим, во взаимовыручке и взаимоподдержке, продуктивной деятельности, креативности, благодаря которым личность может переживать ощущение своей самоценности, значимости; мотив поддерживается позитивным отношением окружающих участников командного взаимодействия.

В психолого-педагогической литературе существует несколько подходов относительно определения содержания понятия «самоутверждение личности». Самоутверждение как «стремление личности к подтверждению своей значимости, высокой оценке и самооценке» рассматривает А. Я. Анцупов [1]; А. В. Мудрик считает, что «самоутверждение личности предполагает реализацию ее активности в значимых для нее сферах деятельности», при этом «необходимо одобрение и признание успешности этой реализации значимыми для учащегося лицами» [2, с. 16]. Г. С. Абрамова [3], Н. Ф. Калугина полагают, что самоутверждение предстает в виде деятельности субъекта по выявлению у себя определенных качеств личности, черт характера, способов поведения и деятельности [4]; В.С. Мухина определяет самоутверждение как «стремление человека к высокой оценке со стороны окружающих и самооценке своей личности и обусловленное этим стремлением поведение» [5]. Н. Н. Толстых [6], Н. Е. Харламенкова [7] считают, что феномен «самоутверждение» следует определять посредством мотивационной и поведенческой составляющих (Е. А. Киреева определяет потребностно-мотивационный и поведенческий аспекты самоутверждения [8]). Это объясняется тем, что самоутверждение подростка, с одной стороны, выступает внутренним активизирующим свойством личности, предстает как ее самостоятельная потребность, стремление, составляет мотивационную / побуждающую сторону жизнедеятельности человека, а с другой стороны, рассматривается как форма поведения, проявляющаяся в разнообразных действиях личности, способствующая снятию напряжения, появлению чувства удовлетворенности собой, формированию адекватной самооценки. Отдельные аспекты проблемы самоутверждения личности рассматриваются в трудах В. А. Сластенина [9], А. И. Кочетова [10], других исследователей [11; 12].

Как показал анализ выше представленных определений категории «самоутверждение» единое понимание сути самоутверждения отсутствует. Данное понятие можно рассматривать как социально-психологическое явление, обусловленное, с одной стороны, характеристиками социальной среды, деятельности, а с другой – личностными особенностями человека. Примечательно, что А. Адлер считал самоутверждение фундаментальным мотивом, присущим всем людям, поскольку они всегда стремятся к превосходству [13].

Особой актуальностью вопросы самоутверждения отмечаются в подростковом возрасте, когда учащиеся начинают осознавать свою значимость, уникальность. Реализация потребности в самоутверждении у подростков связана с развитием рефлексивных навыков, активности личности, формирования у них навыков регуляции эмоциональной сферы, самоконтроля, самодисциплины.

В подростковом возрасте ярко проявляется стремление к общению и совместной деятельности со сверстниками, актуализируется потребность быть

принятым, уважаемым ровесниками, то есть самоутвердиться в значимой группе. По мнению А. В. Мудрика, особое значение для подростка «приобретает самоутверждение через достижение автономии от взрослых» [2, с. 17]. В свою очередь, самоутверждение выступает для учащегося своеобразным мерилom собственного «Я» и ориентирует на раскрытие своего потенциала, формирование определенного социального статуса.

В подростковом возрасте происходит перелом в отношении к себе в связи с возникновением нового уровня самосознания, что порождает стремление познать и проявить себя как успешную личность. Характер проявления активности подростка в совместной деятельности может свидетельствовать о проявлении того либо другого типа самоутверждения у подростка (конструктивного, деструктивного, пассивного).

Конструктивность, по мнению Н. Е. Харламенковой, означает способность человека поддерживать ценность собственного Я, не снижая ценности Я другого человека. А. Адлер использовал специальный термин «конструктивное превосходство», который означает превосходство человека над самим собой; это стремление к личностному росту путем изменения себя, достижения новых высот и ценностей. Конструктивное превосходство существует наряду с двумя другими тенденциями – неуверенным поведением и доминированием (личным превосходством) [7, с. 276]. Проявление конструктивности может быть характерно для всех возрастных этапов личности и способствует обретению собственной ценности; в деятельности конструктивность проявляется в способности уверенно действовать в строго регламентированных ситуациях, в умении дать отрицательный ответ на необоснованную просьбу, адекватном выражении собственного мнения, в умении аргументированно высказывать положительные и отрицательные суждения, в позитивном отношении к критике, в умении объективной оценки результатов собственной деятельности, в способности коммуницировать в любой сложившейся ситуации.

Исследователь Е. А. Киреева выделила ряд компонентов, присущих конструктивному самоутверждению подростков: коммуникативная компетентность, адекватная самооценка, эмоциональная стабильность, самоуважение, самоуверенность, ожидание положительного отношения, уважения к другим [8]. При организации командного взаимодействия педагогу важно актуализировать компоненты конструктивного самоутверждения.

В отличие от конструктивного самоутверждения, в подростковой среде может встречаться и деструктивное, проявляющееся в форме противостояния, отрицания значимости другого, демонстративности, агрессии, отсутствии самоуважения, ожидании отрицательного отношения от других людей и другое.

Пассивное самоутверждение личности характеризуется проявлением зависимого стиля поведения в общении, подчиненности, жесткости, замкнутости и другое.

Важность акцентирования внимания на развитии конструктивного самоутверждения у подростков объясняется тем, что отмеченный вид самоутверждения будет способствовать становлению гармоничной личности, формированию у нее позитивного мышления, доброжелательных отношений, позитивных способов самопрезентации в условиях командного взаимодействия.

Определим факторы, которыми может быть обусловлена значимость самоутверждения в совместной командной деятельности подростков:

1) Повышение эффективности командного взаимодействия подростков и формирование их командной принадлежности: мотивированность учащихся к самоутверждению способствует проявлению активности подростков в командной деятельности по достижению общей цели. Понимание учащимися значимости (ценности) их вклада в общий командный результат способствует повышению эффективности командного взаимодействия, участие в командной деятельности позволяет подросткам формировать и развивать чувство принадлежности к команде, находить единомышленников, эмоциональную поддержку.

2) Формирование адекватной самооценки подростков, совершенствование навыков саморефлексии: успехи и достижения в команде повышают самооценку подростков, веру в свои силы и способности, стимулируют к достижению общей командной цели. Признание со стороны членов команды способствует формированию у учащегося чувства собственной ценности и компетентности. Формирование адекватной самооценки помогает подростку выработать позитивное отношение к себе, укрепить самоуважение и создать основу для эмоциональной устойчивости. Работа в команде позволяет подросткам выявить свои сильные и слабые стороны, развивать навыки самоанализа, самоконтроля, самооценки, саморегуляции.

3) Стимулирование личностного развития: самоутверждение подростков предполагает постоянный поиск новых возможностей для реализации своих способностей. Этот поиск путей личностного роста и развития влияет не только на личные достижения, но и на общий успех команды. Выбор командных ролей может осуществляться с учетом сильных сторон личности, проявления уникальных навыков и способностей подростков в реализации функций, соответствующих ролям в команде, потребности быть признанным и уважаемым другими членами команды.

4) Развитие лидерских навыков и ответственности: потребность подростков в самоутверждении предполагает проявление их лидерских способностей, достижение успеха в команде, ориентирует на развитие лидерских навыков, включая принятие решений в команде, организацию и координирование действий

участников командного взаимодействия, реализацию навыков тайм-менеджмента, ответственного отношения за результаты совместной деятельности. Успешное выполнение роли лидера в команде способствует формированию у подростков самоуважения и уверенности в своих силах. Овладение способностью личности влиять на других, достижение результатов в командной работе и решение возникающих в командном взаимодействии проблем укрепляют веру подростка в себя и свои возможности. Мотивация личности к самоутверждению стимулирует ответственное выполнение обязанностей в команде. Распределение конкретных ролей и добросовестное выполнение обязанностей внутри команды помогает подросткам осознать свою ответственность перед другими ее членами.

5) Развитие эмоциональной сферы подростка, обогащение его социальных навыков: предполагает формирование способности к проявлению эмпатии по отношению к другим участникам командного взаимодействия, к эмоциональной регуляции и самоконтролю. Участие в команде помогает подросткам развивать навыки коммуникации, сотрудничества и адаптации к различным ситуациям. Социальные навыки важны для успешного функционирования личности в обществе, самоутверждения.

6) Создание условий для самовыражения и креативности: в условиях команды подростки могут находить способы самовыражения и проявления своей креативности (предлагать нестандартные (неожиданные) идеи и решения). Это важно для развития индивидуальности и формирования уникального вклада каждого участника в команде.

7) Развитие навыков коммуникации: командная работа способствует развитию у подростков навыков эффективной коммуникации, включающих, с одной стороны, умение выражать свои мысли, слушать других и выстраивать конструктивный диалог, разрешать при необходимости конфликтные ситуации, предлагать пути конструктивного поведения, с другой стороны – умения выражать благодарность и похвалу за усилия и достижения в совместной деятельности в команде, эмоциональную поддержку других членов команды, устанавливать положительную обратную связь, проявлять эмпатию и др.

Исходя из указанных факторов, нами определены следующие *функции мотива самоутверждения в условиях командного взаимодействия*:

– *конструктивная*: заключается в формировании способности подростка проявлять конструктивное поведение и взаимодействие внутри команды, искать эффективные пути управления конфликтами, вносить конструктивные предложения, идеи и решения, используя творческий обмен мнениями (на основе диалога);

– *стимулирующая*: потребность подростков в самоутверждении мобилизует их на активное участие в командной деятельности (включая лидерство и принятие

на себя ответственности за выполнение определенных командных задач), мотивирует к достижению общей командной цели, способствует формированию положительного отношения к собственной роли и вкладу в продуктивную деятельность команды;

– *развивающая*: активное участие подростков в командной деятельности способствует развитию целого комплекса социальных (таких как коммуникация, сотрудничество, эмоциональное регулирование) и рефлексивных навыков (способов и приемов анализа, оценки, контроля и коррекции собственной деятельности), самоконтроля и самодисциплины;

– *консолидирующая*: способствует формированию общих целей и ценностей, содействует установлению (укреплению) позитивных взаимоотношений между членами команды, а также обеспечивает стабильность и сплоченность коллектива. Подросток, ориентированный на самоутверждение, стремится быть частью команды и принимает ее цели и ценности, нормы поведения в команде, что способствует формированию его командной идентичности, при этом данный подросток может быть более открытым к коммуникации и поддержке других членов команды;

– *поддерживающая*: доверительные отношения, поощрения усилий и достижений участников команды, а также поддержка со стороны более опытных членов команды помогает подросткам преодолевать трудности и разочарования в процессе командной работы, способствует развитию положительной самооценки, уверенности в себе;

– *смыслообразующая*: предполагает наличие способности у подростка придавать смысл и ценность его участию в командной деятельности, помогает осознать важность своего вклада в достижение общих командных результатов.

Наличие мотива самоутверждения личности способствует: активизации деятельности личности по достижению и поддержанию собственного положительного статуса; проявлению конструктивного поведения в командном взаимодействии; развитию у подростков комплекса навыков, необходимых для реализации эффективного командного взаимодействия; установлению устойчивых связей (отношений) между участниками команды, объединенных единой целью, общими командными ценностями, формированию командной идентичности; созданию позитивной атмосферы в команде, повышению мотивации и доверия участников команды, их самооценки; определению ценностно-смысловых ориентаций подростка в командном взаимодействии.

Исходя из выявленных факторов и функций, предпосылками формирования мотива самоутверждения у учащихся подросткового возраста являются:

- поощрение к активному участию в различных коллективных проектах, обсуждению стратегий, путей их реализации в достижении общей командной цели;

- создание условий для приобретения подростком опыта оказания помощи участникам команды и принятия поддержки от них;

- включение учащихся в коллективный анализ командных достижений, поощрение высказывания точек зрения, объясняющих причины успехов и неудач, совместное обсуждение путей совершенствования организации командной деятельности;

- создание условий для приобретения подростком опыта рефлексии собственной деятельности (анализа своего вклада в результат командной деятельности, оценки приобретенных в командном взаимодействии умений и навыков, оценки сгенерированных идей по достижению общей командной цели, анализа проявляемых отношений к подростку других участников командного взаимодействия и др.);

- стимулирование подростков к проявлению инициативы в выработке нестандартных решений в условиях командного взаимодействия;

- поощрение личности за ответственное выполнение функций, соответствующих определенной командной роли, ориентированных на достижение общей командной цели;

- создание условий для приобретения участниками команды опыта распределения (делегирования) командных ролей и определения соответствующих функций (назначение активных учащихся руководителями групповых заданий, представителями класса на различных мероприятиях и др.), с последующим проведением анализа, рефлексии об успешности, соответствии выбранной роли учащегося его возможностям (способностям), целесообразности данной роли;

- создание ситуации успеха для учащихся, включенных в совместную деятельность по достижению общей командной цели, подкрепление позитивной обратной связью от педагога, других участников командного взаимодействия.

Таким образом, мотив самоутверждения подростков в команде в составе компетенции командного взаимодействия личности предполагает актуализацию деятельности учащихся, ориентированную на осуществление конструктивного проявления их способностей, возможностей, признание значимости собственной личности, достижение и поддержание положительного статуса в команде (независимо от командной роли), создание соответствующей репутации в условиях командного взаимодействия. Это способствует повышению эффективности командного взаимодействия подростков и формированию их

командной принадлежности, совершенствованию навыков саморефлексии и самооценки, развитию эмоциональной сферы подростков и обогащению их социальных навыков, созданию условий для самовыражения и проявления креативности в решении командных задач, формированию ответственности за общий командный результат, проявлению инициативы в решении возникающих проблем. Мотив самоутверждения подростков в команде связан с пониманием и оцениванием действий других участников совместной деятельности, проявлением толерантности и уважения к различным мнениям, что способствует укреплению командного духа и повышению общей эффективности работы.

Список использованных источников

1. Анцупов, А. Я. Словарь конфликтолога / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – СПб.: Питер, 2006 – 528 с.
2. Мудрик, А. В. Общение в процессе воспитания: учеб. пособие для вузов / А. В. Мудрик. – М.: Пед. о-во России, 2001. – 320 с.
3. Абрамова, Г. С. Возрастная психология: учеб. пособие для вузов / Г. С. Абрамова. – М.: Аспект Пресс; Деловая книга, 2000. – 823 с.
4. Калугина, Н. Ф. Психологические условия позитивного самоутверждения студентов – будущих журналистов: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 19.00.07 / Н. Ф. Калугина; Кур. гос. ун-т. – Курск, 2007. – 22 с.
5. Мухина, В. С. Детская психология / В. С. Мухина. – М.: Апрель Пресс, Эксмо-Пресс, 2000. – С. 345.
6. Толстых, Н. Н. Самоутверждение / Н. Н. Толстых // Психологический лексикон: энцикл. слов.: в 6 т. [Т.3] / ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – С. 82–83.
7. Харламенкова, Н. Е. Самоутверждение подростков / Н. Е. Харламенкова. – М.: ИП РАН, 2021. – 384 с.
8. Киреева, Е. А. Методика исследования особенностей самоутверждения в подростковом возрасте / Е. А. Киреева, Т. Д. Дубовицкая // Экспериментальная психология. – 2011. – Том 4. – № 2. – С. 115–124.
9. Слостенин, В. А. Психология и педагогика: учебное пособие для высших учебных заведений педагогического профиля / В. А. Слостенин, В. П. Каширин. – М.: Академия, 2004. – 477 с.
10. Кочетов, А. И. Теория формирования личности / А. И. Кочетов: в 2 ч. [Ч. I.]: Факторы, структура, сущность формирования личности. – Минск: Нац. ин-т обр., 1997. – 228 с.
11. Wang D., Yuan F., Wang Y. Growth mindset and academic achievement in Chinese adolescents: A moderated mediation model of reasoning ability and self-affirmation // *Current Psychology*. 2022. Vol. 41. Pp. 783–792.

12. Козел, В. И. Формирование готовности личности к конструктивному самоутверждению: учеб.-метод. пособие / В. И. Козел; под ред. К. В. Гавриловец. – Барановичи: РИО БарГУ, 2009. – 240 с.

13. Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии / А. Адлер. – М.: Академический проект, 2011. – 240 с.

References

1. Antsupov, A. Ya. Slovar' konfliktologa / A. Ya. Antsupov, A. I. Shipilov. – SPb.: Piter, 2006 – 528 s.

2. Mudrik, A. V. Obshchenie v protsesse vospitaniya: ucheb. posobie dlya vuzov / A. V. Mudrik. – М.: Ped. o-vo Rossii, 2001. – 320 s.

3. Abramova, G. S. Vozrastnaya psikhologiya: ucheb. posobie dlya vuzov / G. S. Abramova. – М.: Aspekt Press; Delovaya kniga, 2000. – 823 s.

4. Kalugina, N. F. Psikhologicheskie usloviya pozitivnogo samoutverzheniya studentov – budushchikh zhurnalystov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk : 19.00.07 / N. F. Kalugina; Kur. gos. un-t. – Kursk, 2007. – 22 s.

5. Mukhina, V. S. Detskaya psikhologiya / V. S. Mukhina. – М.: Aprel' Press, Eksmo-Press, 2000. – S. 345.

6. Tolstykh, N. N. Samoutverzhenie / N. N. Tolstykh // Psikhologicheskii leksikon: entsikl. slov.: v 6 t. [T.3] / red.-sost. L. A. Karpenko; pod obshch. red. A. V. Petrovskogo. – М.: PER SE, 2005. – S. 82–83.

7. Kharlamenkova, N. E. Samoutverzhenie podrostkov / N. E. Kharlamenkova. – М.: IP RAN, 2021. – 384 s.

8. Kireeva, E. A. Metodika issledovaniya osobennostei samoutverzheniya v podrostkovom vozraste / E. A. Kireeva, T. D. Dubovitskaya // Eksperimental'naya psikhologiya. – 2011. – Tom 4. – № 2. – S. 115–124.

9. Slastenin, V. A. Psikhologiya i pedagogika: uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenii pedagogicheskogo profilya / V. A. Slastenin, V. P. Kashirin. – М.: Akademiya, 2004. – 477 s.

10. Kochetov, A. I. Teoriya formirovaniya lichnosti / A. I. Kochetov: v 2 ch. [Ch. I.]: Faktory, struktura, sushchnost' formirovaniya lichnosti. – Minsk: Nats. in-t obr., 1997. – 228 s.

11. Wang D., Yuan F., Wang Y. Growth mindset and academic achievement in Chinese adolescents: A moderated mediation model of reasoning ability and self-affirmation // *Current Psychology*. 2022. Vol. 41. Pp. 783–792.

12. Kozel, V. I. Formirovanie gotovnosti lichnosti k konstruktivnomu samoutverzheniyu: ucheb.-metod. posobie / V. I. Kozel; pod red. K. V. Gavrilovets. – Барановичи: РИО БарГУ, 2009. – 240 с.

13. Adler, A. Praktika i teoriya individual'noi psikhologii / A. Adler. – М.: Akademicheskii proekt, 2011. – 240 с.

PHILOLOGY
ФИЛОЛОГИЯ

UDC 15+401

Irina Mysyk,
Doctor of Sciences, Professor;
K. D. Ushinsky South Ukrainian
National Pedagogical University
(Ukraine)
odimys@gmail.com

**FEATURES OF THE APPLICATION OF THE COMMUNICATIVE-
PRAGMATIC APPROACH IN THE STUDY OF LINGUISTIC
OBJECTS**

The semiotic tradition of studying objects as symbolic formations is relevant in the philosophy of language. The article presents the pragmatic aspect of the analysis of linguistic objects as sign formations on the example of the study of linguistic time.

Keywords: philosophy of language; text; semiotics; sign; communicative-pragmatic approach; linguistic time.

Semiotics has long become an integral part of modern philosophical thought and the elements of the semiotic approach are actively used in philosophical studies. Semiotics language concepts are prominent in contemporary philosophy of language (especially in the analytical and structuralist directions), in linguistics, cultural studies, anthropology, philosophical hermeneutics, the theory of communication, etc. The notion of a computer semiotics appeared [1, p. 137-179]. The subject of the semiotic analysis has expanded considerably since the days of Ferdinand de Saussure linguistics, capturing now extensive scientific research. At the same time the very nature of the sign cannot be reduced solely to its linguistic nature, any schematization of reality relates to the coding and success of communication to decoding, sign decryption. The text refers not only to the verbal sphere, but also to any sign complex. Any fact of culture can be represented in semiotic terms such as text, discourse, intertext, denotation, referent, plan of expression, content plan and others. Even more, reality as the unknown text requires the use of a particular grammar that will be the key to the global decipherment. But in this case a matter of fundamental pan-semiotic search for meaning within the ontological objectivism is considered (objectively existing “text,” the reality beyond a person is declared a bearer of meaning: peace, spirit, etc.) or the ontological subjectivity (a man is the bearer of sense, the linguistic entity).

There is a known saying by Charles S. Peirce that people cannot think without the help of signs and every thought is a sign. This symbolic character of thought, coupled with the fact that life is a train of thoughts, proves that man is a sign. The ubiquitous presence of signification leads Peirce to pan-semiotic conclusion that cognition, thinking and man have semiotic nature.

Indeed, the symbolic representation is the basic means of communication activity, specifically human form of reality objectification. There is a certain tradition of sign interpretation and understanding of the sign representation nature. The opposite of focused on logic American semiotics and European semiotics emanating from systems of natural language as the main base of semiotics is expressed in two main aspects. The first of these aspects is related to the principles of semiosis measurement, the second with signified and the signifier motivation or lack of motivation [2].

Saussure's sign is a system element defined solely in opposition to the other elements of the sign system, or due to differences with the other elements. Peirce defined sign as a triadic relationship. According to the scientist, three correlates are connected in it: sign-representamen; the object to which the sign refers; interpretant. Representamen represents something and produces in the mind of the one who is referred to the equivalent sign, or perhaps a more developed sign. Peirce designates the derived sign as the first sign interpretant. In a broad sense, a sign is a sign of a certain interpreting it thought; it is also a sign of the object to which it is equivalent in this thought; it is also a sign of respect or in a certain capacity, due to which a connection between it and its object is established. It is clear that interpretation is impossible without the interpreter. According to Peirce, "the whole universe is permeated with signs," signs are found even in the biological, chemical and even physical processes [3, p. 5-32].

Charles Morris in his works singled out pragmatics as one of the three sides of semiosis (sign situation in the functional dynamics), and this setting defined tradition of semiotic sign analyzing in three areas: semantic (studying the sign—designatum correlation), pragmatic (studying the "sign its interpreter" relations) and syntactic (studying the sign connection, usually within a sign system). In the twentieth century pragmatics distinguished itself in a special branch of knowledge with theoretical and methodological apparatus.

Linguistic pragmatics aims to study the relationship between linguistic units and conditions of their use in a certain communicative and pragmatic space, while not only deixis (in the aspect of connection between message and the act of speech, speaking and listening one) has an important role in the language description, but also does the action (activity) aspect. Pragmatics in the broad sense includes adjacent areas of linguistics related to the language functioning in society, i.e. it is understood as the linguistics of speech. Everything that "falls out" of phonology, syntax, semantics (presuppositions, speech acts, cross-cultural mismatch, performatives, etc.) is often included into

pragmatics. Within the logical analysis, pragmatics includes indexes of time, place and speech participants' indexes. Linguistic pragmatics has a broad range on interdisciplinary connections with such spheres as sociolinguistics, psycholinguistics, philosophy of language, theory of speech acts, text linguistics, text theory, cognitive science, the general theory of activity, communication theory. Pragmatics tasks, the choice of methodology and methods of research are determined depending on the starting researchers' positions, often co-existing side by side such as the historical and comparative, structural and functional.

Communicative and pragmatic approach to the language facts consideration focuses on communication as the activity of the subject, taking into account the social and psychological factors.

There are researches in pragmatics, focused on the systematic study of language units' pragmatic potential (M. Anisimova, N. Nikitin, R. Posner, P. Sgall, J. R. Searle, H.-H. Lib) and there are researches, aimed at the communication patterns studying. Thematically pragmatics has been very informative, as the theory it has been promising and appealing to a wide variety of researchers for many years already. Issue XVI of the digest *New in foreign linguistics* was completely dedicated to linguistic pragmatics and represented by the names of the major philosophers and linguists (A. Wierzbicka, Z. Vendler, H.P. Grice, G. Lakoff, P. Sgall, E. Sapir, R. S. Stolneyker, Hoang Phe and others.)

These writings are still relevant and in demand by scientists engaged in research of communicative direction (and the digest was issued over twenty years ago). V. Petrov (well-known science theorist), justifying (because of the known ideological reasons) pragmatics and linking its development to philosophical ideas of the late L. Wittgenstein, wrote in his afterword to the digest "outlining the principle of language usage as a basic one, linguistic pragmatics appeared to be closely related in its origins with the logical semantics, logic and philosophy. In the course of development, pragmatics raised several issues that are of concern to those allied disciplines. The questions of semantics and pragmatics relation within the explanation of the language mechanisms functioning, their theoretical generalizations specific character; new aspects of the language and consciousness connection, language, and general theory of action; concept of usage development on the basis of game-theoretic approach; usage of linguistic pragmatics results in the social sciences. Further expansion of research in these areas will contribute to a more intensive development of the proper linguistic problems and solve a number of important practical problems" [4]. Pragmatic problems legitimization has expanded and "democratized" the field of linguistic research. It became obvious to the uninitiated with the topic that paradigms coexist and that functional linguistics does not contradict the structural one, that the language as a mental phenomenon is "observed" through verbal behavior, that the experiment is connected with sign models etc. However, it is

easy for the researcher to get lost in the wide sea of pragmatics as the borders of its shores seem to be very blurred.

Extra-linguistic reality manifests itself in every language in its own way. Each language has an original set of linguistic resources, which provide a sign binding of reality elements. To carry out a detailed temporal relations pragmatic analysis one needs interdisciplinary methodological resource, the conceptual coherence of the tasks, techniques, methods and results of research.

The purpose of the article is more modest. It is to reveal features of a pragmatic approach to the study of linguistic time as a linguistic method of temporality representation basing on the theory of three perspectives by C. Hagège. The chosen approach to the study dictates a sequence based on the theory of three perspectives (morpho-syntactic, semantic-referential, statement hierarchy) [5].

In terms of statement hierarchy, sentence is considered in its relationship to subject pronouncing it, which is in some relationship with the listener. The speaker selects a particular strategy or method of presentation, establishing a hierarchy between what he says and the matter being discussed [6].

Two-pronged nature of the statements, the existence of the subject and predicate of thought and speech were distinguished by F. Buslaev, F. Fortunatov, A. Shakhmatov, representatives of logical and psychological approaches in linguistics. B. Mathesius (the Prague linguistic school) introduced the concept of the topic-focus articulation. That is, the division of the sentence within the context to the original part of the message—the theme (from the Greek *thema*—what is in the basis, the given) and to what is stated about it—rheme (from Greek *rhema*—the word, saying, literally—said, new). The theme corresponds with the logical subject of the statement and rheme is its logical predicate (A. Shakhmatov, L. Shcherba, V. Vinogradov). Rheme is what is stated or asked about a topic, something that creates predicativity and forms descriptiveness, completeness of thought expression. H. Paul and J. Firbas “distinguish the third component as a transitional or connecting element expressed by verbal predicate (or the verbal part of the predicate) containing temporary and modal indexes (the question of the third component of the topic-focus articulation of the sentence is controversial)” [7]. In the mononuclear syntactic constructions, which do not have the focus-topic articulation of the sentence the predicative relation is shown in theme and rheme combination. “Topic-rematization” methods are very diverse and include logical stress, intonation, position, context, word order, etc. Some researchers (A. Shakhmatov, H. Paul, O. Jespersen) assert the dominant theme position, as speaker’s attention is focused on it. Others, on the contrary, (J. Firbas, F. Danesh) believe that the theme occupies a secondary position according to the communicative importance. The whole proposition and a variety of theme and rheme combinations are important, of course, to achieve communicative purposes.

Theory of the three perspectives is not limited to the searching of three types of connections between the elements. There is the solidarity relationship between the perspectives. The same reality becomes the background for the statement analysis from three positions. The pragmatic value of the theme-rheme connections lies in the fact that verbal expression interpretative basis, which allows to organize the information hierarchy is formed thanks to them. The theme serves “as an element defining the boundaries of the discourse universe, setting something, what will be discussed, in other words, the theme as the basis (support) is opposed to rheme as a contribution (apport); <...> as the old information or a repetition of a known information, in contrast to the rheme as a statement of new information or less known. ‘Being known’ implies in this case, a certain degree of knowledge or awareness of speaker about what he says; the speaker can expect the hearer to possess the same knowledge” [8].

Statement temporal context, if expressed hierarchically, shows the relevance or insignificance of the information. Compare *сегодня вечером* (*tonight*) and *вечером сегодня* (*this evening*). Even with a neutral intonation contour statements carry different informative power. The alignment of expressive, articulated emphasis (explicit information) depends on the speaker. But this is just some part of it that is in focus. Sense perception is not possible outside the context of peripheral, implicit information.

Experienced participant of communication process can use the hidden mechanisms of informative and linguistic hierarchy in order to achieve certain goals. This is one of the tools to influence the outcome of the dialogue and the power of the interlocutor, the reader, a way to attract attention to the subject, in a wider sense it is the social interaction simulation. For example, the choice of the word order in a sentence indicates the intention to highlight or obscure the problem under discussion, *таких не берут в космонавты* (*people like you don't become cosmonauts*)—*не берут в космонавты таких* (*they won't let people like you become cosmonauts*). Direct order of theme-rheme prevails and is referred to as progressive, objective, non-emphatic. Reverse order rheme-theme is regressive, subjective, emphatic, though the latter is not always driven by the goals of emphasis [8]. Emphasis (from the Greek emphasis—clarification, indication, expressiveness) is singling out of semantically important part of the statement, which provides speech expressiveness [8].

Rheme position at the beginning (or in the middle) of sentence can be determined by the need of positional contact with its correlated member of the previous sentence; the segmentation of extended rheme; rhythm; the speaker's desire to express the most important information faster. In this case, rheme is recognized by context that is by subtracting from the sentence the excessive self-evident theme which is usually omitted or moved to the end [8]. In the example with “cosmonauts” hopelessness of the situation and the disappointing prospects for a communicative act participant is amplified by means of linguistic time. This refers to such kind of limitative relations in functional-

semantic aspectuality fields grouping as action limitedness / unlimitedness. This is the most abstract and grammaticalized opposition, for example, in the Slavic languages, underlying grammatical category of aspect and covering all verbal lexicon [3]. We remind that the aspectual values (internal action time) are not specific to the predicate, but to the statements as a whole [3]. *He берым (don't become/ won't let)* expresses the most important, the specific meaning of the imperfect tense, the action, which is not limited by the limit, the absence of limitation. The first statement out of two is more demanded in the speech *таких не берым в космонавты (people like you don't become cosmonauts)*. A fixed position of the verb indicates that it contains the main (new) information and has the greatest communicative dynamism degree, i.e. performs rhematic function.

Linguistic time is an integral part of the substantive aspect of the utterance. Any sentence can be characterized in terms of the relationship to time. The well-known linguist V. Vinogradov claimed that syntactic time is one of the predicative components, along with the modality and syntactic person [4].

In addition to “natural” sentence temporality temporal relations are expressed in morphological units such as the verbal categories of time; in lexical units as words with temporal meaning (day, time of day, minute, moment, blink, time, hour, etc.), temporal nominators (past, present, in the past, former, from now on, today, yesterday, the day after tomorrow, etc.); in syntactical units in the form of temporal syntax constructions. Grammatical means include some cases such as ablative, prepositions (before, after, above, below), etc. Temporal pattern of any language includes anthropic indicators as childhood, adolescence, youth, maturity, old age.

There are following signs of temporality (for example, determined by the nature of the temporary deixis (indication of value which serves to update the speech situation components and statement denotative content components): the relevance / irrelevance of orientation at the time of the speech, absolute / relative temporal orientation, fixed / unfixed nature of temporal relationship, the expressiveness / unexpressiveness of time action remoteness degree from the time of the speech and are also significant for the of the statement pragmatic component characteristics.

Functions of nomination, predication and location (that is the function of naming objects and phenomena of the real world, establishing their relationships, localization in time and space) are set in the basis of sign usage of any language. It is easy to notice that these functions correspond to the three semiotic aspects: semantics, pragmatics and syntactics in common semiotic model: user—sign—object.

Semantics considers the nomination object and the sign, syntactics deals with the relationship sign correlation and pragmatics investigates the relationship between the sign and the language user. In terms of pragmatic aspect, the use of signs and their relationship with user's time and space, the statement modality is important.

The theory of three perspectives correlates with given semiotic aspects: within morphological and syntactic analysis with syntactics; semantic-referential with semantics; statement hierarchy with a pragmatics. Correlation between users and the language cannot be independent from the sense creation as the purpose of communication. The common communicative model component for pragmatics and statement hierarchy is the speaking subject activity. In order to study the linguistic time, this approach is optimal as it focuses not only on language studies or speech linguistics (known division by Ferdinand de Saussure) but connects the advantages of the first and the second, bringing the lively reality rhythm in language theory. Both, language system is only a dead code without speech, and speech without language is impossible.

*

There is a known saying by Charles S. Peirce that people cannot think without the help of signs and every thought is a sign. The very nature of the sign cannot be reduced solely to its linguistic nature. Charles Morris in his works singled out pragmatics as one of the three sides of semiosis and this setting defined tradition of semiotic sign analyzing in three areas: semantic, pragmatic and syntactic Linguistic pragmatics aims to study the relationship between linguistic units and conditions of their use in a certain communicative and pragmatic space. There are researches in pragmatics, focused on the systematic study of language units pragmatic potential (M. Anisimova, N. Nikitin, R. Posner, P. Sgall, J. R. Searle, H.-H. Lib) and there are researches, aimed at the communication patterns studying.

Two-pronged nature of the statements, the existence of the subject and predicate of thought and speech were distinguished by F. Buslaev, F. Fortunatov, A. Shakhmatov. B. Mathesius introduced the concept of the topic-focus articulation. That is, the division of the sentence within the context to the original part of the message—the theme and to what is stated about it—rheme. Rheme position at the beginning (or in the middle) of sentence can be determined by the need of positional contact with its correlated member of the previous sentence; the segmentation of extended rheme; rhythm; the speaker's desire to express the most important information faster.

Linguistic time is an integral part of the substantive aspect of the utterance. There are following signs of temporality: the relevance / irrelevance of orientation at the time of the speech, absolute / relative temporal orientation, fixed / unfixed nature of temporal relationship, the expressiveness / unexpressiveness of time action remoteness degree from the time of the speech and are also significant for the of the statement pragmatic component characteristics.

Semantics considers the nomination object and the sign, syntactics deals with the relationship sign correlation and pragmatics investigates the relationship between the sign and the language user. In terms of pragmatic aspect, the use of signs and their relationship with user's time and space, the statement modality is important. Correlation

between users and the language cannot be independent from the sense creation as the purpose of communication.

References

1. Агеев В. Н. Семиотика / В. Н. Агеев – М.: Весь мир, 2002. – 254, [1] с.
2. Ажеж К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж; пер. с фр. Б. П. Нарумова; [отв. ред. В. Д. Мазо]. – М. Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
3. Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1987. – С. 5–39.
4. Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике: избранные труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / АН СССР, Ин-т языкознания; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 [3] с.
6. Пирс Ч. С., Нёт В. Университет Касселя, Германия. Критика и семиотика / Ч. С. Пирс, В. Нёт. – 2001. – Вып. 3/4. – С. 5–32.
7. Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика: сборник статей / пер.; сост. Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – 500 с.
8. Шатин Ю. Ф. Три вектора семиотики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse2_8.htm.

References

1. Ageev V. N. Semiotika / V. N. Ageev – M.: Ves' mir, 2002. – 254, [1] s.
2. Azhezh K. Chelovek govoryashchii: vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki / K. Azhezh; per. s fr. B. P. Narumova; [otv. red. V. D. Mazo]. – M. Editorial URSS, 2003. – 304 s.
3. Bondarko A. V. Vvedenie. Osnovaniya funktsional'noi grammatiki // Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis / Otv. red. A. V. Bondarko. – L.: Nauka, 1987. – S. 5–39.
4. Vinogradov V. V. Issledovaniya po russkoi grammatike: izbrannye trudy / V. V. Vinogradov. – M.: Nauka, 1975. – 559 s.
5. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / AN SSSR, In-t yazykoznaniiya; gl. red. V. N. Yartseva. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. – 682 [3] s.
6. Pirs Ch. S., Net V. Universitet Kasselya, Germaniya. Kritika i semiotika / Ch. S. Pirs, V. Net. – 2001. – Vyp. 3/4. – S. 5–32.

7. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike: Lingvisticheskaya pragmatika: sbornik statei / per.; sost. N. D. Arutyunova, E. V. Paducheva. – M.: Progress, 1985. – Vyp. 16. – 500 s.*
8. Shatin Yu. F. *Tri vektora semiotiki [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse2_8.htm.*

UDC [070+801.82]:659.3

Marina Lebedzeva,
PhD, Associate Professor;
Belarusian State University
(Belarus)
lebedeml@bsu.by

MEDIATIZATION OF LITERARY TEXT IN THE INFORMATION SOCIETY

The article contains discussions about the process and essence of mediatization of a literary text in the modern media space, which is developing in the conditions of the information society. The network adaptation of the author's literary discourse is also related to the audience's requests and determines the demand and features of the existence of literary texts of various eras in the contemporary information society.

Keywords: mediatization; literary text; information society; discourse; audience.

Марина Лебедева,
кандидат филологических наук, доцент;
Белорусский государственный университет
(Беларусь)
lebedeml@bsu.by

МЕДИАТИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассмотрены процесс и сущность медиатизации литературного текста в современном медиапространстве, развивающемся в условиях информационного общества. Сетевая адаптация авторского литературного дискурса к запросам аудитории определяет востребованность и особенности бытования литературных текстов различных эпох в современном информационном обществе.

Ключевые слова: медиатизация; литературный текст; информационное общество; дискурс; аудитория.

Литературные произведения, различные по времени создания, жанрам и концептуально-содержательным особенностям, в медиатизированном пространстве коммуникации обретают новое рождение и реализуют свой диалогический потенциал при посредничестве глобальной сети. Фрагментация исходного литературного текста и его последующее цитирование, цель которого

восходит к демонстрации, позиционированию, закреплению интернет-пользователями – сетевыми реципиентами «входящего» авторского сообщения – созвучных им ценностей и установок перед виртуальным социумом, оказываются характерными для цифровой среды. Литературный текст (и, что актуально, его отдельные фрагменты) воспроизводится многократно, может сопровождаться визуализацией, приобретать мультимедийный характер, становится объектом сетевой рефлексии, интерпретироваться в рамках обратной связи, осуществляемой между автором либо репрезентирующим автора пользователем (который «выкладывает» чужой текст в сеть) и виртуальным сообществом, набирать популярность за счет пользовательских «реакций», становится импульсом для продуцирования нового текста в условиях альтернативной коммуникации. При этом «креативизация в области трансформации доцифровых текстов в медиакультурной среде направлена... в сторону актуализации классики в новостной повестке, осовременивания литературных сюжетов, типажей в соответствии с сиюминутными запросами» [1, с. 35].

Существенным критерием и значимым фактором отбора художественного текста для репрезентации в виртуальной среде оказывается его принадлежность к жанру, условно называемому дневниковым. Для последнего характерна достоверность авторской интонации, откровенность высказывания, концентрация субъективности. Запрос современного реципиента на искренность в сетевом пространстве чрезвычайно высок на фоне дефицита реальной коммуникации и, как следствие, упрощения эмоций. В виртуальном пространстве общения и сетевом взаимодействии востребованным оказывается именно внутренняя жизнь «я», с которой интернет-пользователь потенциально соизмерит собственную экзистенцию, и это обуславливает вектор движения литературного текста в сети в сторону «личного документа» (определение М. М. Бахтина). Закономерны «погоня за “живой жизнью”» [2, с. 193] и сам способ перехода «живой жизни» в сетевой дискурс, когда «новые медиа» в соответствии с читательским запросом поднимают на щит именно лично окрашенное высказывание «от первого лица». Дневниковая проза, «мемории», «записные книжки», письма, лирические миниатюры – их фрагментарность уже на уровне формы детерминирует медиатизацию текста, а реализуемая в них установка на искренность – воспроизводимость и рефлексию в сети. Сопряжение дискурсов, а именно актуальной повестки, насущной, привязанной к текущему моменту событийности с индивидуально-авторским художественно-публицистическим нарративом, дает сетевому реципиенту «доцифрового» литературного произведения, обретшего новую жизнь в сети, возможность «сверить часы» на уровне отношения к вневременным переживаниям, эмоциям, состояниям, и писатель, таким образом, оказывается прообразом современных «инфлюэнсеров»,

«лидеров мнений». Публикация в социальных медиа фрагментов писательских дневников, записок, писем (большую популярность и «охваты» приобрели, например, «именные» каналы в мессенджерах, публикующие дневниковые записи Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, М. М. Пришвина) видится продуктивным способом актуализации художественно-философского, документально-публицистического типов дискурса, их репрезентации для медиапотребителей. Полифония мнений, обнаруживаемая в ходе пользовательской сетевой рефлексии под публикациями в социальных медиа, «завязана» на личности автора, чьи высказывания дают импульс для современного осмысления, реакции. Обратим внимание и на тот значимый факт, что «художественно-документальная проза – это не механическое, формальное соединение документа и художественных способов письма, а сложное многообразное взаимодействие противоположных возможностей отражения жизненного процесса» [3, с. 8], и как раз интерес к последнему, запрос на него способствует включенности, вовлечению сетевого пользователя в диалог с автором. При этом «в рамках медиакультуры происходит осмысленное обогащение массовой культуры с ее жанровыми кодами сериалов, мелодрам, с ее страстью к динамической визуализации – посредством соприкосновения с культурой традиционной, состоявшейся вне цифровых форм» [1, с. 36].

Обозначенный выше приоритет повествования от первого лица (характерный для популярного интернет-высказывания, оперирующего дневниковыми фрагментарными текстами) присущ лирике как роду литературы. Таков, в частности, контент пабликов, сосредоточенных на репрезентации поэтических произведений (как правило, малых жанров), писем, записок и других подобных жанровых вариаций, причем «имитирующая разговор или письмо речь не просто является формой подачи материала, а становится стилевой доминантой, организующей весь текст» [4, с. 61], и важно отметить это как тенденцию в сетевой коммуникации реципиента с художественным текстом. В пространстве виртуальной коммуникации существенно возрастает не только удельный вес понятия «имитация», но и средств и приемов «оживления» литературного слова. И поскольку, как отмечает Ю. М. Лотман, «переход к “болтовне” совершался, в первую очередь, в поэтическом, а не прозаическом повествовании», в котором «в обстановке повышенной условности удалось создать эффект непосредственного читательского присутствия» [5, с. 163], то принципиальная субъективность и в целом тип личности, характерный для лирики, в сетевом дискурсе актуализируются и на уровне перехода содержания в форму.

Информационное (одно из важных его определений – «сетевое») общество, в котором творческая личность уже не может существовать в изолированном от виртуального социума измерении, бросает новые вызовы современным писателям

и публицистам, с учетом того что «информационная революция оказала огромное влияние не только на язык как на одну из основных форм культурного бытия и фиксации культурных форм, но и на то, как человек относится к классическим формам словесности, как протекает литературный процесс и как это выражается в обыденной культуре» [6, с. 98]. В сложившихся коммуникативных условиях творческая личность неизбежно сталкивается с маркетинговыми технологиями и стратегиями, проявляет активность в социальных медиа, выстраивая тактику взаимодействия с подписчиками, задействует мультимедийные возможности специализированных сетевых ресурсов с целью виртуальной самопрезентации, создания виртуального, проецирующегося на реальный, имиджа. Одной из актуальных тенденций современной медиатизации литературного текста становится взаимодействие писателя с потенциальными реципиентами, к которым обращено не столько виртуальное слово, сколько реальное творчество, то есть тот «продукт духа», что предназначен для мира реального и реального же читателя. При этом реальный читатель и его виртуальный эквивалент нередко суть одно, таким образом писателю предоставляется возможность выразить себя почти напрямую (почти – поскольку речь все же идет о посредничестве виртуальной площадки коммуникации), когда и сама «система преломляющихся и пересекающихся оценок может усложниться» [7, с. 227]. В условиях медиатизации общества и всех сфер отношений в нем современный автор, стремящийся завоевать и расширить свою аудиторию, оказывается в ситуации, в которой так или иначе вынужден учитывать предполагаемый читательский запрос, искать доверия и лояльности, порой откровенно заигрывать с подписчиками, создавать вокруг себя ореол искренности, открытости, доступности. Такую модель коммуникации «автор – читатель» часто можно видеть в авторских каналах мессенджеров, где литературные фрагменты предлагаются пользователям вперемежку с «повседневным» высказыванием (имеем в виду блогинг в стиле «лайфстайл», конструирование в коммуникации «культуры повседневности»). Представленность творческой личности в социальных сетях, мониторинг числа подписчиков, «отслеживание» их реакции на публикуемый виртуальный контент – это становится важной частью писательской кухни, входит в «правила игры», без учета которых сложно сегодня представить продвижение «продукта» на литературном рынке. «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать», – эта реплика из «Разговора книгопродавца с поэтом» А. С. Пушкина в контексте современной интернет-коммуникации приобретает особый смысл и звучание: чтобы «продать рукопись», нужно вызвать у виртуального читателя интерес, желание тебя читать, желание «купить» твой «товар». На протяжении первой трети XXI века оформились и отчасти систематизировались реально-виртуальные законы продвижения не только материального товара любого рода, но и имиджа

творческой личности. В идеале «в информационном обществе чем больше человек обладает организованной, целенаправленной информацией, тем более адекватно он сможет сформировать свой образ и прообраз объективной реальности» [8, с. 84], и такое формирование образа, самопрезентации ставится во главу угла в том числе и современным автором литературного текста. Писатель сегодня обладает широким технологическим инструментарием, позволяющим ему, минуя издателя, вступать в коммуникацию с аудиторией, «собирать» ее вокруг себя, и – в случае успешности такой коммуникации – коммерчески ориентированный издатель сам оказывается заинтересованным во взаимодействии с уже получившей виртуальную известность творческой личностью. Поэтому вполне закономерно, что многие современные авторы, издаваемые и узнаваемые, в «большую литературу» пришли «из интернета», где вели свои виртуальные дневники, «живые журналы», аккаунты в социальных сетях. Закономерно на этом фоне и другое: «конвертация» искренности в сети приносит писателю в информационном обществе ощутимые плоды. И если писателю удастся пройти «виртуальную апробацию», то внимание читательской аудитории к его реальному литературному творчеству значительно увеличивается. Примечательно, что в этом случае становятся уместными и востребованными как малые, так и крупные жанровые формы («лонгриды» в современной сети хоть и позиционируются как востребованные, но все же уступают лаконичным форматам). Медийность, узнаваемость писателя во многом определяют его «успешность» в современном обществе; идея успеха как цели в рамках актуальной сегодня «системы ориентаций и поклонения» (определение Э. Фромма) выходят на социальную авансцену. При этом целенаправленное формирование виртуального «я», которым сегодня могут быть поглощены творческие личности в сети, все же не отменяет необходимости обладать литературным талантом, работать над словом в его, скажем так, долгосрочной перспективе (в сравнении со словом виртуальным, которое рассчитано на мгновенное восприятие, на быструю реакцию), не отменяет умения моделировать художественную картину мира, то есть делать все то, что было в «ведении» писателя и в «доцифровую» эпоху, хотя условия массовой потребительской культуры значительно снижают «планку» читательского запроса и ожидания. В нынешней интернет-коммуникации нередки ситуации, когда читаемый и получающий обратную связь («лайки» и т. п.) в социальных сетях автор, контент которого представлен афористичными высказываниями, занятыми зарисовками «из жизни», принципиально полемичными суждениями, оказавшись в контексте более традиционных художественных форматов реального книжного измерения, видится читателю не слишком интересным. Примечательно, что это бывает и в плане творческих концепций, и в аспекте приемов художественного выражения, которые, что логично, по-разному «работают» в реальных и

виртуальных пространствах. То есть литературный процесс в информационном обществе развивается по обновленным коммуникативным законам, попадая не только на пересечение художественно-философского, публицистического, документального дискурсов, но и делегируя современному писателю принципиально новые «полномочия», связанные с непосредственным включением в «работу на имя», во взаимодействие с интернет-аудиторией (читатель, таким образом, значительно расширяет возможности ответного взаимодействия с автором), в самопрезентацию и самопродвижение. Современная художественная словесность в лучшем случае не может игнорировать создавшиеся коммуникативные условия, а в худшем – демонстрирует прямую и вовсе не безобидную зависимость от них, поскольку рискует оказаться заложницей конъюнктуры, временных идеалов, преходящих ценностей.

Отдельно при осмыслении бытия литературного произведения в сетевом обществе необходимо отметить и дополнительную визуализацию, сопровождающую текст. Если «воспроизведение действительности на интонационном уровне – это, в значительной мере, воссоздание иллюзии разговорных интонаций» [5, с. 164], то своего рода «закрепителем» в осуществлении взаимосвязей между реальностью и текстом служит визуальный ряд. Как правило, в организации публикации среди наглядных средств выразительности доминирует фото. Портрет автора литературного текста, причем желательно неформальный, неожиданный, без, условно говоря, «хрестоматийного глянца», изображения персонажей, какими видит их, к примеру, художник-иллюстратор, репродукции картин, содержащих ту или иную отсылку к эпохе, – таков основной спектр фотоматериалов, сопровождающих литературный текст. Реже встречается видео, и оно не столько дополняет текст, сколько отвлекают от него читателя, однако может быть уместным и востребованным реципиентом, если, например, на фоне определенного видеоряда текст звучит и параллельно представлен в виде субтитров.

В качестве наиболее продуктивных интернет-площадок для репрезентации дневниковой прозы сегодня выступают мессенджеры. В каждом из «авторских» каналов, озаглавленных известным писательским именем, просматривается определенная «привязка» публикации к месту и времени, к актуальному событию. Маркированное аналогичными датами, что и текущая, но отделенное от нее расстоянием в столетие и более дневниковое высказывание признанных авторов позволяет сетевому реципиенту обнаружить схожесть переживаний, эмоций, проблем, исканий. На фоне социально-психологических трансформаций настоящего, смены ценностной парадигмы в условиях общества массового потребления и стремительного развития информационных технологий сетевой реципиент, пребывающий в ситуации неизбежной внутренней раздвоенности

между реальным и виртуальным пространствами жизни, может получить, соприкасаясь с дневниковым дискурсом авторов предшествующих эпох, ощущение духовной опоры; в силу вступает психология бессознательного, срабатывают культурные архетипы как «отражение постоянно повторяющегося опыта человечества» [9, с. 109]. Сравнение собственных переживаний и внутриличностных процессов с иным культурным опытом, закрепленным в литературных формах, работает на ощущение эмоциональной близости участников коммуникации. Писатель как бы раскрывает свою «неофициальную сторону», и читатель воспринимает это, хотя и не без низового инстинкта «толпы», о котором А. С. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc. <...> При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы – иначе» [10, с. 216]. Вместе с тем приобщение сетевого реципиента к литературной традиции, формирование такого вневременного пространства, в котором эта связь оказывается живой, обладает высоким созидательным потенциалом. «Медиатизация литературного текста представляется нам процессом неизбежным, но при этом способствует популяризации подлинного творчества среди самых широких слоев сетевой аудитории и в какой-то степени, трансформируя и адаптируя, делает доцифровую культуру достоянием современности. С учетом того, что цифровая среда и ее формы подвержены постоянным изменениям, можно рискнуть утверждать, что сегодняшние сетевые медиакультурные вариации забудутся по мере появления новых технологий, но дигитальные копии и ифровые тексты сохранятся на длительный срок и будут по-прежнему востребованы» [1, с. 36]. Информационное же общество закономерно вырабатывает актуальные для себя принципы и способы взаимодействия с художественным наследием, а сетевые форматы делают литературный текст содержанием высказывания, не только транслирующим культурный код и позиционирующим ценности, но и в совокупности моделей и дискурсов организующим современную коммуникативную парадигму в качестве значимой составляющей медиакультуры.

Список использованных источников

1. Солдаткина Я. В. Литература в сети Интернет и основные формы развития медиакультуры: доцифровой текст и его сетевые трансформации // Наука и школа. – 2021. – № 1. – С. 29–36.
2. Фокин П. Е. «Новая, своеобразная и прекрасная форма литературной деятельности...» («Дневник писателя» 1876–1877 годов Ф. М. Достоевского и «Опавшие листья» В. В. Розанова) // Достоевский. Материалы и исследования. – СПб., 2000. – Т. 15. – С. 191–202.

3. Симонова Т. Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра. – Гродно, 2002. – 192 с.
4. Лебедев С. Ю. Концепция личности – тип повествования – жанр // Литературные жанры: теоретические и исторические аспекты изучения. – М., 2008. – С. 56–62.
5. Лотман Ю. М. Пушкин. Статьи и заметки. – М., 2008. – 448 с.
6. Соловьев А. В. Литература и словотворчество в информационную эпоху // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2009. – №. 24.– С. 98–112.
7. Лебедев С. Ю. Сказовая форма повествования как особый тип диалога в художественной литературе // Национальные культуры в межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. в 2 ч. – Ч. 2. Национальные формы художественной культуры в процессе межкультурного взаимодействия. – Минск, 2016. – С. 223 – 235.
8. Еляков А. Современное информационное общество // Высшее образование в России. – 2001. – № 4. – С. 77–85.
9. Юнг К. Г. Психология бессознательного. – М., 1994. – 320 с.
10. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. – М., 1962. – Т. 9. – 495 с.

References

1. Soldatkina Ya. V. Literatura v seti Internet i osnovnye formy razvitiya mediakul'tury: dotsifrovoy tekst i ego setevye transformatsii // Nauka i shkola. – 2021. – № 1. – S. 29–36.
2. Fokin P. E. «Novaya, svoeobraznaya i prekrasnaya forma literaturnoi deyatel'nosti...» («Dnevnik pisatelya» 1876–1877 godov F. M. Dostoevskogo i «Opavshie list'ya» V. V. Rozanova) // Dostoevskii. Materialy i issledovaniya. – SPb., 2000. – Т. 15. – S. 191–202.
3. Simonova T. G. Memuarnaya proza russkikh pisatelei XX veka: poetika i tipologiya zhanra. – Grodno, 2002. – 192 s.
4. Lebedev S. Yu. Kontseptsiya lichnosti – tip povestvovaniya – zhanr // Literaturnye zhanry: teoreticheskie i istoricheskie aspekty izucheniya. – M., 2008. – S. 56–62.
5. Lotman Yu. M. Pushkin. Stat'i i zametki. – M., 2008. – 448 s.
6. Solov'ev A. V. Literatura i slovotvorchestvo v informatsionnuyu epokhu // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. – 2009. – № 24.– S. 98–112.
7. Lebedev S. Yu. Skazovaya forma povestvovaniya kak osobyi tip dialoga v khudozhestvennoi literature // Natsional'nye kul'tury v mezhkul'turnoi kommunikatsii:

sb. nauch. st. v 2 ch. – Ch. 2. Natsional'nye formy khudozhestvennoi kul'tury v protsesse mezhkul'turnogo vzaimodeistviya. – Minsk, 2016. – S. 223–235.

8. Elyakov A. Sovremennoe informatsionnoe obshchestvo // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2001. – № 4. – S. 77–85.

9. Yung K. G. Psikhologiya besoznatel'nogo. – M., 1994. – 320 s.

10. Pushkin A. S. Sobranie sochinenii: v 10 t. – M., 1962. – T. 9. – 495 s.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Abdiyeva Adalat is PhD, Associate Professor; Head of the Department of Philosophy and Social Sciences of the Azerbaijan University of Languages (Azerbaijan). Her research interests encompass philosophical comparative studies, multiculturalism.

Абдиева Адалят Мурад кызы – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии и общественных наук Азербайджанского университета языков (Азербайджан). Сфера научных интересов: философская компаративистика, мультикультурализм.

Fayzullina Liliya is PhD, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Pedagogy and Psychology, Dean of the Faculty of Education of the Sibay Institute (branch) of the Ufa University of Science and Technology (Russia). She is the author of 65 scientific publications, including 3 monographs, 10 textbooks for students. The area of her scientific interests encompasses problems in the field of cognitive psychological processes, correction of mental retardation, neuropsychology and neuropedagogy.

Файзуллина Лилия – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры педагогики и психологии, декан педагогического факультета Сибайского института (филиала) Уфимского университета науки и технологий (Россия). Автор 65 научных публикаций, в том числе 3 монографий, 10 учебных пособий для студентов. Сфера научных интересов: проблематика в области когнитивных психологических процессов, коррекции задержки психического развития, нейропсихологии и нейропедагогики.

Fu Shouxiang is PhD, a Qianjiang Scholar of Zhejiang Province and Distinguished Professor at Huzhou University (China). His research interests encompass comparative poetics and philosophy of culture

Фу Шоусян – кандидат филологических наук, профессор, ученый из Цяньцзяна (провинция Чжэцзян), заслуженный профессор Университета Хучжоу (КНР). Его научные интересы охватывают сравнительную поэтику и философию культуры.

Jabarova Shukufa is PhD, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences of the Azerbaijan University of Languages (Azerbaijan). She is the author of three textbooks and more than 70 articles, participant of international conferences held in Turkey, Russia, Serbia, Kazakhstan, Belarus, China. Her research interests encompass philosophical anthropology, multiculturalism, gender issues.

Джабарова Шукюфа Барат – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и общественных наук Азербайджанского университета языков (Азербайджан). Автор трех учебных пособий и более 70 статей, участник международных конференций, проводимых в Турции, России, Сербии, Казахстане, Беларуси, Китае. Сфера научных интересов: философская антропология, мультикультурализм, гендерные проблемы.

Kondratenko Polina is a senior lecturer of the Department of theory and methodology teaching art at the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; ballerina (Belarus). Her area of scientific interests includes different issues of choreography, its development and contemporary problems.

Кондратенко Полина – старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания искусства Учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»; балерина (Беларусь). Сфера научных интересов: развитие и актуальные проблемы хореографии.

Lebedzeva Marina is PhD, Associate Professor; Associate Professor at the Department of Media Studies of the Belarusian State University (Belarus). She is the author of 80 publications, including 2 educational publications (co-authored), participant of 2 collective monographs. Her research interests encompasses journalism and media technologies, modern literary process, media culture of the information society, psychology of communication.

Лебедева Марина – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры медиалогии факультета журналистики Белорусского государственного университета (Беларусь). Автор 80 публикаций, в том числе 2 учебных изданий (в соавторстве), участник 2 коллективных монографий. Сфера научных интересов: журналистика и медиатехнологии, современный литературный процесс, медиакультура информационного общества, психология коммуникации.

Lozitsky Vyacheslav is PhD, Associate Professor; Associate Professor at the Department of Economics and Business of the Polessky State University (Belarus); he is a doctoral student of the State Educational Institution «Academy of Education» (Belarus). He is the author of 200 scientific publications, including 4 monographs, 19 educational publications for school and university students. His research interests encompass problems of testology; information and communication technologies in education; development and introduction of electronic educational resources into educational practice; formation and development of personal information culture.

Лозицкий Вячеслав – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры экономики и бизнеса Полесского государственного университета; докторант

государственного учреждения образования «Академия образования» (Беларусь). Автор 200 научных публикаций, в том числе 4 монографий, 19 учебных изданий для студентов и школьников. Сфера научных интересов: проблематика тестологии; информационно-коммуникационные технологии в образовании; разработка и внедрение в образовательную практику электронных образовательных ресурсов; формирование и развитие информационной культуры личности.

Mysyk Irina is Doctor of Philosophy, Professor; Professor of the Department of Philosophy and Sociology of the K. D. Ushinsky South Ukrainian State Pedagogical University (Ukraine). She is the author of more than 300 publications, including monographs, textbooks, articles in scientific publications around the world on philosophy, linguistics, literary studies.

Мысык Ирина – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Южноукраинского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского (Украина). Автор более 300 публикаций, включая монографии, учебники, статьи в научных изданиях разных стран мира по философии, лингвистике, литературоведению.

Novik Svetlana is a Master of Pedagogical Sciences, senior researcher at the Laboratory of Personality Education Problems of the State Educational Institution «Academy of Education» (Belarus). She explores the general problems of education, the formation of functional literacy of students in the educational process, the formation of the competence of team interaction of adolescent students.

Новик Светлана – магистр педагогических наук, старший научный сотрудник лаборатории проблем воспитания личности государственного учреждения образования «Академия образования» (Беларусь). Специалист в области воспитания. Исследует общие проблемы воспитания, формирования функциональной грамотности обучающихся в воспитательном процессе, формирования компетенции командного взаимодействия учащихся подросткового возраста.

Pominov Andrey is PhD, Head of the Laboratory of Neuropsychology and Neuropedagogy, Associate Professor at the Department of Pedagogy and Psychology of the Sibay Institute (branch) of the Ufa University of Science and Technology (Russia). He is the author of 40 scientific publications, including 3 monographs. The area of his scientific interests encompasses problems in the field of cognitive psychological processes, emotional states, cognitive linguistics, neuropsychology and neuropedagogy;

reflexive processes of self-awareness, problems of deviant behavior, forensic examination of information materials on criminal cases of extremism and terrorism.

Поминов Андрей – кандидат педагогических наук, заведующий лабораторией нейропсихологии и нейропедагогики, доцент кафедры педагогики и психологии Сибайского института (филиала) Уфимского университета науки и технологий (Россия). Автор 40 научных публикаций, в том числе 3 монографий. Сфера научных интересов: когнитивные психологические процессы, эмоциональные состояния, когнитивная лингвистика, нейропсихология и нейропедагогика, рефлексивные процессы самосознания, проблемы девиантного поведения, судебной экспертизы информационных материалов по уголовным делам об экстремизме и терроризме.

Rusetsky Vasily is Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Head of the Research Center of the State Educational Institution «Academy of Education» (Belarus). He is a specialist in the field of teaching methods of the Russian language, speech culture, rhetoric, and communicative linguistics, the author of manuals on the culture of speech and rhetoric for institutions of general secondary and higher education. He explores general issues of education development in the information society, participates in the development of conceptual and predictive materials for the development of preschool, general secondary and special education, organizes scientific research in the field of pedagogy and education in the Republic of Belarus.

Русецкий Василий – доктор педагогических наук, профессор; начальник научно-исследовательского центра государственного учреждения образования «Академия образования» (Беларусь). Специалист в области методики обучения русскому языку, культуры речи, риторики, коммуникативной лингвистики. Автор пособий по культуре речи и риторике для учреждений общего среднего и высшего образования. Исследует общие вопросы развития образования в условиях информационного общества, участвует в разработке концептуальных и прогнозных материалов по развитию дошкольного, общего среднего и специального образования, организует научные исследования в области педагогики и образования в Республике Беларусь.

Wei Lina is PhD, a Professor of English and MA supervisor of British and American Literature at Huzhou University (China). Her research focuses on comparative poetics and cross-cultural communication.

Вэй Лина – кандидат филологических наук, профессор, научный руководитель магистерских исследований в Университете Хучжоу, относящихся к изучению британской и американской литератур (КНР). Ее исследования сосредоточены на сравнительной политике и межкультурной коммуникации.

Zelanko Volha is Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor; Vice-rector of the State Educational Institution «Academy of Education» (Belarus). She is a specialist in the field of teaching methods of the Belarusian language, the author of educational and methodological manuals on the Belarusian language for institutions of general secondary education of the Republic of Belarus. She explores the general problems of the development of preschool, general secondary and special education, issues of assessing the quality of education, organizes research on the quality of education.

Зеленко Ольга – доктор педагогических наук, доцент; проректор по научной работе государственного учреждения образования «Академия образования» (Беларусь). Специалист в области методики обучения белорусскому языку, автор учебных и методических пособий по белорусскому языку для учреждений общего среднего образования Республики Беларусь. Исследует общие проблемы развития дошкольного, общего среднего и специального образования, вопросы оценки качества образования, занимается организацией исследований качества образования.

Zeng Yanbiao is a graduate student of the Department of Theory and Methods of Teaching Art at the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank. The area of scientific interest encompasses various issues of general musical education in China, problems of teaching the academic subject «Music».

Цзэн Яньбяо – аспирант кафедры теории и методики преподавания искусства Учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» (Беларусь). Сфера научных интересов: вопросы общего музыкального образования Китая, проблемы преподавания учебного предмета «Музыка».

跨文化研究中心简介

为响应和服务“一带一路”倡议，进一步推动阿塞拜疆语言大学孔子学院与浙江省“一带一路”重大项目建设，深入探索高校建设跨国别、跨文化综合研究平台的有效模式和可行性路径，对“一带一路”沿线重点俄语国家进行多领域的前瞻性国别与区域研究，打造“一带一路”学术交流平台，增强中国作为“一带一路”倡议国的引领示范作用与国际影响力，2017年12月湖州师范学院、中国社会科学院信息情报研究院、阿塞拜疆语言大学、白俄罗斯教育科学院、乌克兰教育科学院共同成立了跨文化研究中心。

跨文化研究中心将目标定位于打造区域与国别研究基地、建立学术思想与研究智库、建设教育文化交流中心以及搭建经贸合作服务平台。首先，中心将立足国内，重点聚焦阿塞拜疆、白俄罗斯、乌克兰三个“一带一路”沿线核心俄语国家，逐渐辐射至沿线其他俄语国家，积极联合目标国家与国内有影响力的高校、科研院所各研究方面的优势与特色，开展多学科综合研究，努力培养“一带一路”沿线俄语国家相关领域研究人才，努力建成教育部国别和区域研究基地；其次，按照教育部《中国特色新型高校智库建设推进计划》要求，以“民间为主、政府参与、坦诚对话、凝聚共识”为宗旨，以“一带一路”沿线俄语国家为对象，围绕双边战略问题和重点、热点、难点问题，加强人才队伍建设，开展前沿的学术研究，打造相关学术研究与人才智库；再次，以学校俄语专业、历史学、国际商贸、涉外旅游、艺术、中国传统文化等相关学科为主体，阿塞拜疆语言大学孔子学院为核心交流平台，大力推动与“一带一路”沿线俄语国家高校、相关机构间师资互派、艺术巡演、长短期学生交换互访等交流活动，打造服务“一带一路”倡议的教育文化交流品牌；最后，依托国家发改委“一带一路”重点项目、湖州市“十三五”规划“六重”平台与湖州作为“世界丝绸之源”、国际生态文明先行示范区等特色经济社会优势，提供信息咨询、推动浙江省及其他国内地区与相关国家科研开发、企业合作、社会服务等方面合作，带动区域经济共同发展。

跨文化研究中心主要涵盖四个研究方向，分别为外交与政治研究、教育与语言研究、经贸与旅游研究以及文化与社会研究。首先，以“一带一路”沿线俄语国家为重点，配合学校相关学科专业与科研成果，开展包括国际政治、比较政治、政治经济等在内的政治学领域研究与包括文化外交、经济外交、多边外交等跨学科综合研究；其次，立足于我校100年的师范教育办学历史，结合“一带一路”沿线俄语国家的教育研究新趋势，特别是苏霍姆林斯基教育思想等重要学术理论与学术思潮，开展跨文化研究领域中的比较教育研究、中国与“一带一路”沿线俄语国家青少年教育等相关课题，充分发挥我校“明体达用”的教育思想，打造具有国际视野的先进教育理论实践平台；再次，以“一带一路”沿线俄语国家社会经济与贸易政策为重点研究对象，聚焦能源开发、基础设施建设、金融服务、休闲生态、文化产业等不同经济领域，开展跨文化经济贸易领域中的专项研究与比较研究，搭建面向目标国家的政治、经济和法律的咨询服务与行业指导系统；最后，积极协调统筹中国音乐、舞蹈、武术太极、中医理疗文化等领域的校内外教学与研究资源，联合孔子学院研发更多中华文化课程与相关俄语教育资源，推动中医、太极等中华文化走向国门。积极开展“一带一路”重点俄语国家在社会、人文、艺术等领域的特色文化研究，同时开展丝绸文化、湖笔文化、茶文化等区域文化研究，打造体现中国地方特色的跨文化研究品牌。

跨文化研究中心结合四大研究方向和学校各下属学院的学科专业优势，实行“4+2+1”运行模式，即“4个研究部”+“2个展示馆”+“1个期刊与网站运行办公室”，每个研究部分别直接挂靠一个或多个实体学院，由学院负责研究团队的整合和研究项目的服务对接。其中学术期刊编辑与网站运行办公室负责跨文化研究中心的具体事务和协同运行。

通过湖州师范学院、中国社会科学院信息情报研究院、阿塞拜疆语言大学、白俄罗斯教育科学院、乌克兰教育科学院等多方合作，研究中心主动对接“一带一路”倡议，立足湖州，面向全球，以跨文化平台建设、团队培养、成果培育、项目争取、论坛交流和产业协同为抓手，打造区域与国别研究基地、建立学术思想与研究智库、建设教育文化交流和搭建经贸合作服务平台，同时有效汇聚政产学研各方创新资源和要素，通过“校地合作、项目驱动、动态管理、产学研用协同”，建立起“开放、流动、竞争、协作”的运行体制与机制，在多方的共同努力下将跨文化研究中心建成具有中国特色、在国内有一定影响的高水平研究平台。

跨文化研究中心组织结构图如下：

